

август 2015

БАРНАУЛ

литературный

285

Николай Клековкин. Барнаулский небоскреб. 2005 - 2007.

БАРНАУЛ

литературный

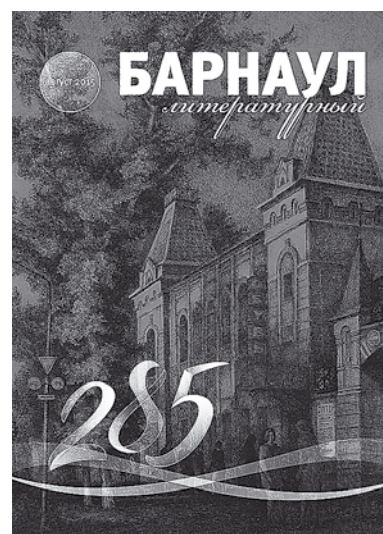

Издается при поддержке администрации Барнаула

август 2015

БАРНАУЛУ - 285!

Михаил Гундарин. К читателю.	3
Владислав Пасечник. Волчья река. Три фантазии	4
Дмитрий Золотарев. Первые художники Алтая	13
Алиса Тростникова. История жизни купца Федулова	16
Евгений Платунов. «Любите меня, как любите переплет из белого шелка или серой кожи...»	19
Лидия Лесная. Стихи	22
Ирина Боброва. Юрий Шиляев. Парк «Память адмирала Колчака»	24
Елена Сафронова. Федор Достоевский: «Я намерен поселиться в Барнауле»	29
Поэты в городе: век двадцатый	35
Барнаульские арабески: Барнаул, Штаты, Белоруссия	37
Поэты в городе: век XX и XXI	38
Муралист в Барнауле. Год Аргентины в России	41
Городской пейзаж: заметки с выставки	42
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА	
Барнаульская кисть Юрия Кабанова	43
БЕСЕДА НОМЕРА	
Виолетта вне логики	44
ПРОЗА	
Владимир Токмаков. Люди из цветочного горшка (фрагмент романа)	49

На обложке:
Юрий Кабанов.
Красный магазин. 56x49
Офорт. 2003

Общественный совет:
А.В.Артемов, Н.В.Вакалова,
С.В.Землюков, А.Г.Истомина,
В.Г.Паршков, В.Ф.Прохода

Главный редактор:
Михаил Гундарин
Наш адрес:
barناول-1@yandex.ru

Тираж 999 экз.

ПОЭЗИЯ

Фарида Габдраупова.
Вхождение в осень 58

ПРОЗА

Павел Пономарев. Полезные вещи 61

Сергей Филатов.
Интернет по понедельникам 62

ГОСТЬ НОМЕРА

Глеб Шульпяков: «Время оставляет
на авторе отпечаток» 64

Глеб Шульпяков. Красная планета
(фрагмент романа) 66

МЕМУАРЫ

Высоцкий, Шукшин, Плисецкая... Воспоминания
художника Бориса Щербакова 76

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Золотарев. Александр Македонский
в Барнауле. Размышления
о классическом сюжете 79

Михаил Гундарин. Конструирование субъектности:
к новейшей истории писательской
организации Алтая 82

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

Читаем. Думаем. Творим! 86

Говори! 90

КРИТИКА

Сергей Мансков. Поэтика Елены Безруковой.
(Сборник «Книга ветра») 92

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГИД

Иван Акаев, Алексей Никифоров.
Что привезено на Пикет? 94

ВЕРНИСАЖ

Дмитрий Золотарев. Праздники живописи 96

Дорогие друзья, дорогие читатели!

Наш город имеет давние и глубокие культурные традиции. С судьбой Барнаула переплетены судьбы многих творцов, составивших славу и гордость великой русской культуры, уникального отечественного искусства. Не менее важно, что в жизни столицы Алтая всегда огромную роль играла интеллигенция. Прямая линия ведет от горных инженеров конца восемнадцатого века, образованных купцов, гимназических педагогов, журналистов начала прошлого столетия к тем тысячам врачей, учителей, ученых, работников культуры, которые своим вниманием и интересам поддерживают культурную жизнь Барнаула сегодня.

Наш журнал — для всех, у кого есть интерес к прошлому и настоящему родного города, творческим достижениям его литераторов, художников, актеров. А таких среди барнаульцев, думаю, большинство. Мы надеемся, что наши материалы будут полезны для школьников и студентов краевой столицы, желающих знать об истории своего города как можно больше. Барнаулу есть чем гордиться!

На страницах «Барнаула Литературного» вас ждет встреча не только с лучшими прозаиками и поэтами, которых немало во всех поколениях. Здесь пойдет серьезный, квалифицированный разговор о прошлом, настоящем и будущем нашей культуры и искусства во всех его проявлениях. Мы предоставим трибуну всем, кому есть что сказать по делу и по существу.

Барнаулу исполняется 285 лет. Я, как и все жители столицы Алтая, верю, что нас ждут годы расцвета культуры, годы роста творческого потенциала города и горожан. Отраднo видеть, что власти края и города готовы поддерживать культурные инициативы, направленные на то, чтобы культурная жизнь краевой столицы была еще ярче. Благодарю городскую администрацию за всестороннюю поддержку нашего проекта. Надеюсь, что журнал «Барнаул Литературный» станет полезным и интересным спутником горожан. И прежде всего, городской интеллигенции — людей, для которых нормальная жизнь невозможна без чтения и размышления над прочитанным.

**Главный редактор журнала «Барнаул Литературный»
Михаил Гундарин**

Протекает через наш город речка под названием Барнаул. Сейчас мы говорим о ней пренебрежительно и называем просто - Барнаулка. Однако, между прочим, именно эта река дала название нашему городу. Она текла по равнине и питала Обь задолго до того, как пришли в Сибирь первые русские поселенцы. Текла река и в бронзовый век, и в железный, и в средневековье. По-разному ее называли люди, жившие на ее берегах и оставившие на них свои следы. Поколение за поколением старые прозвания забывались, вымарывались из памяти, одна только река помнила все - век за веком, эпоха за эпохой.

Владислав
Пасечник

ВОЛЧЬЯ РЕКА три фантазии

ВЕК БРОНЗОВЫЙ

Андроновская культура - общее название для группы близких археологических культур бронзового века, существовавших в период с XVII по IX век до н. э. Андроновская культура впервые была описана А. Я. Тугариновым в 1914 году на основании находок, сделанных в Красноярском крае недалеко от деревни Андроново. Впоследствии находки были сделаны на территории Западной Сибири, Южного Урала и Казахстана. Наиболее известным среди них считается городище Аркаим. На территории Алтайского края, и Барнаула в частности, было обнаружено несколько крупных могильников, а также ряд поселений, свидетельствующих, что носители андроновской культуры в течение длительного времени обитали в этой области. Многие исследователи отождествляют Андроновскую культуру с древними праиндоевропейцами, так называемыми индоариями.

Подул злой Южный Ветер. Он принес запах песка и разбудил призраков, дремавших в речных водах. Белая дымка поплыла над землянками. Сложенные из дерева и камня, покрытые толстым слоем дерна, заросшие травой, издали они были похожи на земляные кочки, и только зоркий взгляд мог различить два небольших лаза, один с восточной стороны - для людей, другой - с западной, для скота. Внутри было по обыкновению тесно и шумно - тут и там бегали босоногие дети, женщины сидели по углам и трепали овечью шерсть. Их тупики были вырезаны из коровьих челюстей и устроены очень просто, но в умелых руках шерсть быстро превращалась в ткань. Старики молотили зерно в каменных ступах. Эта была тяжелая работа, но эти ветхие на вид люди привыкли к труду - кожа на их руках была подобна камню, и, казалось, самими ладонями могут они растереть твердые зерна. От очагов исходил чародейский дурман - старшие поставили на огонь алтарики с донником и конопляным семенем. Топили хворостом и кизяком, после трапезы в огонь бросали кости, которые долго тлели, давая слабое тепло.

Мужчины, войдя в жилище, тут же подвигались к огню. Сегодня они долго гнали зверя, но так и не настигли его. Их тела были истощены, ноги гудели от усталости, но не было на их лицах ни сожаления, ни скорби. Это были сильные люди, жившие свою трудную жизнь. Каменными мотыгами возделывали они землю, костяными серпами убирали урожай. Они носили одежды из шерсти и войлока, достаточно теплые, чтобы согреться зимой, и достаточно просторные, чтобы трудиться летом. Девушки по-разному украшали свои наряды - надевали разноцветные бусы, вплетали в косицы раковины и бисер. Зрелым женщинам дозволялось носить серьги и браслеты на руках.

Эти люди жили мирно - войны не случилось с тех самых пор, как они поселились на этом берегу. У старших все же хранилось оружие, у кого-то - копьё с темным жалом, у кого-то - позеленевший от времени топор. Они слышали, что за рекой, в серой и пыльной степи случаются мелкие распри, бывает, что мужчины выходят в открытое поле и меряются силой, но большого кровопролития не случилось уже давно.

Вот и теперь в селении царило спокойствие. Когда солнце сделалось красным, молодые собрались на глиняном утесе - послушать слова старика. Старик долго жил на земле, его огненно-рыжая борода за это время сделалась белой, как снег, а глаза, прежде го-

лубые, как Бессмертное небо, совсем выцвели. Когда он ходил по селению, был слышен звон - это бряцали медные и оловянные бубенцы на его посохе. В селе его чтили в глаза, но за глаза по-доброму посмеивались. Он был дурен собой и плохо работал, он взял себе негодную женщину и потому не имел детей. Никто, однако, не смел хоть в чем-то попрекнуть его - старик был старшим в селении, он умел говорить с богами, и слово его имело огромную силу.

- Я расскажу вам о нашей реке, - начал старик, усевшись на свое обычное место, на разбитый молнией пень. - Эта река - дочь двух влюбленных духов. Могучая и грозная, издревле течет она по нашей земле, питает ее и растит всякую жизнь. В старое время она сочеталась с Бессмертным небом и родила двух сыновей - Зломудрого и Богомудрого. Испокон веков братья воюют меж собой. Старший - Великий Змей раз в году пленяет свою мать, обвивает ее своими ледяными путами, но младший - Громовержец - всякий раз спасает ее. Он восходит на свою огненную колесницу, снаряжает стрелы-молнии и поднимается в Небо выше прочих светил. Он обрушивает весеннюю грозу на своего негодного брата, и тот размыкает путы, уползает в недра земли... И тогда, - старик вдруг осекся, обвел взглядом молодых и принялся рассказывать другое. Он вспоминал родные, заброшенные теперь земли, где он жил таким же быстроногим мальчишкой, как и они. Старик вспомнил годы неурожая и голод, когда он с прочими голодными бродил по песчаным балкам и всходил на древние дюны в поисках пропитания. Они собирали дикие злаки, выкапывали из земли крошечные луковицы, срывали ковыль и обдирали кору с деревьев. Ничего не могло утолить их голод - год от года земля скудела, мор истреблял скот. Старик помнил малых, замерших в колыбели, черных, разбухших от голода, и их матерей - простоволосых и пустогрудых. Потеряв детей, они проклинали богов и предков, удалялись от людей и умирали где-то в дикой пустоте.

Старик помнил и другое - как пришли люди из чужого племени, такие же голодные и злые. Мужчины этого племени окрасили свои лица охрой - в цвет крови. У них, кажется, не осталось ни женщин, ни еды, и они решились пойти в набег. Эти - рыкающие, краснолицые, вопящие - были еще в силе: их стрелы и дротики разили мужчин наповал, брошенные камни сбивали молодых с ног. Старик помнил, как сам, тогда еще молодой юноша, вышел защищать селение, как обрушил на врага свою каменную булаву, повалил его на землю и испил горячую черную кровь из его разбитой головы. Сделав так, он издал победный боевой клич, и враги в страхе обратились в бегство. Соплеменники тоже отстранились и безмолвно смотрели теперь на него: юноша исполнил древний и страшный ритуал, призвал темные силы для победы над врагом. Обычай этот был оставлен давным-давно, зарыт глубоко в землю в негодном месте, по ту сторону Белых гор. Никто не смел подойти к юноше, никто не мог заговорить с ним. Его долго не подпускали к домам и держали в дурной хижине на отшибе. Он полный месяц искупал свой поступок, куда седовласый жрец не подошел к нему и не плюнул в глаза, означив так искупление. Но и потом, вернувшись к своим, встречал он недобрые взгляды. Так было нужно - нужно для всех, кто еще жил. Он понимал это, а потому не печалился и не сомневался нисколько - смерть была смертью, а жизнь - жизнью.

Потом был исход - долгий и трудный. Человек не может остаться без жилища, а жилище не может пустовать без человека, а потому люди, оставляя свои землянки, предавали их огню. Они уходили из селения не оглядываясь, оставив от него лишь серое пепелище. Они шли, останавливались, жили, потом снимались и снова шли. Старик помнил эти переходы - сизые подпалыны на земле, дохлый скот, заваленные хижины и тех, старых и слабых, кого приходилось оставлять позади. Он смотрел теперь на мальчиков и думал, что тем скоро самим придется предать свои дома огню и отправиться в путь. Земля год от года давала все меньше, стада поредели, а зверь ушел далеко в глубь лесов. Старики по вечерам пели плачи о дурных временах, жрец что ни день выспрашивал волю богов, но древние духи, жившие среди зеленой листвы, не отвечали ему.

Мальчики разошлись, оставив старика. А он все сидел и сидел на своем пне, уставившись на Великую реку. Звездное небо разверзлось над ним, но он все так же смотрел вперед, не смыкая век. Утром пришли двое мужчин негодной породы, те, что жили в диком месте, далеко, на Соленой балке. Они приблизились к старику на расстояние трех шагов и заговорили с ним. Старик не ответил, взгляд его, подернутый белой дымкой, был все так же устремлен на воду. Тогда негодные приблизились к нему, осторожно взяли его за руки и ноги и отнесли к месту упокоения - каменистому выступу, где надлежало очиститься его телу. Три дня скорбели о нем, и семь девять. Надлежало скорбеть сорок дней,

Старик помнил и другое - как пришли люди из чужого племени, такие же голодные и злые. Мужчины этого племени окрасили свои лица охрой - в цвет крови. У них, кажется, не осталось ни женщин, ни еды, и они решились пойти в набег. Эти - рыкающие, краснолицые, вопящие - были еще в силе: их стрелы и дротики разили мужчин наповал, брошенные камни сбивали молодых с ног.

но боги супротивились тому. Старика положили в землю, головой на Запад, а в головах утвердили глиняный горшок, полный жирной каши. Тело покрыли охрой и закопали. Потом было много работы - мужчины сносили к своим хижинам большие соломенные тюки, обрушивали крыши, ломали стены. Собирали все, что можно было унести с собой или навьючить на скот. Потом старый жрец принес Благой огонь, и селение занялось. Скоро разрушенные жилища охватило голодное рыжее пламя. Люди шли вперед, не оглядываясь на пожар. Они оставляли после себя лишь сизое пепелище.

ВЕК ЖЕЛЕЗНЫЙ

Период с VII по III век до н. э. историки нередко называют скифским временем. В эту эпоху Западную Сибирь населяли ираноязычные племена, носители культуры «скифского круга». Нам немного известно об устройстве их общества, языке и мировоззрении. Основным источником наших представлений об их культуре служит погребальный инвентарь, найденный в захоронениях. Как считают современные исследователи, значительная часть населения в этот период занималась кочевым скотоводством, существовало как воинское, так и жреческое сословие, был развит заупокойный культ. В искусстве преобладал так называемый звериный стиль, изображающий животных и фантастических чудовищ. Памятники, относящиеся к скифскому времени, широко представлены на территории Алтайского края и Республики Алтай. Особый интерес вызывают захоронения, относящиеся к Каменской, Большереченской и Пазырыкской культурам. В конце III века до н. э. в Западную Сибирь вторгаются племена хунну под предводительством молодого вождя Маодуня (Модэ). Часть местного населения попадает под влияние иноземных захватчиков и со временем утрачивает свою культурную идентичность. Другая часть, оставив родные земли, растворяется среди народов Евразии.

Чужаки пришли зимой, не дождавшись, когда окрепнет лед. В холодную пору они табеневали свои стада на дальнем солончаке и ели конину. От их зимовья в небо поднимались столбы черного дыма - очаги топили навозом. Траксакай во время охоты дважды подходил к их юртам, издали выглядывая, много ли на стоянке мужчин и есть ли у коновязей добрые кони. Чужаки говорили на испорченном языке, у них была смуглая кожа и черные глаза, колкие и зоркие, словно у ящериц. Татуировки на их лицах и убранство одежды были Траксакаю незнакомы. Юрты они ставили не по-здешнему, а очаги не выкладывали камнем, мужчины строгали лыжи на свой манер - они не крепили к ним оленью шкуру, но оставляли дерево гладким. В их зимовье не было коров, но были козы - род Траксакай никогда не держал при себе этих дурных животных. Козы разоряли пастбища, вытаптывали землю и портили родники. Мутная река становилась бурой от их нечистот, и женщины проклинали богов, когда им приходилось стирать одежду в этой грязной жиже.

Чужаками верховодила женщина - высокая и статная, она ходила по зимовью держа в руке знаки власти - рог и короткую конскую плеть. На ее поясе болтался железный клевец, выполненный в виде головы грифа. На груди ее тускло блестела медная пектораль, изготовленная очень искусным мастером - в меди жили и боролись звери и духи, в яростной схватке переплетались чудовища, на ободке цвели степные травы, а у сердца вращаемое двумя грифонами горело золотеное солнце. Траксакай долго любовался на эту пектораль и на саму верховодицу - женщина была еще молода и хороша собой. У нее была светлая кожа и густые волосы темно-русой масти. Она носила длиннополый кафтан, обшитый медными и золотыми бляшками, на запястьях ее болтались браслеты из бисера и морских раковин. Видно было, что прежде чужаки жили богато, раз могли из-

готовить или выменять такие красивые вещи. Теперь, однако, ящереглазые жили очень скудно - их одежды поистрепались а дети были худы и слабы. Женщины выцвели и походили больше на болотных призраков, чем на детородиц. Стариков не было видно вовсе - значит, они самовольно заморили себя голодом. Юрты зияли черными прорехами, женщины не валяли войлока - не стало овец, а значит, не стало и шерсти. Чужаки пришли из степей - всюду вокруг кочевья на снегу была видна степная пыль. Траксакай слышал, что в Большой степи теперь худо - объявился новый, молодой царь, злой, как рысь и сильный как, медведь. Он бил людей нещадно, прогонял с кочевий слабых, а сильных пленял. Как только Драконий Владыка издох, этот молодой царь налетел на Великий путь, как ураган, смел все города и стоянки. Через это оскудела степь, истражила всякую человеческую жизнь. Люди снялись с обжитых мест и двинулись кто куда. Род Траксакай жил в стороне от Великого пути, а потому и не знал горя - нищий ведь не может оскудеть. Но вот объявились чужаки, и они искали что-то в не своей земле. «Не с миром пришли, - понимал Траксакай. - Одним только миром сыт не будешь». Долго думал он

об этом ворочаясь на своем лежке. Промаявшись пять ночей, он решил, наконец, пойти к воеводе и рассказать обо всем. Подпоясался Траксакай, взнуздal коня и поскакал к большому стойбищу.

На берегу реки Дану увидел он множество пестрых шатров, среди которых бродили стреноженные лошади. Здесь и жил сейчас воевода с дружиной. Всюду на земле лежали нечистоты, воздух звенел от мошкары, небо было черно от дыма. Проехав первую резную коновязь, Траксакай снял с головы шапку, у второй - спешился и привязал коня, возле третьей - опустил глаза долу.

Воевода обыкновенно сидел в своем шатре и вдыхал конопляный дым. Это был матерый конник, хоть и седой на ус. От рождения его нарекли Арьей, но в роду все звали его просто: Большой черпак. Это свое прозвание воевода заслужил - он был еще мальчишкой и пахтал кумыс, когда во время вешнего перехода на их кочевье напал лесной народ. Арья выскочил из своего шатра, как был - голый, с большой деревянной ложкой в руке. Этой-то ложкой он и бил незваных гостей, словно то была палица. С тех пор не раз выходил он в Большую степь и заступался за своих родичей, но ложка для пахтанья кумыса всякий раз болталась на его поясе. Большой черпак не был старшим в роде, но он был умнейшим из мужчин, и все слушались его слова. Вот почему Траксакай подошел к нему с великим почтением и заговорил тихо, но твердо:

- Могучий кшатра, вели прогнать их.

- Кого прогнать? - удивился Большой черпак.

- Вели прогнать чужаков, что на солончаке. Мне от них один только страх, - и Траксакай рассказал все что видел сам.

- Подождать нужно, - ответил воевода подумав. - И ты жди теперь, да смотри, что будет. Скоро они пришлют к нам посыльных - тогда будем знать.

- Разве ты с ними расцелуешься? - удивился Траксакай.

- Если с добром пришли - расцелуюсь. - А к богатырше той попрошусь в мужа.

Траксакай произнес несколько дурных слов, но удалился. Он был молод, но никак не глуп и не слаб - это знали все. Он изловил росомаху и сделал из нее себе шапку, он увел коня из Заречного стана и победил в тэл-каши, когда трое всадников вместе пытались вырвать из его рук баранью тушу. Слово Траксакай имело вес, но Большой черпак не слушал его.

Едва стало теплеть, как приехали посыльные - оба темноволосые и смуглые, у обоих - голодные и злые глаза. Два мешка принесли они с собой, а как встали перед воеводой, так разом и вытряхнули - серый песок посыпался на ковер. Старейшины, увидав это, схватились за плечи и принялись рассыпать проклятия. Посыльные, не сказав ни слова в ответ, вскочили на коней и умчались прочь. Старейшины между тем накинулись на воеводу с кулаками - чего, мол, сидишь, седой ус? Не видишь разве, какую нам причинили обиду?

Делать нечего - принеся положенные жертвы, Большой черпак тотчас пустил по кочевьям клич, собирая всадников для войны. Прошел день, за ним другой - у стойбища стали собираться мужчины, верховые и пешие, достаточные и нищие, все - изрядные

Спустя несколько дней Траксакай ворвался на зимовье ящероглазых с пятью всадниками, схватил верховодицу поперек талии и усадил перед собой на коня. Кшатри Савромак отбивалась, колотила Траксакаю кулаками, кусалась и кричала, созывая своих защитников. Но ее не было слышно - товарищи Траксакай свистели и гикали, ухали конские копыта и ревели рожки.

стрелки. Приехало и несколько охочих до боя девиц - оставив матерей, взяв отцовское оружие, прискакали они на молодых кобылах и объявили, что тоже пойдут в набег. Большой черпак не стал отсылать их. Приехал, наконец, и обиженный Траксакай - пришлось Большому черпаку повиниться перед ним. Молодой всадник простил воеводу и тоже присоединился к войску.

Вознесли хвалу богам и выдвинулись в набег. Большой черпак ехал впереди, а с ним - сотня матерых воинов, тех, что еще были в силе. Следом, поднимая горькую пыль, тянулась вереница всадников - три сотни луков, не меньше, все здоровые, смелые мужи, полные силы и молодой злобы. Сзади плелись пешие - самые бедные степняки, не имевшие собственных лошадей.

На берегу Мутной реки им встретились ящероглазые. Их было немного - с десяток конных - и они тут же пустились наутек. Траксакай и еще несколько всадников пустились в погоню - троих чужаков настигли и умертвили на месте, остальные исчезли в березовой роще. Едва же преследователи приблизились к белоствольным деревьям, как с песчаного косогора в них полетели стрелы, а следом обрушились всадники в черных кафтанах. Лошади грянули в реку, ломая хрупкий лед, началась страшная толчея, конь Траксакай по грудь ушел в ледяную воду, справа и слева на него посыпались удары плетей. Подняв над головой деревянный щит, Траксакай, не видя, бил чеканом наотмашь. Оказавшись на берегу, он увидел воеводу - в правой руке кшатра Арья держал треугольный меч-акинак, в левой - огромный резной черпак. С ревом налетал он на врагов, разбивал головы и ломал кости. Ящероглазые в страхе отступали перед седоусым кшатрой. Но вот какой-то молодой воин сошелся с ним один на один. Щелкнула плеть, и акинак упал на землю. По правой руке Арьи побежала кровь. Воевода взревел и ударил ложкой наотмашь, думая расколоть наглицу голову, черный колпак упал на стылую землю, воевода раскрыл рот, не в силах оторвать взгляд от густых темно-русых волос. Перед ним была богатырша. Верховодица махнула клевецом, и кшатра свалился в воду с разбитой в кровь головой.

- Кшатри Савромак! Кшатри Савромак! - закричали ящероглазые.

Дальше все было страшно: Траксакай видел, как его соплеменники, лишившись вождя, обратились в бегство. Вслед им летели стрелы и громкие проклятия ящероглазых. Пешие теперь бежали впереди конных, иные из них падали и погибали под копытами.

Увидев, что дело пропало, Траксакай по здравому суждению повернул коня прочь от Мутной реки и помчался во весь опор. Он не знал страха и не бежал от гибели, но желал только сохранить себя для дела. Одна злая и умная мысль засела у него в голове...

Спустя несколько дней Траксакай ворвался на зимовье ящероглазых с пятью всадниками, схватил верховодицу поперек талии и усадил перед собой на коня. Кшатри Савромак отбивалась, колотила Траксакаю кулаками, кусалась и кричала, созывая своих защитников. Но ее не было слышно - товарищи Траксакай свистели и гикали, ухали конские копыта и ревели рожки.

Ящероглазые пустились было в погоню, но скоро потеряли след - очень уж хорошо Траксакай знал свою землю, а потому умел появляться из ниоткуда и пропадать по своему желанию.

Лишившись богатырши, чужаки возопили - им показалось, что день стал ночью, а земля - небом. Изо дня в день, забыв себя и оставив труды, лежали они на земле, словно трупы. Сородичи Траксакай, покуда не имели над собой военного вождя, тоже впади в уныние - справив тризны по мертвым, они сложили большой курган и стали готовиться к вешнему переходу. Теперь они жили скучно и в тоске, решив, что уже, наверное, чужаки стонят их с этой земли.

Сошел снег, и открылись реки - наступила пора выбрать нового воеводу. Старшие сели в круг и принялись спорить, кто поведет кочевье. Спорили не день, и не два, а потому вконец обозлились друг на друга. Стали слышны гневные выкрики, и кто-то схватился за оружие.

Но в тот момент в стойбище объявился Траксакай. У первой коновязи не снял он шапки, не оставил лошадь у второй и у третьей не опустил глаза долу. Он подъехал к старейшинам, как был верхом, на большом черном мерине, а богатырша Савромак ехала подле него на белой кобыле. На ней был новый пояс, но не клевец висел на нем, а большое бронзовое зеркало - знак замужества.

Как только въехали они в круг, старшие замолчали, ожидая, что скажет Траксакай. Молодой всадник окинул взглядом собравшихся и произнес:

- Слушайте теперь мои слова. Не будет больше у нас вражды с ящероглазыми. Роды наши сочетаются между собой, как и мы сочетались с Савромак.

- Это почему же? Как так? - закричали старшие. Все прочие зароптали тоже, рассудив, что Траксакай повредился умом.

- Великий дар принесли нам эти люди, - сказал молодой всадник. - Две пригоршни родной земли - все добро, что осталось у них. Мы в ответ принесли им другой дар - собрали набег. Рассудите сами: кто прав между нами?

И опять закричали, забранились старшие. Но Траксакай успокоил их и теперь:

- Я раньше был глуп, а теперь поумнел, вот что знаю: из Большой степи к нам придет горе. Не весной, так летом полетят в нас поющие стрелы. Голод и разорение сулят нам боги. Уберечься мы сможем только все вместе, когда не будет между нами вражды.

После этих его слов спор начался снова. Кто-то из лихих людей подался было к богатырше, чтобы стащить ее с коня, но Траксакай кнутом отогнал их прочь. Савромак между тем молчала, не зная, как и посмотреть на старших. Спор не стихал и в четвертую ночь, и в пятую. Наутро шестого дня Траксакай выкрикнули воеводой, а еще через несколько дней род Траксакай встретился с родом Савромак. Степняки простили друг другу причиненное зло и объяснились в братских чувствах. Как один род продолжили они свой путь, и путь этот лежал на Запад - прочь от Большой степи.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Начиная с VI века нашей эры Южная Сибирь становится центром тюркской цивилизации - одна за другой на ее территории возникают великие империи - каганаты, крупнейшие государственные образования своего времени. На берегах сибирских рек возводятся крупные города, связанные с крупнейшими торговыми артериями Евразии, строятся храмы и дворцы. Создается уникальная руническая письменность.

В каганатах имели распространение различные вероучения, среди которых исследователи выделяют буддизм, шаманизм и тенгрианство. В уйгурском каганате в качестве государственной религии было избрано манихейство. Монгольская экспансия XII века положила конец эпохе великих каганатов - тюркоязычные народы попали под влияние иноземных захватчиков. Но ничего в этом мире не исчезает бесследно. Потомки «небесных тюрков» и ныне живут на территории Западной Сибири, составляя коренное население Тувы, Алтая и Хакасии.

Наступила осень, луна истратилась, превратилась в тонкий белый серпик а затем и вовсе исчезла. Глядя не ночное небо, Огультей затосковал - редкие звезды тускло мигали среди облаков, грязно-серых, как шерсть. Иногда ветер разгонял небесную хмарь, и была видна Белая река - небесное отражение реки земной. В эту самую темную и глухую пору старый кам пришел к Огультею и сказал, что тому пора изготовить бубен.

- Едва снова родится месяц, ты сам станешь камом, - сказал он. По спине Огультея пробежал холодный озноб. Он когда-то слышал от старых людей, что первое камлание опаснее всех, что из царства духов вернуться очень непросто и бывает, что шаман так и остается лежать на земле холодным трупом, а дух его потом вечно бродит в подземном мире.

Обучение Огультея началось три года назад, когда он, глянув в мутные воды Волчьей реки, увидел чужое, не свое отражение. Сквозь бледную рябь на мальчика смотрело диковинное существо - покрытое густой черной шерстью, с тремя глазами, с длинными и острыми зубами. В страхе отпрянул Огультей от воды, начертал в воздухе охранный знак. Страшный дух пропал, да только взгляд его глаз с тех пор всюду следовал за мальчиком. Каждую ночь приходили к Огультею призраки и давили на него всем своим несметным числом. Безликие, безголовые обступали они мальчика со всех сторон, простирали к нему руки, молили о чем-то. Огультей кричал и бился на своем лежаке как безумный. На родных его притом находила страшная тоска: рыдала мать, плакал в деревянной люльке младший братец. Слышно было, как на дворе ржут лошади и заходятся лаем собаки. Отец в сердцах будил Огультея и лупил его по спине деревянной жердью. Мальчик затихал на время, но потом, заснув, снова начинал метаться и стонать. Так и жил Огультей, сменяя одно горе другим - днем терпел побои от отца, а ночью трепетал в окружении призраков.

Долго длились его мучения, но вот объявился в стойбище один ученый человек. Отец приветил мудрого мужа, расспросил его о том, что делается в мире, а сам, между делом, пожаловался на сыновий недуг. Ученый человек осмотрел Огультея, нахмурился, покачал головой. «У него шаманская болезнь, - сказал он после некоторого раздумья. - С вами ему жить нельзя - на всех порчу наведет. Отправьте его к каму в ученики - может, и выйдет толк». Делать нечего - стал мальчик снаряжаться в дорогу. Отец отрядил для сына самую худую из своих лошадей, одежду дал негодную, да и еды в дорогу собрал всего ничего: круг сыра, несколько сухих лепешек и бунчук с кумысом. Когда пришла пора Огультею отправляться, к коновязи вышла одна только мать - бледная, заплаканная, состарившаяся прежде времени. Отец так и не появился. Мальчик попрощался с матерью, вскочил на коня и поехал прочь.

Три дня поднимался Огультей вверх по течению Волчьей реки, а потом еще выше - к лесным озерам, покуда не встретилась ему большая юрта желтого цвета - в ней и жил старый кам. Звали его Бельдыр-Кара, и происходил он не из этих мест. У него была очень светлая кожа и ярко-голубые глаза. Несмотря на свои великие годы, спину он держал

прямо и шагал по земле широко, как молодой юноша. Прежде он жил далеко за седьми горами, на берегу реки Орхона в великом городе Орду-Балык. Еще в отрочестве принял он Белую веру и сделался служителем в Небесном храме. Учение Света тогда было в большом почете, и в каждом крупном селении стояло семь святилищ, обращенных к Отцу Величия. Было святилище и для Рогатого Бога, но оно имело вид земляной ямы, в которую сваливали нечистоты.

Во все свое юное время Бельдыр-Кара прилежно служил Отцу и, достигнув зрелости, был наречен Бурханом, мудрейшим из людей, наместником Учителя среди живущих.

Но вот в одну из зим племя Харга восстало против кагана и разорило его царство. Бельдыр-Кара бежал, оставив Орду-Балык со всеми его храмами на милость язычников. Долго скитался он один, покинутый учениками, голодный и нищий. Он бы умер от холода, не попадись ему брошенное зимовье с крытым бревенчатым срубом. В нем и переждал Бурхан холода и, едва сошел снег, снова двинулся в путь. Всякий день молил он Небо о помощи, приносил скудные жертвы и соблюдал простые обеты. Иногда Небо откликалось далеким грозным рокотом, иногда проливалось на землю холодным дождем, и тогда Бельдыр-Кара плакал - от тоски и голода. Вскоре, однако, набрел он на племя землепашцев, что жили в речных поймах и выращивали пшеницу. Они не знали Великого Отца, и самые речи о нем казались им диковинными. От землепашцев узнал Бельдыр-Кара, что в мире теперь правит новый каган и страна его зовется Хагас. Весть эта огорчила Бурхана. Он прожил с тем племенем до середины лета, но потом, поняв, что от него здесь нет и малого толку, отправился дальше, на Запад. Так ходил он по земле много лет, неустанно выпрашивая у Неба Его великую волю. И вот однажды, оказавшись в безлюдной и пустынной земле, воззвал Бельдыр-Кара в отчаянии к Рогатому Богу. Той же ночью явился Рогатый Бог Бурхану во сне и, приблизив к себе, сказал: «Отыщи землю за Седьми горами, остановись у истоков Волчьей реки и живи там как черный служитель». Проснулся Бельдыр-Кара в новой вере - гимны и хвалы Небесному Отцу он позабыл разом. Теперь в его голове сами собой складывались другие, грозные псалмы, вроде колдовских заговоров. Спустя год достиг он истоков Волчьей реки и поставил здесь свою юрту. Страна, в которой он оказался, пролежала в стороне от степного царства, и новый каган покуда не прибрал ее к рукам. Степи, простиравшиеся по берегам Великой реки, были пригодны и для выпаса скота, и для земледелия. Руду здесь не добывали, а потому не было в этих краях и больших поселений. Люди, бытовавшие здесь испокон века, приняли Бельдыр-Кара с опаской - уж больно диковинно он говорил и одевался не по-местному. Мало-помалу пошел слух, что у Волчьей реки поселился могущественный шаман, умудренный невиданными знаниями, и потянулись к Желтой юрте люди со всей земли. Бельдыр-Кара опять стали уважать и почитать как великого мудреца. Ему приносили богатые дары и чествовали в большие праздники. Все знали, как Бельдыр-Кара учен: он знал имена всех звезд и звездных соприжений, владел священной тайной письма, мог найти в поле любую нужную траву или коренья, умел унимать лихорадку и заговаривать зубы. Говорили даже, что он знает зимовья птиц и убежища рыб, но это, кажется, были только слухи.

Никогда Бельдыр-Кара не думал об ученике и, даже когда был стар, хранил свои секреты в большой тайне. А потому, когда на пороге его появился оборванный мальчишка, кам осыпал его бранью и отослал прочь. Но мальчишка пришел в другой день, и в следующий. Он стоял перед Желтой юртой со слезами в глазах. В третий день издохла его облезлая кляча, и тогда мальчишка снял с себя драный кафтан и укрыл им мертвую тушу. Бельдыр-Кара увидел это и позвал мальчишка в свою юрту.

С той поры всякий день наставлял кам своего ученика, учил разным премудростям, объяснял устройство мира. Он был строгим учителем: за любую провинность, за любой невыполненный урок он бил Огультея так, что тот вскоре заскучал по отцовской жерди.

Но вот истекло три года, и народилась новая луна. Еще до рассвета старый кам проводил Огультея в березовую рощу, подвел его к самому высокому белоствольному дереву и сказал:

- На ветках этих сидят тени будущих, не рожденных пока что людей. Ты, если духи тебя признают, всякую весну будешь взбираться на березу и стряхивать нерожденных на землю, а затем - мести их к жилым очагам. Так будет продолжаться род людской.

Огультей внимал каждому слову и запоминал накрепко - на всю жизнь.

- А теперь, - продолжил кам, - ты заберешься повыше и срубишь толстый сук на обод для бубна.

Огультей выполнил все в точности - он ловко взобрался на дерево, выбрал самый толстый сук и принялся его рубить. Топорик был туповат, но Огультей, боясь разозлить кама промедлением, рубил его с такой яростью, что скоро работа была кончена. Кам осмотрел сук и остался доволен.

В полдень пришел человек бая с двумя годовалыми жеребятками. Это были аргамки, приплод лучшей породы, - только это и принимал Рогатый Бог в жертву. Бельдыр-Кара подвел жеребят к раздвоенной березе и там умертвил - быстро и бескровно. Человек, которого прислал бай, стоял в стороне, и в глазах его была тоска - степняк жалел жеребят,

из которых могли вырасти добрые скаковые кони. Посыльный был беден и носил драный кафтан - проживи он хоть сто лет, все едино не скопил бы денег на аргмака.

Кам велел Огультею снять с жеребят шкуры и повесить их между двух березовых стволов, так, чтобы они закрывали собой все пространство. Огультей повиновался и исполнил все лучшим образом. Бельдыр-Кара, однако, не стал его хвалить. Только теперь он заметил человека, стоящего в стороне.

- Ступай к баю, передай, что Рогатый Бог недоволен, - сказал ему старый кам. - Жеребят были тощие - кожа да кости, шкуры плохие, дурной выйдет бубен.

От изумления нищий человек выпучил глаза - Бельдыр-Кара говорил совершенную напраслину. Хозяин выбрал лучших жеребят из приплода, только чтобы угодить старому шаману.

- А еще передай баю, что на том свете кермеса будут возить на нем воду, как на старой скотине, - прибавил кам. - И пусть прийдет нам кумыса и сыра побольше.

Нищий человек кивнул и пустился прочь - он потемнел лицом от стыда и страха: как передать баю слова шамана и избежать побоев? Бельдыр-Кара только рассмеялся ему вслед - он был горазд на злые шутки.

Потом было много работы: три дня они вымачивали и выделывали кожи, выпаривали и гнули обод. На четвертый день Бельдыр-Кара объявил, что обод готов.

- Теперь ты можешь лупить в него булавой, сколько хочешь, - сказал он. - Но в нем пока что нет силы. Он пуст - нет в нем духа.

- Как же мне найти этого духа, мудрый? - спросил Огультей.

- Тебе не нужно его искать. Он сам тебя нашел три года назад, когда ты глянул в мутные воды Волчьей реки. Тогда-то он тебя и выбрал. Теперь ты должен встретить его и побороть, подчинить своей воле.

- А если у меня не получится? - спросил юноша. Голос его невольно дрогнул.

- Если все будет так - ты погибнешь. - В голосе кама не слышно было и толики сожаления. - Так или иначе у меня больше нет ученика. А сейчас ты отправишься в мир теней.

С этими словами он протянул юноше глиняную плошку. В ней была смесь из ядовитых ягод и дурманящих трав. Увидев варево, Огультей отпрянул. Но Бельдыр-Кара только покачал головой:

- Чтобы обрести власть над духами, кам должен испить яд и приблизиться к смерти.

Огультей кивнул, взял из рук учителя плошку и, смирив страх, выпил зелье. После того они, воскурив алтарик, уселись на землю спиной к очагу, оборотившись лицом к закату. В левой руке Бельдыр-Кара держал бубен, в правой - деревянную булаву. Произнося заветные слова, старый кам раз за разом ударял в бубен, отмеряя псалмы, посвященные Черному Богу. Голос шамана - низкий и звучный - был похож на звериное рычание. Мало-помалу бормотание старого кама превратилось в ушах Огультея в жужжание шмеля. Юноша даже встрепенулся когда почувствовал укол жала.

Перво-наперво он огляделся вокруг. Вместо полога шатра над его головой раскинулся небесный свод, увеченный белой звездой. Вглядевшись в сияние этой звезды, Огультей увидел Отца Вечности - далекого и безразличного. «Тенгри!» - позвал Его Огультей, но Отец остался в своей далекой выси, безмолвный и холодный, как лунный свет. Под своими же ногами юноша почувствовал вдруг страшный жар, исходивший из самых глубин земли. Глас Рогатого Бога воззвал к нему из горячей тьмы, и земля, прежде глухая и черная от сажи, расступилась, открыв глубокий лаз. Огультей оглянулся по сторонам - Бельдыр-Кара исчез, и следа его не осталось на земле. Делать нечего - шагнул юноша в лаз, и тут же тьма сомкнулась над его головой - теперь назад дороги не было.

- Куда же мне идти? - не размыкая губ спросил Огультей.

- Ты видишь впереди свет? - прожужжал над его ухом шмель.

- Нет... да! Я вижу свет! Он где-то там, вдалеке...

- Иди к нему, - посоветовал шмель, еще раз на всякий случай ужалив Огультея в мочку уха.

Огультей послушался и пошел на свет. Скоро ему встретилось странное собрание - люди в черных плащах стояли тесным кольцом, прижимаясь друг к другу. Огультей окликнул их, они встрепенулись, расправили разом плащи и разлетелись в разные стороны. «Так это же бабочки-курганницы, - понял юноша. - И как я мог их спутать с людьми?» Он двинулся дальше и скоро вышел на берег подземного озера - в прозрачной воде плавали исполинские черные рыбины, а на самом дне стояли во весь рост утопленники, к их рукам и ногам были

привязаны тяжелые камни. Один утопленник задрал голову вверх и увидел Огультея, стоящего на берегу. Лицо мертвеца - синее, раздувшееся, скривилось, как от боли, рот открылся, и из него вырвалось несколько пузырьков воздуха. Огультей отшатнулся, но другие утопленники тоже заметили его и пришли в страшное волнение - они раскрывали рты и тянули к нему свои безобразные руки со скрюченными пальцами. Те, кто стоял ближе к берегу пытались сдвинуться с места, и волокли камни по дну, поднимая черный ил. «Нужно бежать!» - сказал себе Огультей и тут же услышал жужжание шмеля: «Нельзя поворачивать назад! Если хоть раз оглянешься - останешься здесь навсегда. Видишь мост? Пройди по нему на тот берег». «Какой-такой мост?» - удивился про себя Огультей и тут же увидел, что над самой водой протянута тугая черная нить. Приглядевшись, юноша понял, что это - конский волос небывалой длины. Очень осторожно ступил юноша на волос, сделал шаг, затем другой... Он старался не опускать глаз: вода в озере бурлила - мертвецы рвались вверх, пытаясь оборвать свои путы. Из белой пены выглядывали руки с синей бугристой кожей и длинными обломанными ногтями. Юноша шагал по тонкой нити, страшным усилием воли удерживаясь над мертвой водой. Но вот одна когтистая рука дотянулась до его ноги, схватила за штопанный поршень, потащила вниз... Огультей закричал и полетел в темноту...

Он упал на спину в сухую и холодную пыль. Вокруг по-прежнему царил синий сумрак. Озеро исчезло, а вместе с ним и утопленники. Огультей лежал посреди большого грота, с потолка сочился сонный и бледный свет. Под самыми сводами копошились кермесы, похожие на огромных нетопырей.

«Ты здесь не один», - прожужжал шмель.

Юноша вскочил на ноги, огляделся. Он кожей чувствовал страшный взгляд уставленных на него очей. Собравшись с силами, он выпятил грудь и крикнул зло: «Эй, выходи! Посмотри на меня, Караш!»

Косматая тень отделилась от стены. В темноте загорелось три красных огонька - три глаза. «И ты посмотри на меня», - прогремел голос в голове Огультея.

Юноша не отводил взгляд от чудовища, он стоял на месте не двигаясь - не дышал и не моргал. Караш был страшен: зубастый рот, нос безобразный, приплюснутый, с огромными ноздрями, налитые кровью белки, зрачки-щелочки. Третий глаз зиял во лбу - пустой, страшный, словно слепой.

- Что ты видишь? - прорычал Караш.

- Я вижу что-то, - отвечивал Огультей. - Вижу, что ты подобен мне, а я подобен тебе....

С этими словами он коснулся лба - того места, где у Караша был третий глаз. Дух как будто смешался, отпрянул, и багровые очи его угасли. Наступила тьма.

- Чего же ты хочешь от меня?! - прокричал Огультей.

- Ничего не хочу, - отвечивал Караш. - Все мои речи ясны даже глупцам. Один ты никак не поймешь. Но и я не стану тебя учить сейчас. Просыпайся сам и умней. Встретись.

Огультей открыл глаза. Вокруг не было ничего чудесного - он лежал в Желтой юрте возле очага. Угли еще тлели, алтарик источал дурман. Огультей пошарил левой рукой, схватил бубен - пока еще белый, пустой. Теперь он знал, что за рисунок вышьет на нем. Бельдыр-Кара сидел возле входа, уставившись на юношу. Бывший Бурхан улыбался.

- Ну что? - спросил он. - Ты живой теперь?

- Не знаю... - смутился Огультей. - А разве я живой?

- Три дня как лежал, - отвечивал шаман. - Метался, бредил, а я тебя выхаживал и наставлял.

- Я слышал тебя. Ты был шмелем, - улыбнулся Огультей.

Старый кам расхохотался, потом протянул молодому глиняную плоску, и тот мигом, не глядя, опрокинул ее в себя. В ней оказался кумыс - соленый-пресоленный.

Все, что ушло в прошлое, заставляет вспомнить миф об Атлантиде, погруженной в непроглядную толщу времени, неизвестной, недоступной и поэтому особенно привлекательной. Художественная жизнь города, а вернее, один ее аспект, который здесь мы затрагиваем, представляет огромный интерес для его исследователей. Однако не надо забывать: склеивая гипотезы с фактами, мы чаще получаем преломленную, искаженную временем картину событий.

ПЕРВЫЕ ХУДОЖНИКИ АЛТАЯ

Дмитрий
Золотарев

Так, слушая нескончаемые разговоры о славном прошлом нашего города, его жителей, среде обитания, которые почему-то предстают в розовом оттенке, цвете лакмусовой бумажки с просроченным сроком годности, - часто ли мы задаемся простым вопросом: а был ли Барнаул в XIX веке культурным городом?

Хорошо известно о его особом положении, тесной связи - и зависимости - от Петербурга, об удобном и комфортном быте высших слоев местного общества, достижениях в инженерном и горном деле. Однако была ли в Барнауле позапрошлого века подвижническая, самостоятельная творческая среда, область приложения таланта иконописцев, художников, писателей, журналистов? Ответ будет негативным: в XIX веке наш город не был местом для процветания искусства. И это еще мягко сказано!

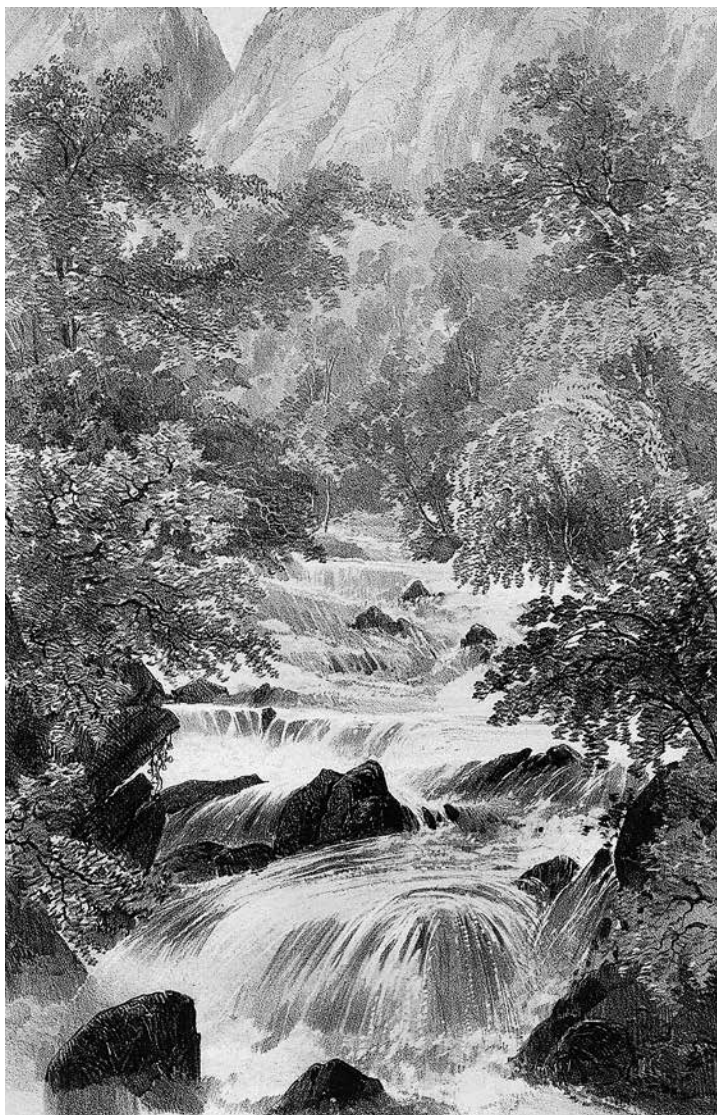
Такой ситуации есть вполне рациональное объяснение. Зависимость от столицы, постоянные торговые и культурные связи с ней привели к единственно возможному - «импортному», подчиненному характеру отношений. (Вспоминается знаменитое: «Сибирь как колония!».) Возникает стремление подражать Санкт-Петербургу во всем. Оттуда «выписываются» художники и архитекторы. Высшим достижением последних считается создание «уголков Петербурга». Транслировавшаяся «свыше» культура (как и всегда в таких случаях!) не была способна ассимилироваться и дать всходы. Немаловажен и такой аспект: для большинства интеллигентных людей того времени Барнаул был всего лишь временным пристанищем, чиновники и горные инженеры, работавшие «по вахтовому методу», мечтали о скорейшем возвращении в Петербург. Особенно непривлекательным и трагичным город был для людей

искусства. Первый профессиональный художник Василий Петров кончает жизнь самоубийством; случай исключительный для всего отечественного искусства. Именно в Барнауле у Федора Достоевского, как известно, начинаются припадки болезни... И наоборот, художник М. Пранг, отказавшись от профессиональной карьеры, организует на Алтае первый содовый завод в России, добивается коммерческого успеха и процветания, напрочь стерев в памяти потомков свои бывшие художнические заслуги.

Не в полной ли зависимости от культурных инвестиций метрополии кроются причины необъяснимых, на первый взгляд, и очень кратковременных всплесков творческой активности, за которыми следовали мертвые паузы в развитии городского искусства? В большинстве других сибирских

Михаил Мягков.
Сцена
из домашней
жизни
кумандинцев.
1833

Егор Мейер.
Поток Эланду.
1840-е.

городов культурные процессы шли медленно, натужно, но следуя логике своего внутреннего развития. Это движение носило прогрессивный, поступательный характер. Барнаул же, после окончательного разрыва прямых связей с Петербургом, когда в 80-х годах XIX века оказался исчерпанным потенциал горнообрабатывающей индустрии, оказался в ситуации глубокого социального и культурного кризиса. А в смысле интеллигенции - попросту обезлюдел. Но об этом ниже.

Вот уже почти два века в центре Барнаула присутствует гранитный обелиск, так называемый «демидовский столп». Подлинными цели его установки - не ясны (в советскую эпоху его даже считали «памятником труду»). Помнится, что первоначально он должен был быть установлен к несостоявшемуся приезду императора Александра I в Барнаул. Мало кто знает, что на Алтае был установлен вместе с ним другой памятный знак - уменьшенная пирамида, почти такая, как в Египте. Заметим, что обе фор-

мы характерны для масонской эстетики.

Однако важными представляются не смутные тайны прошлых веков, а явный для любого очевидца факт. Каждый день встает солнце и озаряет своими лучами грани обелиска. И каждый день приходит в работу самый древний механизм в городе. Неизменно на протяжении веков обелиск выступает в роли своеобразных солнечных часов, отмеряющих раз и навсегда заведенное время, которое не совпадает с непонятным ритмом и жизнью окружающего его современного города...

Если обратиться к простой хронологии, художественная история края начинается в начале-середине XIX века. Тогда Алтай регулярно посещали русские и даже зарубежные художники. Они не стали великими, не вошли в краткий обязательный список для изучения, им уготованы скромные, второстепенные роли. Интересно, что если в первой половине века это были приезжие художники, то во второй появляются выходцы из Барнаула, Колывани, получившие профессиональное образование и вернувшиеся домой. Надо отметить, что существовал целый пласт изобразительной культуры многих художников, работавших в так называемой «Чертежне» и выполнявших различные виды технического рисования (составление карт, чертежей и т. д.). Но их работы не носили самостоятельного, ценного для искусства характера.

Первыми художниками, приехавшими независимо друг от друга из Петербурга в 1802 году, считаются Василий Петров и Емельян Корнеев. В последнее время появились новые данные, оспорившие их первенство. В краткий момент их взаимного существования на земле алтайской они были приверженцами разных стилей и традиций.

Петров был младшим современником известных отечественных художников рубежа XVIII - XIX веков, его взгляды на искусство формировались под их решительным влиянием (в частности, Федора Алексеева). До поездки в Сибирь он был уже сложившимся художником. Для его творческой позиции, стилистики работ типично мироощущение, выразившееся в синтезе декоративного графического искусства и переживаний «чувствительного сердца». Петрову алтайский период - последний в его жизни - принес поиск конкретики. Как и Корнеев, он был «видописцем» - художником, который был должен как можно правдивее отображать конкретные пейзажи в графике.

Емельян Корнеев на Алтае был кратковременно, проездом. Для него, воспитанного на традициях классицизма, пребывание здесь стало всего лишь кратковременным эпизодом в плодотворной художественной карьере. Сохранившиеся листы графики об Алтае не так интересны,

как его поздние произведения. Впоследствии для автора становится важным не документальная ценность, а передача более общих впечатлений от Сибири, которые он зафиксировал в ряде романтических работ.

В то же время у нас проездом из Восточной Сибири находился другой художник-видовик - Тимофей Васильев. Обзор художников-графиков - не полный; многие их имена еще только предстоит установить.

В 1829 году в Барнаул приезжает живописец Михаил Мягков. Данный союз города и художника оказался счастливым. Он устраивается преподавателем рисования в городское горное училище. Мягков, прежде всего, известен как портретист. С жителей города он исполнил не одно изображение. Он писал и парные, и групповые портреты. Сейчас в Барнауле хранится только одна его работа - портрет медика Геблера. Еще он писал иконы и даже живописные жанровые работы. Мягкова нельзя назвать художником большого таланта, но отказать ему в трудолюбии нельзя. За редчайшим исключением наследие художника не сохранилось, что не мешает высоко оценивать его вклад в развитие местного изобразительного искусства.

В начале 1840-х годов в составе научной экспедиции посетил Алтай Егор Мейер. Здесь были выполнены графические работы, которые использовались им в печатной графике, а также послужили материалом для живописных произведений. Эти пейзажи считаются первыми картинами о Горном Алтае.

В 1846 году над горными пейзажами Алтая работал английский художник Аткинсон. В 1840-е годы в Барнаул приехал из Австрии художник Иосиф Мако, отец другого барнаульского живописца Александра Мако. В Барнауле Иосиф Мако не задержался и переехал в Томск.

Александр Мако обучался за границей, где специализировался на художника-анималиста. Вместе с другим томским художником Павлом Кошаровым Мако-сын сделал многое для популяризации алтайской темы.

Во второй половине XIX века появляются не только местные художники, но и скульпторы. К ним относятся Александр Залесов, закончивший Академию художеств и позже работавший на Колыванской фабрике, и Назар Ивачев, который также закончил академию, но в родные места он не вернулся.

Его брат - Павел Ивачев стал живописцем, закончил Академию художеств. В период обучения он был дружен с другим сибирским художником Василием Суриковым, с которым они вместе выполнили ряд работ, посвященных Петру I. Ивачев преподавал в Академии художеств. Позже он как администратор курировал Товари-

шество передвижников. Возил выставки по городам, отвечая за коммерческую сторону этих мероприятий. С середины 1880-х годов, вернувшись на Алтай, он заведовал Колыванской шлифовальной фабрикой.

Последним художником, кто работал в видовых пейзажах на Алтае, был Николай Каразин.

Трудно предположить, чем был вызван приезд на Алтай художника-передвижника Григория Ярцева в 1887 году (возможно, сыграли роль личные обстоятельства: знакомство с Павлом Ивачевым).

Совсем немного известно о барнаульском художнике Александре Евреинове, закончившем Академию художеств в 1890-е годы. Он также жил в Томске. Сохранились свидетельства современников, что он писал пейзажи под явным воздействием Ивана Шишкина, портреты.

Характеризуя состояние изобразительного искусства на Алтае в течение всего рассматриваемого времени, мы приходим к выводу, что благодаря профессиональным художникам живопись и графика получают признание. Изобразительное искусство проходит путь от видового пейзажа в графике и реализуется в живописных произведениях, отображающих особенности сибирского пейзажа, местного «колорита», что указывает на общую тенденцию развития «алтайского» искусства в русле отечественного.

К последнему десятилетию XIX века относятся первые поиски в области живописцев, чье творчество раскроется в следующем столетии. Это - крупнейшая художественная фигура Барнаула, первого импрессиониста Сибири, Андрея Никулина и первого художника-алтайца Григория Гуркина. Их творчество представляет собой интерес не исторический, а вполне актуальный.

Для рождения славной плеяды (помимо названных мастеров, это барнаульские художники: Василий Карев, Михаил Курзин, Дмитрий Ларионов, Александр Худяшов, Иван Чашников) нужно было, чтобы условия, описанные нами в первой главе, коренным образом изменились. Так и произошло. Как было сказано, Барнаул в 80 - 90-е годы XIX века пережил самый острый в своей истории кризис. Безвозвратно уходила прежняя слава города как центра добывающей и обрабатывающей промышленности, он становился купеческим, торговым, патриархальным, но и свободным при этом от торгового диктата.

Именно поколению, родившемуся в это время, было уготовано ярко раскрыться на художественной стезе. Роль этого мощного поколения видится в том, что оно венчало предшествующий опыт развития городского искусства и шло дальше в новый век. Но об этом нужно рассказывать особо.

Если обратиться к простой хронологии, художественная история края начинается в начале-середине XIX века. Тогда Алтай регулярно посещали русские и даже зарубежные художники. Они не стали великими, не вошли в краткий обязательный список для изучения, им уготованы скромные, второстепенные роли.

Ни один материал, связанный с купеческим периодом в истории Барнаула, не обойдется без упоминания клана Федуловых. Они являлись крупными мукомолами, владельцами первой на территории сегодняшнего края паровой мельницы, участвовали в общественной жизни города.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУПЦА ФЕДУЛОВА

Алиса
Тростникова

Следы жизни большинства купеческих династий обрываются в начале XX века со сменой политического строя. Тех, кого не репрессировали и не расстреляли, затерялись на просторах СССР и того далее, за рубежом. Династия купцов Федуловых - не исключение. В начале 2000-х о судьбе Ивана Ивановича Федулова, купца третьего поколения династии, и его потомков стало кое-что известно благодаря стараниям директора Алтайского государственного краеведческого музея Ольги Падалкиной. Ей удалось познакомиться с правнучками основателя династии, Иннокентия Федулова, по линии Ивана в Москве и Санкт-Петербурге. Ирэна Еремина и Галина Лойчикова передали в краеведческий музей воспоминания, написанные в основном со слов их бабушки, Фелицаты Павловны Федуловой, а также вещи, документы, семейный фотоархив. Оказалось, что дочери купца Ивана и Фелицаты - Екатерина и Галина в годы Гражданской войны в Барнауле вышли замуж за красных командиров и вывезли родителей и младшего брата в Москву. Отец семейства Иван Федулов умер в столице в 1922 г., а его супруга Фелицата Павловна прожила 82 года и умерла в 1963 г. Между тем мужья сестер Федуловых, красные командиры, в 1930-е годы тоже были репрессированы. Не миновал ГУЛАГ и одну из сестер - Галину и ее брата Иннокентия. В годы Великой Отечественной войны он погиб на Курской дуге.

О судьбе второго сына Ивана Иннокентьевича Федулова - Петре известно еще меньше: после Гражданской войны он эмигрировал. Краеведу Виктору Суманосову удалось разыскать его следы в Главном Бюро по делам Российских Эмигрантов в Манчжурской империи. Там нашлась автобиография на трех листах, написанная собственно-

ручно Петром Ивановичем в октябре 1935 года. «Удивительно, ведь никто не заставлял их писать биографии, - размышляет Виктор Суманосов. - Судя по всему, я для Петра Федулова было важно оставить хоть какой-то след в истории, донести информацию о себе до потомков». Поэтому далее историю купеческой семьи Федуловых, через которую можно проследить и историю Барнаула начала XX века, мы решили передать через автобиографию Петра Ивановича...

ПОКОЛЕНИЕ НОВАТОРОВ

...Родился, как известно и подтверждено автобиографией, Пётр Федулов в 1870 году в городе Барнауле Томской губернии в купеческой семье. В 1889 году окончил Томское реальное училище, а в 1890 году поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, получив диплом инженера-технолога. В 1896 году он уже работал инженером в Мельнично-строительной конторе А. Эрландер и К в Томске. Полученного опыта хватило, чтобы в 1900 году, когда Федулов-старший учредил Торговый

дом для эксплуатации принадлежавшей ему мельницы, сын-инженер был назначен там распорядителем. «В течение десяти лет я развивал порученное мне дело, и из маленькой мельницы, работавшей 60 тысяч пудов в год, мы имели уже предприятие, перерабатывавшее свыше миллиона пудов пшеницы за год. Наша крупчатка была распространена от Барнаула до Читы», - написано в автобиографии. После смерти отца в 1907 году три наследника по мужской линии - братья Пётр, Иван, Иннокентий образовали торговый дом «И. И. Федулов с сыновьями» с основным капиталом в 45 тыс. рублей. В 1916 году Госбанк оценил капитал торгового дома уже в 673 тыс. рублей. Почти четверть его приходилась на долю повахиинской мельницы. Большой вклад в ее модернизацию внес Петр Иванович, а в управление Иван Иванович, о котором шла речь в начале материала.

В Барнауле Петр Федулов прожил до 1917 года. Но и за это время успел внести достаточно серьезный вклад в развитие Барнаула. Он был постоянно гласным городской думы и принимал деятельное участие в работах различных комиссий. По сведениям доктора исторических наук, профессора Валерия Скубневского, Петр Иванович относился к числу активных гласных, являясь сторонником технического прогресса, выступая, в частности, за электрификацию, телефонизацию города, за проведение железной дороги от Новониколаевска к Барнаулу. Под его руководством и наблюдением была построена Барнаульская телефонная станция. Согласно «Летописи города Барнаула», «27 октября 1909 года по предложению купца П.И. Федулова городская дума приняла решение о постройке в Барнауле водопровода». Сам Пётр Иванович пишет, что непосредственно к строительству приступили в 1915 году. И он на собственные средства ездил по городам Сибири для

знакомства с опытом водопроводного дела.

Справедливости ради надо сказать, что общественно-полезный пыл и страсть к инновациям были присущи большинству молодых предпринимателей Сибири на рубеже XIX - XX вв. От предшествующего поколения купцов они отличались как в способах коммерческой деятельности, так и в быту, в мышлении и образе жизни. Если представители старшего поколения купечества имели чаще всего домашнее, низшее образование или были вовсе безграмотными, то в конце 19-го начале 20-го веков многие купеческие дети получали высшее образование. Так, Николай Ворсин окончил технологический вуз в Риге, стажировался в Германии и Австрии. Купцы второго и третьего поколений строили не только новые предприятия, но и дома для рабочих, школы, придавали большое внимание развитию образования в городе в целом, являлись попечителями учебных заведений, жертвовали деньги в указанных целях. Петр Федулов в своей автобиографии пишет: «Дочери мои учились в местной гимназии, и я несколько лет был председателем Родительского комитета. Потом был председателем Попечительского совета Барнаульской Торговой школы, при ней создал товарный музей, почти исключительно на мои средства. Со дня открытия Барнаульской Биржи и до 1919 года был ее председателем и товарищем председателя».

Петр Федулов занимался благоустройством города и за свой счет даже устроил бульвар на Московском проспекте между Бердской (Пролетарской) и Полковой (Партизанской) улицами. Общественно-полезная активность купца способствовала тому, что в 1911 году Пётр Иванович Федулов был избран городским головой. Но его кандидатура не была утверждена губернатором по причине излишне либеральных взглядов предпринимателя. Вме-

сто него Барнаул возглавил местный «водочный король» Иван Платонов.

В УСЛОВИЯХ ГОНЕНИЙ

После введения хлебной монополии в 1916 году, когда запретили частную торговлю хлебом, Петр Федулов «освободился» от коммерческих дел и в начале 1917 года уехал в Одессу, где был уполномоченным Союза городов (заведовал отделом снабжения Румынского фронта). Непосредственно участником военных действий Первой мировой он не был, но принимал в ней участие как гражданский.

Зиму 1917 - 1918 годов он прожил отчасти в Томске, отчасти в Барнауле, наблюдая за работой мельницы. «В феврале 1918 года «товарищи» хотели арестовать в Барнауле, - пишет Федулов. - В товарном поезде я уехал в Томск, здесь тоже было опасно оставаться, и я уехал на курорт Аршан на юг от озера Байкал, здесь было спокойно среди казачьего населения». Но жене его, оставшейся в Томске, тем временем жилось не столь спокойно, ей угрожали арестом. Возвращение в Томск было для него тоже небезопасным, потому Петр скрывался и жил нелегально у знакомых. Затем ему удалось с семьей уехать в Омск, а оттуда на пароходе вверх по Иртышу в казачью станицу Алтайская подле Като Карагая. Здесь они жили, пока не получили из Барнаула телеграмму о свержении большевиков.

Половину 1918-го и 1919 год Петр Федулов прожил в Барнауле, деятельно, по его словам, помогая власти Верховного Правителя. В июле 1919 года приехала в отпуск старшая дочь, которая была сестрой милосердия на передовых позициях за Пермью. Ее рассказы о том, как таяла Белая армия после эвакуации из Перми, произвели такое впечатление, что Петр Федулов решил спокойствия ради увести семью на восток, в Никольск-Уссурийск.

«Я вернулся в Барнаул как по моральным, так и по коммерческим соображениям, - сообщается в автобиографии. - Здесь я задержался и смог выехать только с эшелонном поляков. Под Ключвенной они сдались красным, это в верстах ста от Красноярска». Федулову удалось уехать на лошадях в Красноярск, где он поступил на работу в Губернский продовольственный комитет. Он много где служил - и у белых,

Справедливости ради надо сказать, что общественно-полезный пыл и страсть к инновациям были присущи большому числу молодых предпринимателей Сибири на рубеже XIX - XX вв. От предшествующего поколения купцов они отличались как в способах коммерческой деятельности, так и в быту, в мышлении и образе жизни.

и у красных. Инженеры везде были нужны. В конце концов он был назначен «следить за заготовкой сена на тракте Мысовая - Желтура, что на границе с Монголией». Заготовка сена производилась и непосредственно на территории Монголии, что позволило Петру Федулову легально покинуть границы СССР и, по его выражению, «распрощаться с «товарищами».

НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ ЭМИГРАНТА

Но, видимо, сразу распрощаться с «товарищами» ему все-таки не удалось. С 1921 по 1924 годы, судя по автобиографии, он работал управляющим мельницей в Русском мукомольном товариществе на Первой речке близ Владивостока, снабжавшем мукой все русское Тихоокеанское побережье. В марте 1924 года его все-таки сократили (видимо, вскрылось буржуазное прошлое), и «после долгих хлопот» ему с семьей удалось получить заграничный паспорт и выехать в Харбин. «Здесь я имел пекарню на Стрелковой улице, но работа была слишком тяжелой, я ее продал весной 1927 года, а осенью поступил лаборантом в Главные мастерские СМЖД (Северо-Маньчжурская железная дорога - Прим. ред.), - сообщается в автобиографии. - В конфликте 1929 года я служил (видимо, имеются в виду события 10 июля 1929 года, когда китайские милитаристы фактически захватывают КВЖД, арестовывают свыше 200 советских служащих дороги, 35 из них депортируют в СССР, что стало началом событий, известных в истории как «Конфликт на КВЖД»), и потому был уволен 30 декабря 1930 года. Вторую половину 1930-го и 1931 год служил агентом по закупкам для сахарного завода в Ашихе. В 1933 - 1935 годах был лаборантом в техникуме. Теперь после продажи КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога - Прим. ред.) я безработный...»

Автобиографию Пётр Иванович писал в достаточно преклонном возрасте - 65 лет. Как сложилась его биография в дальнейшем, не известно. «У него было два варианта - либо эмигрировать на Запад, либо вернуться в Россию, - размышляет Виктор Суманосов. - Вполне возможно, он недолго прожил после написания автобиографии. О семье его тоже известно мало. Сын Вадим, судя по записи, эмигрировал еще раньше в Сан-Франциско. Заработок неопределенный. Дочери его, вероятно, вышли замуж, сменили фамилию... Что ему было важно, что не накладывало опасности на семью, то он и записал в истории своей жизни».

Творчество почти забытой поэтессы Лидии Лесной согревало и барнаульцев после Гражданской войны, и блокадников Ленинграда. На долю этой изысканной «куколки», как называли ее критики, выпали тяжелейшие испытания двадцатого века. Она сумела вынести все.

«ЛЮБИТЕ МЕНЯ, КАК ЛЮБИТЕ ПЕРЕПЛЕТ ИЗ БЕЛОГО ШЕЛКА ИЛИ СЕРОЙ КОЖИ...»

Евгений
Платунов

У Сергея Залыгина есть воспоминания о Барнауле, где наш город периода 20-х годов представлен им как мрачная юдоль сосланных бывших революционеров. Но встретилось вот в томском справочнике о женщинах-литераторах и упоминание об одной из забытых писательниц, которую современники называли «Северянин в юбке», чья вторая, и последняя, поэтическая книга вышла в Барнауле в 1922 году.

«ЛЕСНАЯ Лидия Валентиновна (настоящее имя и фамилия Лидия Озясовна Шперлинг; 1899, по другим сведениям - 1883 - 1972), поэтесса, автор пьес, произведений для детей. Во время учебы в гимназии в Кивее занималась в театральной студии и участвовала в спектаклях Народного дома. В последний год играла на сценах Херсона, Петербурга, Симбирска, вообще была тесно связана с театром жизнью. Написала несколько пьес. Из тех, что опубликованы: «Алые розы. (Дни войны)» - о событиях начала войны в прифронтовом городке; «Это было так» - из закулисного театра быта, с приемами ретроспекции и «театра в театре». В 1907 году в журнале «В мире искусства» дебютировала стихами. В стихах первого сборника «Аллеи причуд» (Петрозаводск, 1915) близка творческой манере И. Северянина, художников-«мирикутников». В 1916-17 по приглашению А.Т. Аверченко была секретарем в «Новом Сатириконе». Опубликованы здесь стихи, обнаружившая склонность к юмору и сатире. Об этом времени оставила воспоминания «А. Грин в «Новом Сатириконе» - в книге «Воспоминания об А. Грине», Ленинград, 1972, а также о К.А. Марджанове - «Он был таким» в книге «К.А. Марджанов и шивили». Тбилиси, 1966. С.309 - 322. В 1919 году приехала в Омск и печаталась в нескольких сибирских изданиях...»

Лесная жила в Барнауле недолго - в период 1920 - 22 годов. Участвовала в работе первого местного творческого союза литераторов - Алтайского Лито, под маркой которого вышел ее второй, и последний, поэтический сборник «Жар-птица» (1922). Характеристика сборника есть в той же биографической справке томичей: «В нем Л. осталась верна своей лирической героине - по ироничному определению журналов «Красная панорама», в юмористических изданиях».

Юмористические издания раньше назывались все же иначе - «сатирическими», по утверждению интернет-проекта russian-globe.ru: «С 1923 Лесная жила в Ленинграде, печатала стихи и рассказы в сатирических журналах «Смехач» и «Бегемот», занималась журналистикой, выступала с кукольными представлениями. Отдельными книжками вышли ее рассказы для детей «Гром и молния» (1925), «Затмение луны и солнца» (1926), «Как ребята в деревне театр наладили» (1926). С 1936 года выступала с сольными кукольными представлениями «Сказки тети Маши», текстами для кукол служили обработки Л. народных сказок («Сказки народов СССР. Избранные»). Сост. и коммент. Л. Лесная. М., 1939) и собственные рассказы. Во время блокады выступала с концертами в школах и детских садах. Печаталась также в уральских журналах «Уральское хозяйство» и «Уральский кооператор» (Екатеринбург). Русские писатели; Сто одна поэтесса Серебряного века».

Вот стихотворение некоего Григория

Ее «любовь к пороку», изломанности, извращенности, даже «патологии» решительно осудил молодой Михаил Зощенко в главе «Нежные люди» в своей незавершенной книге «На переломе». Это мнение Виктора Кудрявцева высказано во «Вступительном слове» к сборнику Лидии Лесной «Порхающая душа» (2011).

Томилина под названием «Женщина» (из сборника «Зигзаги», Феодосия, 1917).

*Осела грязь. Вода застыла,
Под солнцем радостно искрятся.*

*Дневное яркое светило
В сиянье превратило грязь.
Я подошел и тронул палкой
Там, где искрилась вода, -
И лужа стала грязной, жалкой,*

Какой она была всегда.

Это откровенно глумливое, направленное против тогдашних «эмансипэ» стихотворение вряд ли было бы достойно внимания, не будь оно посвящено нашей героине - Лидии Лесной, культивировавшей в

своем творчестве экзотизм, чувственность, легкую иронию и внимание к «милым мелочам».

Надо сказать, на рубеже 10 - 20-х годов прошлого века Лидия Лесная, не в пример нынешним дням, была хорошо известна читающей России, имела как своих восторженных поклонников, так и суровых критиков, язвительных пародистов. Она явилась виновницей мемуарного очерка «Аллея причуд» известного советского поэта Леонида Мартынова. Ее «любовь к пороку», изломанности, извращенности, даже «патологии» решительно осудил молодой Михаил Зощенко в главе «Нежные люди» в своей незавершенной книге «На переломе». Это мнение Виктора Кудрявцева высказано во «Вступительном слове» к сборнику Лидии Лесной «Порхающая душа» (2011).

Неоднократно имя поэтессы всплывало в подходящий момент в стихах ее современников. Вот, например, весьма показательные строки Павла Егорова из сборника «Черная орхидея» (М., 1918):

*Полунагая. На целомудреннобелой кровати,
Лаская меня, возбужденного, лохматого,
Ты сказала, задыхаясь от моих объятий:
«Мне нравится Анна Ах...
А тебе, мой милый?..»*

*И целуя тебя с новой страстью и силой,
Я ответил, для чего не зная:
«А мне - Лидия Лес...»*

*Через мгновение мы обещали поэтесс забыли,
Потому что у них стихи, а у нас были.*

Вот что писал П. Комаров в рецензии на книгу Лесной «Жар-птица», вышедшую как раз на Алтае (статья опублико-

вана в журнале «Сибирские огни» в 1922 году): «Лидия Лесная - поэтесса большого города с его автомобилями, витринами, электрическим блеском, звоном и шуршанием улиц... Как куколка, жившая среди ваз, шелка, ковров, тонких вин и фруктов, она воспевала большой город только как город, исповедующий утонченный культ изящной женщины, и ей был неизвестен город фабрик, железа, мостов. Ее арена комната, а не улица. И стих у Лидии Лесной какой-то кукольный, неровный и капризный... Вместо рифм почти исключительно ассонансы... Откройте любую страницу, на 10 созвучий вы насчитаете не больше 3 рифм... Ассонансы - манерная картавость городской куколочки... В красках палитры - также неровность... Воздушные образы вроде:

*Июльские дни - голубые арки
И сквозь них золотой хоровод*

переплетаются иногда с вульгарными строчками, например,

*Ах, эти июльские грозовые тучи -
Смерть для нашей сестры.*

Иногда так мило неправилен своеобразный синтаксис:

Сосны - в снегу, от солнца красном...

Но не форма, не стих интересовали меня, когда открыл ее книжку... Еще до революции читал ее, и мне захотелось знать, о чем же будет петь куколка теперь, когда огонь революции сжег ее грешный мир, когда черное крыло голодной смерти осенило Россию? Застыла она в своей форме или развивается? Какие пути развертываются пред ней?

В книге я нашел старые стихи... Изысканно звучат в них мелодии комнатно-городской жизни...

*Любите меня, как любите переплет
Из белого шелка или серой кожи.*

Экзотические городские танцы фигурируют в ее стихах:

*Но змей плясал страстный
бездумный фанданго,
Но змей плясал танец паденья - танго.*

Даже в описании природы прорываются те же мотивы:

*В бирюзовом шелковом футляре
Зреет солнца теплый апельсин.*

Так поет городская куколка, но вот она покидает город для деревни и вносит в леса свою шаловливую мелодию, свое безделье и свои забавы...

*Подвесив гамак к двум старым вязам,
Качалась тихонько, в траву бросив книжку.*

Или же:

*На рассвете с ружьем по болотам бродила,
Стреляла уток, о бекасах мечтала.*

И только переживая любовь, куколка находит красивые и сильные слова:

- Куда вы одна? Куда так поздно?
Ее сердце покатило в омут.
... Стрела запела и, как тонкое жало,
В светлой тьме его глаз
От жадной радости и тоски задрожала,
Стрела в его сердце впиалась.

Любовь - апогей жизни куколки... Смелая страсть освещает молнией ее путь восхождения... Бессознательная эротика девушки, должно быть, от деревенского безделья постепенно обращается в самую грубую животную страсть...

Сначала она подглядывала, как купается мужчина: «Уж очень золотая у него кожа». Потом - пред «ним» от досады стала рвать «упругие завязки», в результате чего оказалась «в одном коралловом ожерелье», как «лебедь древней сказки»...

А дальше пошло хуже... Стихотворение «Турухтан» говорит, как куколке
*Захотелось быть не одной, а в паре
И в сладном бездумном угаре
Над «и» поставить точку...*

Очевидно, что речь идет не о простом нарушении новой орфографии...

Что же будет дальше с куколкой? Или дальше идти уж некуда? Сборник дает намек на возможный выход...

Стесненная обстоятельствами жизни, так мне думается, куколка попала в «благодатный плен труда, враждебного ей»... она ни более ни менее как собственноручно вымыла пол. И это ее переродило.

*Апрельский день от вымытого пола
Меня зовет, как праздник золотой.
К воротнику фиалки приколола.
Живу - новорожденной и святой...*

Надолго ли?..

«Когда я мою пол» и «Типография» - одни из лучших стихов сборника - только намекают на какой-то другой путь, но не дают счастливой уверенности... Песенка куколки спета, куколка вся в прошлом, в ушедших формах жизни. Страдания тихо и глубоко вошло в сердца людей и люди ждут от поэтов новых песен... Но не песен куколки. Никому сейчас не нужны эти цветы, выросшие на навозе этического-гниющего общества...

Есть в стихах и философия - она несложна и олицетворяется «Зодчим»... Но не стоит разбирать кукольную философию. Книга жизни закрыта для нее. Закрыта навсегда... Лидия Лесная, как поэтесса, может быть и найдет новые слова, но душа ее очарования - городская куколка - должна погибнуть от недостатка воздуха и среды...

Прощайте же, милая куколка... Вы пропели свои изящные песенки и вас уже некому больше слушать...»

Но этой «куколке» выпали большие испытания... Первую блокадную зиму Лидия Лесная мужественно провела в Ленинграде, без остатка отдавая свой скромный писательский дар обездоленным детям.

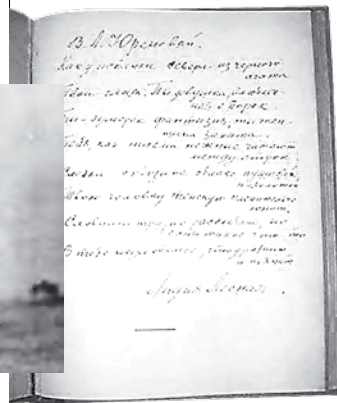
Потом - эвакуация в столицу Киргизии, откуда она возвратилась лишь в 1951 году - постаревшей, всеми забытой, практически без средств к существованию. Справиться с отчаянным положением помогло заступничество авторитетной и всеми признанной Т. Л. Щепкиной-Куперник, орденноносца, депутата Верховного Совета СССР, и, что немаловажно, так же, как и Лесная, тесно связанной и с дореволюционным Киевом, и с театральными подмостками. Предсмертные хлопоты старшей подруги по литературному цеху позволили неутомимой поэтессе вернуться к активной жизни, к работе на детской эстраде.

Пережив многих своих современников, великих и более чем скромных персонажей Серебряного века, Лидия Лесная скончалась в Ленинграде 26 марта 1972 года.

Недавно на одном из аукционов в интернете была представлена изданная в Петрограде в 1923 году книга Веры Леонидовны Юреновой (1876 - 1962) - знаменитой русской актрисы. Заслуженная артистка РСФСР (1935) Вера Леонидовна - первая жена Михаила Кольцова. В книгу вклеен отдельным листком автограф стихотворения Лидии Лесной:

*«В. Л. Юреновой
Как у испанки Севера из черного агата
Твои глаза.
Ты девушка, влюбленная в порок,
Ты сумерек фантазия, ты
женщина заката.
Тебя, как письма нежные, читают
между строк.
Слегка сквозное облако пушистой
позолоты
Твою головку нежную пленительно
тенит.
Словами трудно рассказать, но
есть такое что-то
В тебе неуловимое, что дразнит
И пьянит».*

На это в большей степени оранжерейное поколение выпали две мировых войны, революция и Гражданская война. Эти трагические события, конечно, одних сломали, но в других лишь укрепили силу духа. Причем настолько, что можно было поделиться с другими. Как это и делала Лидия Лесная и в Барнауле после Гражданской войны, и позже - в первую ленинградскую блокадную зиму.

Лидия Лесная

СТИХИ ИЗ СБОРНИКОВ «АЛЛЕИ ПРИЧУД» И «ЖАР-ПТИЦА»

ИЗ ЦИКЛА «ОН»

Мне надо, чтобы она говорила «нет», сопро-
тивлялась,
Но быстро смирялась.
Мне надо, чтобы она была светлая, как смех,
Чтобы ее утомляла моя сила,
Чтобы она одного меня любила,
А я любил всех.
Ночью я с друзьями. Она должна

кротко ждать

И - это так женственно - страдать.
Я пришел, она как будто спит, не видит.
Я ее бужу. Она меня ненавидит.
Плачет. В слезах она милее.
Я ее так нежно жалею.
Улыбнулась. Смотрит одним глазом,
Ласками я туманю ей разум,
Говорю, что завтра возьму ее с собой
И опять делаю ее своей рабой.

1914

ИЗ ЦИКЛА «ОНА»

Иногда она была жгучей и страстной,
Иногда - холодной и властной -
И потому она любила то смуглого юношу
с сильным телом,
То мечтала о мальчике - золотом и белом!
Иногда ей хотелось больших снов,
Жажды - без утоления,
Жарких слов,
Утомления -
И она искала тогда созвучий
В том, кто сквозь лед - жгучий.
Иногда она ждала покоя -
И любила того, кто давал ей тепло без зноя.
Когда ей, как девочке, хотелось тихой ласки,
Она искала того, кто умеет
рассказывать сказки.
А все говорили, «она такая»,
Какая?
Кто может сказать - чистая она или грязная?
Она разная.
И кто виноват в том,
Что нельзя всего найти в одном?

1914

КРЕСТ И МЕЧ

Пирует мир. Богато убран стол.
Садятся гости. Вот американец,
Который, правда, позже всех пришел,
Но с честью отплясал кровавый танец.
Вот англичанин, серб, а вот француз,
Сын доблести, любви и винограда,
Любимец девяти прекрасных муз, -
Его теперь ждет высшая награда.
Вот итальянец, бурный, как вулкан,
А вот японец, возлюбивший иену.

Пирует мир, своей победой пьян,
Взяв на аркан Берлин, Стамбул и Вену.
Тебя одну на этот пьяный стол,
Тебя одну, страна моя родная,
Никто с торжественным поклоном не привел,
Былых заслуг твоих не вспомяная.
Тебе одной нет места у стола,
Где все пируют, спаяны «любовью».
Ты раньше всех в борьбе изнемогла,
Но разве ты полей не оросила кровью?
Над Перемышлем твой не веял стяг?
Ты не оралась отважно на Карнатах?
Не боялся озверелый враг
Твоих солдат, предательством распятых?
Ты не тонула в Висле и Двине,
Не знала мерзлой сырости окопов?
Не на твоей измученной спине
К победе мчалась гордая Европа?
Что для Европы наши мужики!
Что для нее кровь «русского медведя»!
А не твои ль погибшие полки
Ей стлали путь к блистательной победе?..
Пусть будет шумен их веселый пир -
Ты этот шум без зависти услышишь:
Они мечом писали слово «мир»,
А ты - крестом своим напишешь.

КТО ТЫ?

Не открывайте глаз, еще очень рано,
Видите, как темно:
Сквозь белый шелк не сквозит окно.
Почему я у вас? Странно.
Я вчера вас не знала, вы должны быть чу-
жим,
Отчего же вы так близки?
Отчего мы, тесно прижавшись, лежим
На диване широком и низком?
В мягком ворохе кружев цвета песка
Ваши руки тонут, лаская,
И вы говорите: «Да, ты мне близка...
Ты... А кто ты такая?..»

НЕВА - СЕНА

Он начал повесть в октябре,
Писал он синими чернилами
И жутко слушал на заре
Стрельбу за окнами унылыми.
Шли дни. И было десять глав
Печальной повести рассказано
О том, как верил некий граф
Фальшивым запонкам со стразами.
Но вдруг на кончике пера
Вишневым сок горячим бисером
Зацвел, забрызгал, заиграл, -
И синий цвет смачнул и вытер он.
Хрусталь чернильницы зажгла, -
Откуда?! музыка вишневая!
Сукно зеленое стола
Окрасила повесть новая.

Он кончил повесть в октябре
Главою о музыке всемирной,
И красным лаком на пере
Был смят бесславно мак сапфирный.

Эпилог

Построчного гонорара он получил
Рубль.
Когда эту повесть в Париже прочитали
Его друзья в каком-то журнале,
Они сказали:
- Куплен.

ОТВЕДАВШИ СИБИРСКОЙ СМОЛКИ

18.562 - самое звонкое число.
Это номер моей бескурковки.
16 калибр - самое звонкое слово.
Это речь идет о моей двухстволке.
Пахнет порохом, костром, болотом -
Охота.
Не ходишь на рынок, не кланчишь дешевики.
А прямо - зайцу в спину заряд.
Шкуру сдереешь, в реке пополочишь.
- Эх, сучья - язвы их - сырые, дымят.
Любо в бору на пахучей рассветной елани
Корку хлеба мочить в тяжелой сизой росе.
Любо, когда омытое солнце встанет,
Вдираться мускульным телом в кустарника
целкую сеть,
И тайным сторожким вором
Следить глухариный ток,
И решать крылодробным спором
Звериного быта кусок.
Любо мне! Я звериный добытчик,
Прошибаю природу лбом,
Теряю все знаки различий
Между зайцем, мхом и собой.
18.562
Номер моей бескурковки!
Это самые звонкие слова.
Это речь идет о моей двухстволке.

СУББОТНИК 20 ГОДА

Гремя листьями заржавелой жести,
Мы стлали ложе новым огурцам.
И было радостно мне то, что вместе,
И было ново, что никто здесь не был сам.
И чтя, - в молотобойной силе
Растет над нами грозный и стальной, -
Мы кирпичи тяжелые носили.
И кто-то проклинал, сумбурный и больной.
А поутру болели ноги, плечи,
И я легла на целый день пластом.
В календаре годов был этот день отмечен,
Но было жаль, что в пятнах всё пальто.

БУЛКИ В ОКНЕ

Булки в окне: - Не гляди так на нас,
Больно ты, малый, лаком! -
А мокрых листьев бешеный пляс
На торцах замедляет слякоть.
Острый ветер хрустит по острой спине,
Тропу мурашину режет.
Идет мимо пухлая. И шуба на ней.
- Какой, говорит, ветер свежий... -
Теплом печеным из двери в нос.
Ухмыляются булки в окошке.
Вчера бы легче это все перенес -
Еще были в кармане крошки.

- Эй ты, носом стекла не дави,
И так хорошо все видно!
Дррррбзнь! И рука вся в крови,
И кровью намок весь ситный.

ПОШАДЬ

Спит извозчик. А лошадь его не спит,
Смотрит на собак, на прохожих
И думает: - как мой хозяин храпит,
А все-таки держит вожжи.
Как тошно целый день железо жевать,
А вот жую, не брошу.
Отчего мне хозяин не купит кровать,
Теплое пальто и галоши?
Попробуй-ка он простоять два часа
Гольшом неподвижно на месте.
Чтоб понять, каково железо кусать,
В лошадиную душу влезьте.

МОЛИТВА

Любите меня, как любите переплет
Из белого шелка или серой кожи,
Пусть я буду вам дорога,
Как ваш кот,
Я не хочу быть дорожке.
Ваша жизнь - из синей мозаики храм,
Но я не хочу быть в нем жрицей, -
Куда мне?
Я лучше могу молиться вам,
Если буду у входа серым камнем.

ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ

Кажется, мысль ясная и простая:
Я здесь, а ты - в горах Алтая.
Я здесь - в этой старой знакомой квартире,
А ты - в Сибири.
Вот твой сеттер, рыжий и тощий,
Вот твои четки и кипарисовый крестик,
А тебя нет. Что может быть проще?
Ах, всего проще - быть нам вместе

В ТИПОГРАФИИ

Ах, этот запах типографской краски,
Груды бумаги, пенье колес!
Здесь летают мысли, прыгают сказки.
Кто сюда музыку Феба принес?
Вот этот высокий, в черной рубашке,
Подпоясанный туго узким ремешком.
В этом мире ему ничего не страшно,
Ему все легко.
Они здесь колдуют, - кудесники, маги,
И покорен им черный, железный зверь.
В этих тихих ворохах говорящей бумаги
Я хочу свое раньше сменить на теперь.
Когда я мою пол,
Я мою пол - и током жаркой крови
Струится жизнь, толкая стенки вен.
О сладкое, блаженное здоровье!
Труда, враждебного мне, благодатный плен!
Апрельский день от вымытого пола
Меня зовет, как праздник золотой.
К воротнику фиалки приколола.
Живу - новорожденной и святой.
Уже давно покинули залив мы,
И я теперь забыла, что такое - мол,
И я теперь не знаю - радость рифмы
Дорожке - или то, что чисто вымыт пол.

Говорят, что у истории нет сослагательного наклонения - что случилось, то случилось, и никаких «а что, если бы...». С этим не согласны авторы книг в жанре «альтернативная история». Этот жанр остается популярным уже много лет - в самом деле, кому не интересно, что произошло бы, если истории вдруг вздумалось бы на одной из многочисленных развилок повернуть в другую сторону... В романе Ирины Бобровой и Юрия Шиляева, авторов нескольких фантастических романов, воображаемый «разворот» прямо касается нашего города.

Ирина Боброва,
Юрий Шиляев

ПАРК «ПАМЯТЬ АДМИРАЛА КОЛЧАКА»

Роман «Парк «Память адмирала Колчака» был задуман нами ещё лет десять назад. Это такая альтернативная история. Что было бы, если... как известно, 14 августа 1919 года белые армии Колчака и Деникина соединились на левом берегу Волги вблизи Царицына. После этого дни большевистской власти были сочтены. Мамонтов и Шкуро с юга, генерал Гайда с северо-востока вошли в Москву. Части Красной Армии, насильственно мобилизованные из крестьян, массово переходили на сторону белых. Большевики и сознательные рабочие, чекисты и члены комбедов, комсомольцы бежали частично на Украину к батьке Махно, частично за границу через Петроград. Юденич взял Питер лишь в середине сентября... А дальше был Всероссийский земский собор, так решило наименоваться Учредительное собрание и решение адмирала Колчака принять бремя Верховного правителя Земли русской на время становления институтов Государства Российского. А дальше развитие исторических процессов неминуемо привело к необходимости менять режим. Вот на таком фоне и происходит действие романа, и проходит оно в Барнауле - каким бы он был, если бы история пошла другим путём, каким бы было наше будущее. Здесь читатель знакомится с отрывком, завязкой истории, и видит Барнаул альтернативный.

- Господа! Господа! Дамы! Сегодня знаменательный день - в богоспасаемый град Барнаул прибывает его Высочайший шеф, Хозяин и Благодетель - Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Алексей, четвертый сего имени в преславном царствующем доме Романовых, чудным образом восстановленном семьдесят лет назад.

Все на городской вокзал, господа! В одиннадцать часов пополудни прибывает специальный поезд Наследника Цесаревича. И все верноподанные обязаны прибыть на городской вокзал, дабы приветствовать носителя высшей государственной власти. Дабы прильнуть к милосердной длани, защищающей и окормляющей наш богоспасаемый округ Алтайский и главный град его, богоспасаемый Барнаул...

Скорее отключить эту истекающую елеем радиоточку! Иначе точно вытошнит. Дмитрий быстро вскочил с продавленного топчана и резким движением выдернул из розетки шнур от черной тарелки репродуктора. День начинался серенький, было душно, с утра парило, накрапывал дождь. Пять минут назад сыграли по репродуктору «Боже, Царя храни» и вот передают экстренное объявление градоначальства.

- 14 августа 1991 года, среда, - пробормотал он. - До дня Восстановления Дома Романовых ещё неделя. Успеем, должны успеть. Если не успеем, грош нам цена.

Быстро выскочил за дверь убогой комнатухи. Нужно было быстро умыться, до того как в умывальную комнату мебелированных номеров мадам Бошкевич потянутся постояльцы, давно живущие здесь.

- Ты... Етот... Как там тебя... Виталька или кто?.. - Из обшарпанных, в ошмётках коричневой краски дверей соседнего номера 12-бис вывалился отставленный чиновник Барнаульского градоначальства, коллежский асессор на покое Перепелятников Иван Еллидифорович.

- С утра хватимши либо со вчерашнего не протрезвел? - устало спросил Дмитрий.

Иван Елпидифорович, восемь месяцев назад уволенный со службы в градоначальстве без выходного пособия и с потерей пенсионера за мздоимство и беспорядочное пьянство, пытался восстановить его на путь истинный и преподать уроки истинного православия и добротолубия - как он сам его понимал.

- Да Дмитрий, Дмитрий я, что ж вы меня, Иван Елпидифорыч, аль не признали?

- А-а-а... Митяй... А ведь ты, Митяй, сицилист! Сицилист, безбожник, езуит и фармазон.

- Да Господь с вами, Иван Елпидифорыч, вот крест святой имею, - Дмитрий вытаскивал из-за пазухи маленький медный крестик. - И на заутреню хожу. В Знаменский монастырь хожу. И причащаюсь, и исповедуюсь.

- И бесы веруют и трепещут... Знаю, знаю, к кому ты там в монастырь-то ходишь!

«Сдал кто?.. Или догадался?» - молнией пронеслось в голове.

В церкви Знаменского монастыря Дмитрий встречался с членами своей группы - чиновником особых поручений Петром Вязигиным и уполномоченным центрального комитета товарищем Чёрным. Чёрный третью неделю жил в гостинице «Ялта», что на центральном Московском проспекте, под видом представителя германской фирмы «Симменс унд Шуккард унд Гальске». В церкви встречаться удобно. Знаменский монастырь место намоленное. И бывают там люди самых разных сословий - и квалифицированные рабочие с заводов господина Второва, и мелкий чиновный люд, и мещане с Горы да Старого города. Это вам не стильная Дмитровская церковь, куда ходят только франты да молодёжь, ищущая веру. И не Казанский, не Петропавловский соборы, где всё чинно и благолепно. А уж церковь Новомучеников, в земле Российской просиявших, что на Глядене, - туда и на пушечный выстрел не подпустят. А здесь всё просто, демократично, - так говорит учитель истории и словесности российской Семён Хвостов, ещё один член звена Дмитрия.

- Иван Елпидифорович, испейте квасу... или рассольчику. В себя после вчерашнего придите. А я опаздываю, на работу мне бежать нужно.

-И-и... вот и я то смотрю... Что ж ты, Митяй, в рабочей казарме не живёшь? И до работы два шага, и с такими же, как и ты, твоего ж сословия? А всё норовишь с чистыми замешаться... Небось в университет поступать собрался? Не доведут до добра тебя эти университеты, да сицилисты с фармазонами. Эвона, семьдесят с лишком лет назад, какую смуту они учинили? Жиды, да масоны, да сицилисты! И что удумали? Природного государя Николая Многогосударального со всей семьёй его - новомучениками российскими под корень извели. «Взимахуся блядины дети выше облак, а все сии мудры быша, и во ад угодиша», - процитировал он протопопа Авакума.

- Иван Елпидифорович, это ещё в высшем начальном училище нам преподавали, о второй смуте в Государстве Российском произошедшей, и как адмирал Колчак, избавитель отечества, смуту сию прекратил. Всё, Иван Елпидифорыч, вот вам рупь, а я побегал. Опохмелитесь и свечку поставьте за здравие раба Божьего Дмитрия.

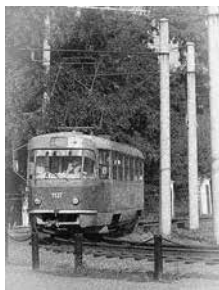
Отставной чиновник величественным жестом принял монету с двуглавым российским орлом, подтянул кальсоны и, бормоча: «это уж непременно, непременно... здоровье поправлю и помяну и вас, и родителей ваших, и весь царствующий дом Романовых», освободил путь.

Дмитрий выскочил на улицу. Солнце уже встало, и по брусчатой мостовой бодро бежали серые барнаульские обыватели. «Вот старый пропойца! Задержал-таки. Сейчас не успею на рабочий трамвай, - с раздражением подумал он, - вымогатель, как есть вымогатель. Не знает ведь ничего. Просто деньги на опохмелку нужны, вот и пострашал сицилистами да фармазонами».

Пансион мадам Башкевич располагался в самой старой части города, недалеко от знаменитого Барнаульского порта. Порт уже всю работал, несмотря на раннее утро. Тяжело вздыхали паровые машины, скрипели громадные краны Руссо-Балт. Пронзительно свистел паровозик «Кукушка». А вот и конечная остановка трамвая. Раньше на этом месте располагался знаменитый Старый базар, но в тридцатые годы он был закрыт, как рассадник празднующегося люда и стараниями градоначальника господина Самсонова Петра Фёдоровича перенесён за город, в деревню Ересную. Тогда же трудами сего прославленного государственного мужа была построена сеть городских трамваев. Помните эту историю? Денег в казне города не было, и Пётр Фёдорович лично отправился в стальной град Москву. Там, используя свои связи, попал он на приём к самому Верховному правителю. Колчак в те времена был обеспокоен фрондой некоторых членов царствующего дома Романовых, переставших помянуть добрым словом его благодетельства, и решил сделать неоднозначный ход. Петра Фёдоровича принял, облакал, а на прошении начертал собственноручную резолюцию: «Поелику град Барнаул столица Алтайского горного округа, то и строить проектируемую сеть совокупно

Что было бы, если... как известно, 14 августа 1919 года белые армии Колчака и Деникина соединились на левом берегу Волги вблизи Царицына. После этого дни большевистской власти были сочтены.

Трамвай дёрнулся и, набирая ход, начал плавно выворачивать на Соборную площадь. Белоснежная громада Петропавловского собора проплыла справа.

с царствующим домом Романовых, и финансирование определить из казны кабинета Его Императорского Величества Александра Никитича, с оказанием помощи кабинету в счёт средств казны Государства Российского». Ну и работа закипела. Сейчас товарищество «Барнаульские трамваи» обладает самой протяжённой трамвайной сетью за Уралом, а может быть, и во всей империи. Ещё одно диво - трамваи двухэтажные. Первые трамваи тоже отечественные были - Руссо-Балт, Екатеринбургская трамвайная компания, Московско-германская компания, но однажды пришли к Петру Федоровичу в градоначальство господина Второвы - промышленники и предложили свои проекты трамвая - двухэтажный, для большей вместимости, и грузовой - с открытой платформой, чтобы людей, значит, и грузы перевозить. Производство собственное - Сибирских заводов Второвых. Ударили по рукам, выбили господина Второвы подряд и начали поставлять огромные неуклюжие двухэтажные трамваи. Но прижился двухэтажный трамвай и, как ни странно, пользуется любовью горожан. Зовут его кто «мастодонтом», кто «вториком». Ну, это так, в сторону..

- Господину Князеву моё почтение! Никак на трамвай спешите?

Справа из переулочка вынырнула фигура в вицмундире полицейского ведомства. Господин Петров, окликнувший его, служил столоначальником в департаменте прошений и регистраций полицейского управления города Барнаула. Несмотря на работу в столь почтенном ведомстве, считал он себя сторонником новых идей, страстно желал обновления обветшавшей романовской империи, чудесным образом семьдесят лет назад восстановленной, и входил в группу конституционных демократов, действовавшую в Алтайском горном округе. Господин Петров давно заприметил Дмитрия на собраниях барнаульской общественности, желающей изменения, и пытался вовлечь его в деятельность движения за возрождение партии народной свободы.

- Что ж вы, Дмитрий, на собрания наши-то не приходите? Такие там вопросы сейчас ставят - ого-го! Петицию вот готовим, хотим подать её на высочайшее имя Наследника Цесаревича.

Дмитрий, едва кивнув, заскочил на подножку отходящего трамвая. Не хотелось ввязываться в ещё один пустопорожний разговор. Петицию эту господина-любителя народной свободы обсасывали уже третий год, постоянно добавляя туда новые пункты и шалея от собственной смелости.

Трамвай дёрнулся и, набирая ход, начал плавно выворачивать на Соборную площадь. Белоснежная громада Петропавловского собора проплыла справа. Дмитрий начал протискиваться на площадку. На ступеньку выше его висела необъятная баба - поперёк себя шире - с двумя кошелками, набитыми всякой всячиной. Видно, приехала на речном пароме из-за Оби и сейчас торопилась на рабочий Зайчанский рынок. На телодвижения сзади баба отреагировала пронзительным визгом:

-И-и-их, супостат! Куды лезешь? Стрекулист проклятый!

- Успокойтесь, успокойтесь, мадам, - примирительно произнёс Дмитрий.

- Кака така я тебе мадама! - не унималась баба. - Я честная женщина, православная! А тут мало што исщупал всю, так ещо и мадамой обозвал! Да люди добрые, што ж это деется! Скинуть стрекулиста с трамвая!

- Скидавай, чего миндальничать с нахалюгой! - поддержали тётку с кошелками такие же деревенские бабы, а Дмитрий, прогиснувшись всё-таки на площадку, ещё раз недобро помянул Ивана Елпидифорыча, задержавшего его утром. Обычно он старался уехать до прихода речного парома с затонскими торговками. «Несознательные мелкобуржуазные элементы, - подумал он. - Это ж сколько их придётся социализировать после победы революции? А вот что было бы, победи тогда красные? Давно бы уже ручной труд заменили бы машинами, а такие вот торговки в театрах балеты бы танцевали да картины писали. А огороды бы вообще заменили фабриками по производству овощной и другой сельскохозяйственной продукции. Так бы и ликвидировали противоположности между городом и деревней». Дмитрий сделал ещё одно усилие и, протолкнувшись сквозь толпу торговок и богомолок, спешащих поклониться чудотворной иконе в Покровском соборе, добрался до лестницы на второй этаж. Здесь было просторно, случилось несколько свободных мест, широкие окна по летнему времени открыты, и свежий ветерок показался ему подлинным благорастворением воздуха после духоты и запаха потных тел первого уровня трамвая. Уселся возле окна и, глядя на проплывающие мимо дома, снова задумался. Эти дома выстроены после великого пожара Барнаула в семнадцатом году и должны были символизировать победу новых градостроительных принципов, но несознательный обыватель, воодушевлённый победой над большевиками и провозглашённой свободой предпринимательства, строил кто во что горазд. Есть и совсем завалюхи, есть крепкие особнячки-среднячки, сложенные из мощных брёвен, есть и двухэтажные деревянные доходные дома. Градоначальство всё пыталось облагородить хотя бы домовладения, выходящие на основные магистрали, - ведь здесь могли

прогуливаться и особы императорского двора, но дальше устройства единообразных оград и заборов, побеленных казарменной сероватой извёсткой, дело не пошло. «Вот ведь как могло быть? Предполагали ведь прогрессивные деятели построить город-сад на месте сгоревшего города. А большевики вообще предлагали снести до основания руины города и строить на новом месте. Но ведь как народ-то за старое держится, так цепляется за обломки - по брёвнышку восстанавливали сгоревшее, да чтоб как до пожара было. Хотя, нужно сказать, что буржуазии и приехавшим столичным аристократам удалось построить город-сад - для себя. Да хоть взять пристанционную часть, или Гляденский дворец. Но кому служит всё это? Горстке богачей, а не всему народу. Вот эти бабы-торговки, что так орали на него, хоть раз видели, какая красота открывается с Глядена? Вид прекраснейший: на десятки километров видно за Обь. А сам парк, ступенями спускающийся к величавой Оби, закованной здесь в гранитную набережную? Хотя и говорит товарищ Чёрный, что на костях и слезах построены дворцы и гранитные набережные Оби, но ведь красиво и гармонично! Инженеры и архитекторы, которые проектировали и строили всю эту красоту, вложили сюда своё сердце и свои таланты...»

- Конечная, господа! Конечная, дамы! - Голос из динамиков вырвал его из размышлений. - Заводы Второва.

Мрачные кирпичные корпуса нависли слева. Господа Второвы, хорошо разжившиеся на военных поставках во Вторую Отечественную войну, и на последующих войнах восстановления Империи, сейчас осваивали выпуск мирной продукции - бурового оборудования, вагонов, локомотивов, паровых автомобилей. И хотя над паровыми автомобилями все посмеивались, считали это патриотической блажью господ Второвых, но ход оказался прибыльным, и государственные заказы потекли к промышленникам рекой. Но и паромобили - или, как их называли, «памятники Ползунова», - всё-таки бегали по дорогам империи и даже, в виде технического казуса, импортировались в Северо-Американские Соединённые Штаты. «Опаздываю», - пронеслось в голове Дмитрия. Выскочив из трамвая, он услышал протяжный заводской гудок. Добежав до проходной, бросил пропуск недовольно поджавшему губы табельщику в последний момент.

- Опаздываете, господин Князев, - проворчал тот, но всё же сделал отметку о своевременном прибытии на работу.

Под пронзительные звонки, возвещающие о начале занятий в конторе, он вбежал в залу технического персонала. Сегодня, на удивление, никто не стоял за кульманами, не стрекотали арифмометры, только демонстраторы большой счётно-решающей машины пульсировали за столами техников-программистов. Остальные сгрудились вокруг конторки начальствующего технической части.

- Господин Князев, к нам, к нам! - осанисто махнул ему рукой начальствующий технической части Павел Иванович Скородумов. - Получите свои целковые, и сегодня занятий не будет - выпала вам высочайшая честь встречать государя-цесаревича Алексея на вокзале.

Весь конторский состав возбуждённо переминался, рассматривая список выдвинутых для встречи кандидатур.

- Смотрите не напейтесь, господа. Впрочем... все распивочные будут закрыты. Но, как известно, свинья грязь найдёт, а посему просьба вспомнить, что на завтра рабочий день не отменён. Буду бдительно следить, кто с тяжёлого похмелья на занятия явится.

Павел Иванович по-отечески погрозил пальцем.

- Ну-с, господа инженера и техники, автобусы благодетеля нашего господина Второва ждут на заводской площади, пожалуйста спускаться.

- Ну что, Митяй, с ослобонением от работы? - техник Сергеев шутя стукнул Князева по плечу.

- Угу, - промычал в ответ Дмитрий. - Не дают поработать. Я вот как раз собирался разобраться с твоими расчётами да ткнуть тебя носом в ошибки твои.

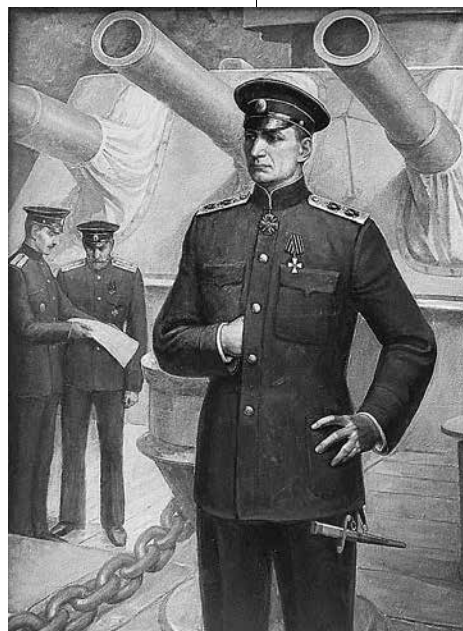
- Но-но! Не задирайся, как султан турецкий! Всё у меня чётко там.

- Эх, работал бы ты в Северо-Американских Штатах, давно бы выгнали тебя в безработные!

- В Штатах счётно-решающие машины на каждом рабочем месте, компьютеры называются. А у нас динозавр доисторический вместо компьютера, и тот на ладан дышит. Арифмометрами всё считаем да логарифмическими линейками пользуемся. Ладно, лезь давай, чего встал? Народ задерживаешь!

Автобус работал на бензине, что было редкостью и большим

«...Иван Елпидифорович, это ещё в высшем училище нам преподавали, о второй смуте в Государстве Российском произошедшей, и как адмирал Колчак, избавитель отечества, смуту сию прекратил...»

шиком, который, впрочем, господа Второвы могли себе позволить - тем более причина для того, чтобы пустить пыль в глаза, имелась - как-никак встреча особы из царствующего дома, Наследника Цесаревича! Вот, мол, даже рабочих на бензине возят! Нефти в стране много, и каждый год открывали новые месторождения, но переработку так и не смогли наладить в необходимых количествах - технологии были, но дорогие, американские и британские, а ещё по приказу Верховного правителя Колчака, который, кстати, не отменили до сих пор, пользовались старыми разработками времён Менделеева - в целях поддержки отечественных науки и промышленности.

На огромной площади Августовской Победы уже выстраивались пришедшие патриотически настроенные мещане города Барнаула, немного в стороне стояли отряды скаутов, промаршировали две сотни «Молодых волчат» - воспитанников военного училища имени атамана Анненкова. Полицейские и сотрудники охранного отделения, по случаю прибытия наследника одетые в парадную форму и подчёркнуто вежливые, ненавязчиво распределяли прибывших патриотов по колоннам.

- Проходите, проходите, не задерживайте. Вправо, господа инженеры, вправо. Вы подле кадетов стоите... пожалуйста к памятнику...

Дмитрий сам не заметил, как оказался в первых рядах. Кто-то из полицейских чинов сунул ему в руки большой букет бело-сине-красных цветов - розы, флоксы и георгины. «Невероятно безвкусное сочетание», - подумал Дмитрий.

- А вы, господин инженер, вручите букет Цесаревичу, - торопливо шептал ему на ухо гладкопричёсанный и набриолиненный господин в визитке. - Вы с ним одного возраста, только что ростом пониже. Мы уж давно следим за вами - человек вы благонадежный и подающий большие надежды. Сам господин Кулебяко вас выбрал для вручения букета...

«Что за притча?» - как током прошло Дмитрия. Кулебяко был начальником охранного отделения Алтайского горного округа, и одно упоминание его имени вселяло трепет.

Тут сводный оркестр грянул «Боже, царя храни!», затем марш Преображенского полка, и Дмитрия выпихнули из толпы встречающих прямо к крыльцу императорского павильона барнаульского вокзала. Створки дубовых дверей распахнулись, и он оказался лицом к лицу с молодым человеком, одетым в лейб-казачий мундир - черкеску с газырями, большим кинжалом на левом боку, в небольшой каракулевой папахе, сдвинутой на левое ухо. Молодой человек неуверенно озирался по сторонам, видимо, свита отстала, и он оказался один на один с народом. Наконец, его взгляд упёрся в ужасающий букет.

- Какая безвкусица, - пробормотал он, на что Дмитрий также тихо ответил:

- Чем богаты, тем и расстарались, ваше высочество. Но букет действительно ужасный. Примите уж. - Слабая улыбка появилась на лице молодого человека.

- А можно не принимать?

- Я бы не принял, но вы обязаны. Вы заложник положения.

- Чёрт бы побрал эти ритуалы, - пробормотал Цесаревич, принимая букет.

Тут двери распахнулись второй раз, на площадь вывалила пёстрая толпа придворных, благоухающая французскими ароматами и блистающая орденами офицеров свиты и украшениями дам. Дмитрия быстро отёрли в сторону, и продолжение церемонии он помнил плохо: кто-то рокотал густым басом: «Пожалуйста в богоспасаемый град Барнаул», какая-то дама читала патриотические вирши, гремел и умолкал оркестр, но Дмитрию до этого уже не было дела: он находился под впечатлением нескольких фраз, которыми с ним перебрался Цесаревич Алексей. Обычных, человеческих фраз.

«Он такой же, как я, - думал Дмитрий. - А ведь я мог его сейчас убить. И убил бы, ежели б знал, что мне поручат дарить букет. А он сам несчастен, сам удручён. Он так же, как я, мается жизнью, так же не знает, как обрести свободу. В таком же ярме, как и я...»

- Дмитрий Сергеевич, вы прекрасно справились со своей миссией. Моя благодарность не знает границ, и вы всенепременно будете отблагодарены. Думаю, вам понравится часто бывать на Глядене, - Дмитрий замер, узрев рядом с собой самого Кулебяко - невысокого бочкообразного господина в жандармской полковничьей форме.

- Вот вам пропуск, но мы с вами ещё побеседуем, Дмитрий Сергеевич. На обороте номер, телефонируйте мне в седьмом часу пополудни.

Кулебяко пожал ему руку и удалился, сопровождаемый молодым человеком с адъютантским аксельбантом.

«Господи, если ты существуешь, воля твоя... - пронеслось в голове. - Что за день сегодня... что за день!..»

Многие улицы в старой части города названы именами писателей - Пушкина, Толстого, Гоголя, Чехова, Некрасова и др. При этом Барнаул всегда был прогрессивным городом: улица Пушкина названа именем классика в юбилейном, 1899 году, первой в Сибири, третьей в России. Улица Льва Толстого названа так еще в 1910-м - в год смерти автора «Войны и мира». Но из великих писателей в Барнауле лично был только Федор Михайлович Достоевский, причем не единожды, в общей сложности провел в нашем городе около полумесяца.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ: «Я НАМЕРЕН ПОСЕЛИТЬСЯ В БАРНАУЛЕ»

Елена Сафронова, доцент АлтГУ

«ЖЕЛАЮ В БАРНАУЛ»

За годы подневольной службы в Семипалатинске Достоевскому не раз приходилось бывать в городах и селениях Алтайского горного округа: Барнауле, Кузнецке, Змеиногорске, на локтевском руднике. Именно в Семипалатинске писатель обретет новые знакомства, без которых его визиты в Барнаул едва ли бы состоялись. Таких знакомств было как минимум три. Первое - с прокурором Александром Егоровичем Врангелем, из переписки с которым мы и узнаем о пребывании писателя в Барнауле. Второе - с Марией Дмитриевной Исаевой. Она была замужем за учителем гимназии Александром Исаевым, горьким пьяницей, который позже стал прототипом образа Мармеладова. После смерти мужа Мария Дмитриевна стала первой супругой Достоевского. И еще одна важная встреча - с известным русским путешественником и ученым Петром Петровичем Семеновым, с которым был знаком еще в Петербурге (позднее прибавившим к своей фамилии Тан-Шанский). Именно в доме Семенова, жившего в то время в Барнауле, и будет

останавливаться автор «Бедных людей».

Достоевский неоднократно высказывает желание поселиться в Барнауле еще до посещения нашего города. Свидетельства об этом сохранились в письмах писателя к стряпчему уголовных и гражданских дел (современному прокурору) барону А. Е. Врангелю. В письме от 23 марта 1856 г. он высказывает робкую надежду: «...неужели нельзя мне перейти из военной службы в статскую и перейти в Барнаул, если ничего не будет другого по манифесту?». В письме от 13 апреля 1856 г. прямо просит друга: «Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу именно в Барнаул, то ради Бога не оставляйте без внимания. Если возможность говорить об этом с Гасфортом, то ради Бога поговорите, а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый близкий и самый верный для меня шаг». В письме от 29 мая 1856 г. переживает: «Вы пишете, что хлопочите о переводе моем в барнаульский батальон. Ради всего, что для Вас свято, не переводите меня раньше офицерства». 14 июля 1856 г. Достоевский вновь делится своими планами с А. Е. Врангелем: «...если меня произведут, то желаю в Барнаул». 21 июля 1856 г. вновь повторяет: «Если действительно есть надежда произвести меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтоб в Барнаул?»

Таким образом, Достоевский в письмах шесть раз обращался к прокурору округа барону А. Е. Врангелю с просьбой о переводе на статскую службу в Барнаул. Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в Барнаул объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная, а затем первая жена, Мария Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул имел славу интелли-

гентного культурного города в отличие от Семипалатинска.

О Барнауле Достоевский писал еще до того, как побывал в нем. В то время у нашего города была репутация небольшого, но интеллигентного городка. Барнаул сороковых годов XIX века и в экономическом, и в культурном отношении был одним из ведущих городов Сибири. Этому способствовала довольно развитая горнозаводская промышленность Кольвано-Воскресенских заводов, административным центром которых являлся Барнаул.

Горные инженеры в массе своей были людьми образованными, сведущими не только в своей профессии, но и в литературе и в искусстве. Не случайно именно в Барнауле возник первый в Сибири музей, основанный в 1823 году. В городе существовал любительский театр, хор и картинная галерея, окружное училище. При сереброплавильном заводе была открыта публичная библиотека. Еще в XVIII веке в Барнауле появилась аптека - одна из самых первых аптек в России. Все это и дало основание П.П. Семенову назвать Барнаул «Сибирскими Афинами».

Барнаул фигурирует в письмах Достоевского как возможное место переезда М. Д. Исаевой из Кузнецка после смерти мужа. Но надежде Ф. М. Достоевского не суждено было осуществиться, поскольку М. Д. Исаева после смерти мужа наотрез отказалась переехать в Барнаул. Она переживала, полюбит ли ее в Барнауле, и влюбленный писатель оставляет эту идею. По иронии судьбы в Барнауле переедет жить и женится здесь его соперник - Николай Вергунов.

ШЕСТЬ ВИЗИТОВ

Из писем Ф. М. Достоевского брату нам достоверно известно, что писатель посещал Барнаул не менее трех раз. Если быть точнее, то нужно говорить о шести посещениях Барнаула, т. к. писатель останавливался в Барнауле по дороге в Кузнецк туда и обратно.

Впервые Достоевский побывал в Барнауле в июне 1856 года. Об этом писатель достоверительно пишет в письме к А. Е. Врангелю от 14 июля того же года. Правда, ничего не сообщает о том, сколько времени продолжалась поездка, какова была ее цель, с кем он встречался в Барнауле. Можно предположить, что унтер-офицер Достоевский (произведен в унтер-офицеры 24 сентября 1855 г.), зарекомендовавший себя в глазах военного начальства человеком образованным, пользующимся поддержкой окружного прокурора и других высокопоставленных чинов, был направлен в Барнаул с каким-то батальонным поручением. Из Барнаула писатель, никого не предупредив, самовольно едет в Кузнецк, где проводит два дня с М.Д. Исаевой. «У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк -

рискнул, но был», - пишет Достоевский Врангелю 14 июля 1856 года. («Я готов по суд идти, только бы с ней видеться».)

После смерти А. И. Исаева отчаяние Достоевского еще более возрастает, поскольку у его возлюбленной появляется новый поклонник - учитель Николай Вергунов. Друг Достоевского А. Е. Врангель - человек достаточно пронизательный и объективный - верно угадал характер отношений между писателем и Марией Дмитриевной. По его словам, Исаева «приласкала его (Достоевского), не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбой человека. Возможно, что даже привязалась к нему, влюблена в него ничуть не была <...> Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом юности».

Второй зафиксированный приезд Достоевского в Барнаул протекал в более благоприятных для него обстоятельствах. 30 октября 1856 года был получен «высочайший указ» о производстве ссыльного в прапорщики. Вместе с офицерским званием пришла относительная свобода. К тому же установились отношения с М. Д. Исаевой. И чтобы окончательно прояснить их, он вторично едет в Кузнецк, по пути заезжая и в Барнаул. Об этой поездке он сообщает Врангелю в Петербург в письме от 21 декабря 1856 года: «Я ездил в Барнаул и в Кузнецк, с Демчинским и Семеновым. В Барнауле мы приехали 24 декабря (день именин Х.), и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал». В. Гришаев справедливо обратил внимание на несоответствие между временем событий, указанных в письме, и датой самого письма. Судя по всему, Достоевский действительно запомнил дату, утверждая, что он прибыл в Барнаул 24 декабря 1856 года. Поэтому датой второго приезда Достоевского в Барнаул следует, по-видимому, считать 24 ноября 1856 года. Остановка в Барнауле, как явствует из письма, была хотя и кратковременной, но насыщенной событиями: «В Барнауле я пробыл сутки и отправился в Кузнецк. Там пробыл пять дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле».

Во время второго пребывания в Барнауле подполковник Андрей Родионович Гернгросс, горный начальник алтайских заводов, через А. Е. Врангеля и П. П. Семенова пригласил Достоевского прямо на бал по случаю дня рождения своей жены. Горные инженеры были рады встрече с писателем (известным по роману «Бедные люди»). Этой теме посвящена картина барнаульского художника Алексея Дрилева. Кстати сказать, «ниточки» знаменитой барнаульской легенды о Голубой даме, якобы заживо замурованной в стене мужем из ревности, тоже «тянутся» к Достоевскому. Речь здесь идет о супруге Гернгросса Екатерине Иосифовне, которая влюбилась в

друга и постоянного барнаульского спутника Федора Михайловича Александра Врангеля. Безусловно, что писателю были известны подробности этих отношений. В письмах двух друзей Екатерина Иосифовна фигурирует под литерой «Х». Так барнаульский любовный треугольник стал основой повести «Вечный муж», которая первоначально задумывалась писателем как роман, а Екатерина Иосифовна послужила прототипом Наталии Васильевны Трусоцкой - женщины, в которой было «что-то такое необыкновенное - дар привлечения, порабощения и владычества!».

Кроме того что Достоевский встретился с А. Р. Гернгроссом - начальником алтайских заводов, который ему «очень понравился», - были, вероятно, встречи и с другими барнаульскими знакомыми. В письме от 21 декабря 1856 года Федор Михайлович пишет: «...со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и замороженных Талейранов!».

Вторая поездка Достоевского в Кузнецк завершилась полным успехом. Офицерский мундир, возникшая уверенность в завтрашнем дне, а еще более любовь и преданность, не раз доказанные им на протяжении двух с лишним лет, сделали свое дело - М. Д. Исаева дала согласие на брак.

В конце января 1857 года Достоевский в третий раз едет в Кузнецк. Это была самая важная поездка - венчание с Марией Исаевой. Теперь он наполнен радостным ожиданием и предчувствием семейного счастья. По дороге писатель заехал в Барнаул, где вновь остановился у известного путешественника и ученого П. П. Семенова, чтобы купить подарки на свадьбу.

Знаменитый географ позже вспоминал: «В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне Ф. М. Достоевского. Спавшись заранее с той, которая окончательно решила соединить навсегда свою судьбу с его судьбой, он ехал в Кузнецк, с тем, чтобы устроить там свою свадьбу до наступления Великого поста. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По несколько часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении главы за главой его в то время неоконченных «Записок из Мертвого дома», дополняемых устными рассказами». По словам городских старожилов, ученый квартировал в доме купца В. И. Зубова, стоявшем на Большой Олонской улице, 38, у Сенной площади. В 1950-70-е годы в этом же доме находилась «Аптека № 3». Позднее это здание перенесли на место пересечения нынешних Интернациональной улицы и Красноармейского проспекта. Есть версия, что этот нововеденный точная копия прежнего здания.

Итак, это было самое продолжительное пребывание Достоевского в Барнауле. Семенов-Тян-Шанский ничего не сообщает о встречах писателя с «барнаульскими». Однако, зная живой интерес Достоевско-

По словам городских старожилов, известный путешественник и ученый П. П. Семенов квартировал в доме купца В. И. Зубова, стоявшем на Большой Олонской улице, 38, у Сенной площади. В 1950 - 70-е годы в этом же доме находилась «Аптека № 3».

го к людям, его наблюдательность художника, можно предположить, что он не оставил без внимания своих барнаульских знакомых. Во время поездки Достоевский завел немало знакомств среди алтайских образованных и гостеприимных горных инженеров и чиновников. В письмах писателя 1860-х гг. мелькают фамилии: Гернгросс, Ковригин, Полетика, Пишке, Коптев, братья Самойловы, с лестными, хотя и скупыми характеристиками. К сожалению, на сегодня мы не располагаем архивными свидетельствами об этих встречах. А было бы чрезвычайно заманчиво установить (кроме известных лиц) круг барнаульских знакомых Достоевского, его личные связи и отношения. Возможно, отсюда протянулись бы нити к прототипам его произведений шестидесятых годов («Село Степанчиково», «Дядюшкин сон»). В алтайской глуши местные интеллигенты были рады встрече с опальным писателем, человеком трудной судьбы, выдающегося ума и образованности. То, что он бывший государственный преступник, не было препятствием. В Сибири этим не удивишь. Отношение к таким людям здесь всегда было участливым, сострадательным. Они охотно помогали Достоевскому в его многотрудных житейских обстоятельствах, за что он был им благодарен. Видимо, и значительная часть свадебных денег осталась в лавках местных купцов, учитывая приготовления к венчанию и беспомощность писателя в денежных вопросах.

Из Кузнецка Достоевский ехал с М. Д. Исаевой, ставшей его женой 6 февраля 1857 г., и пасынком Пашей в Семипа-

латинск. Он хотел остановиться в Барнауле ненадолго, сводить молодую жену в барнаульский любительский театр, но с ним случился эпилептический припадок. Об этом событии Достоевский сообщил А. Е. Врангелю 9 марта: «В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно, и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка.)».

Достоевский, стремясь переехать в Барнаул из Семипалатинска, надеялся изменить свой статус, образ жизни, семейное положение. Оставив военную службу, он мог всерьез думать о женитьбе. В письме брату Достоевский написал: «Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если б я наверно знал, что у меня настоящая паучая, я бы не женился». Надежды на лучшее, связанные в сознании Достоевского с Барнаулом, сменились суровой реальностью, на которую писателю открыл глаза честный барнаульский доктор. Так печально закончилось третье и последнее (?) посещение Достоевским Барнаула.

Сибирская ссылка для автора романов «Идиот» и «Преступление и наказание» продлилась до середины 1859 года. Писатель покинул Семипалатинск 2 июля и отправился с женою и приемным сыном в Тверь, а еще через год он вернулся в Петербург и больше Сибирь не посещал. Документальных свидетельств о том, что

Из Кузнецка Достоевский ехал с М. Д. Исаевой, ставшей его женой 6 февраля 1857 г., и пасынком Пашей в Семипалатинск. Он хотел остановиться в Барнауле ненадолго, сводить молодую жену в барнаульский любительский театр, но с ним случился эпилептический припадок.

Достоевский еще приезжал в Барнаул, не сохранилось, хотя в своем письме Врангелю он пишет, что «бывал после вас часто». П. Ф. Маркин указывает также на возможность прощания Достоевского с нашим городом по дороге в европейскую Россию: «Для Е. Батуриной это не подлежит никакому сомнению. «На лошадях был проделан путь: Семипалатинск - Змеиногорск - Барнаул - Омск и далее до Твери», - пишет она («Алтайская правда», 1971, 9 окт.). В данном случае предположительный маршрут движения Достоевского из Семипалатинска в Европу выдается за очевидный факт. Основными связующими Сибирь с европейской частью России дорогами были Московско-Сибирский и Линейный тракт, который проходил южнее Московско-Сибирского и связывал Оренбург и Омск, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск, Усть-Бийск и Барнаул. Иначе говоря, возможен был и прямой путь из Семипалатинска в Омск, по Иртышской линии. Трудно сказать, какой маршрут выбрал Достоевский на обратном пути. Во всяком случае фактических свидетельств о том, что Достоевский в последний раз проезжал в Барнаул, у нас не имеется».

Таким образом, прощание Достоевского с Барнаулом в июле 1859 года относится к области легенд. Кстати сказать, в нашем городе бытует «предание, что Достоевский, любящий ансамблем Демидовской площади, первым назвал его «уголком Петербурга». Нетрудно представить, какие чувства породил этот «уголок» у истосковавшегося в изгнании писателя!

ВСПОМИНАЯ ГОРОД Б.

Несмотря на то что Барнаул в сознании писателя был связан с печальным диагностированием эпилепсии честным и квалифицированным барнаульским доктором, Алтай оставил добрую память в сердце писателя. Будучи уже в Твери и ожидая разрешения на въезд в Петербург (в сентябре 1859 г.), Достоевский приглашает А. Е. Врангеля к себе: «Приезжайте же... Поговорим о старом, когда было так хорошо, о Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, <...> о милейших Змеиногорске и Барнауле, я после вас бывал довольно часто.. ну да обо всем!» Вообще в эпистолярном наследии Достоевского Барнаул упоминается 45 раз, два из которых он фигурирует как город Б.

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно,

предназначавшаяся именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов, бывший, по свидетельству П. П. Семенова-Тян-Шанского, «совершенно первоклассным комиком, даже превосходившим своим природным сценическим талантом своего знаменитого брата». И хотя Ф. М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел и переделал начатую им комедию в комическую повесть, Сибирские Афины могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написать для театра. Более в своем творчестве Достоевский для театра не писал.

По замечанию О. Г. Левашовой, «черты сибирской окраины находят исследователи и в двух повестях Ф. М. Достоевского «семипалатинского периода»: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Хотя в этих произведениях нет указания на сибирские топоры, только в финале повести «Дядюшкин сон» возникает образ снега, провинциальный городок в снегу, однако обобщенный образ города Мордасова и села Степанчиково и их обитателей свидетельствуют об углублении темы провинциальной России».

«В «Записках из Мертвого дома» писателем создается наиболее обобщенный и не лишенный иронии образ Сибири и «сибирского жителя». Говоря о чиновниках в Сибири, которым, «несмотря на холод, служить чрезвычайно легко», Ф. М. Достоевский, вслед за Гоголем, пытается дать их классификацию. Если Н. В. Гоголь делит чиновников на «толстых» и «тонких», то Ф. М. Достоевский - на «умеющих разрешить загадку жизни» и «не умеющих». Те чиновники, кто умеет разрешить загадку жизни, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются». Другие - легкомысленные - «скоро наскучают Сибирью и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее заехали?». Не лишен иронии образ сибирского городка, отмеченный чертами обобщенности: «...в Сибири можно блаженствовать. Климат превосходный; есть много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных иногородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности. Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника. Шампанского выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надо только уметь ею пользоваться. В Сибири умеют ею пользоваться».

«В «Записках из Мертвого дома» создается примечательный образ повествователя - безымянного «сибирского жителя», приметившего на поселении Александра Петровича Горянчикова и опубликовавшего его каторжные записки. Под пером

писателя возникает образ просвещенного сибиряка, заинтересовавшегося чужой судьбой, не лишено литературных интересов и даже выступающего в качестве издателя. В сибирский период творчества писателя как бы оформляется два типа сибиряка - один каторжный, «черная кость», прошлыми преступлениями отрезавший себя от людей и стремящийся к ним, другой - тип просвещенного сибиряка, созданный в «Записках».

Тем не менее наряду с потребностью обобщения можно выделить и противоположную тенденцию - наделения персонажа живой конкретикой, пластичностью образа, в котором «просвечивают» барнаульские и алтайские детали.

Интерес к народным типам - характерная особенность мировосприятия Достоевского. Барнаул интересовал писателя и как город, в котором обитают своеобразные, интересные человеческие типы. Например, Достоевский подробно описал в письме А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. казус, произошедший с ним на обеде у четы Гернгроссов во время второго пребывания в Барнауле: «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет восьми, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом!» Воспоминание об этом «комплименте» позволили И. Н. Свободной утверждать, что в образе города Мордасова из повести «Дядюшкин сон» отразились впечатления о Барнауле.

ДАЕШЬ УЛИЦУ ДОСТОЕВСКОГО!

Учитывая все вышесказанное, предлагаем в знак памяти пребывания Достоевского в Барнауле назвать именем писателя значимый топонимический объект. Существующий в городе проезд Достоевского (расположенный в частном секторе недалеко от ул. Смирнова и парка «Юбилейного») не может быть адекватным выражением народной любви и уважения к писателю, который посетил наш город неоднократно и провел в нем полмесяца.

Мы считаем возможным назвать улицу или площадь в старой части города, где почти 160 лет назад бывал Достоевский (район Демидовская площадь - пр. Красноармейский - площадь Спартака - ул. Интернациональная - площадь Свободы - площадь Баварина - Спартак-2). Писатель любил жить на пересечении улиц, а из его окон была бы видна церковь. Это желательно учесть при увековечивании имени Достоевского в Барнауле.

Отметим, что современная площадь Спартак-2 имеет неблагозвучное название. Ранее она называлась, как в Петербурге, Сенной. «Сенная площадь располагалась в исторической части Барнаула - на правом

берегу реки Барнаулки. Она находилась в современном Центральном районе на пересечении переулка Соборного (с 1927 г. - Социалистический проспект) и улицы большой Олонской». Центром площади была Знаменская церковь. Как известно, Достоевский в романе «Преступление и наказание» местом первого покаяния Раскольников делает Сенную площадь: по наущению Сони преступник идет на перекресток и целует землю, а затем идет сдаваться в полицейскую контору. Вполне возможно, что топос Сенной площади в романе возникает у писателя и в связи с барнаульскими воспоминаниями тоже, поскольку второе, главное очищение души преступника происходит в Сибири, на высоком берегу «широкой и пустынной реки» (барнаульским читателям напоминающей Обь). Здесь залитая светом «широкая окрестность» становится символом обретения свободы, нравственного возрождения и исцеляющей любви. Сибирский простор воспринимается и автором, и его героем как «заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь». В Барнауле два этих объекта - Сенная площадь и берег Оби - находились почти рядом, в пяти минутах ходьбы и могли ассоциативно связываться в сознании писателя при создании романа «Преступление и наказание».

Другими достойными имени классика топонимическими объектами видятся Соборная площадь (сейчас площадь Свободы), пл. Спартака (площадь возле церкви святого Димитрия Ростовского), а также пространство возле торгово-развлекательного центра «Колизей».

Было бы закономерно в конце 2015 г. на переименованной площади Достоевского поставить памятник, приобщив его открытие к тройному юбилею писателя. В 2016 году будет отмечаться несколько юбилейных дат: 195 лет со дня рождения и 135 лет со дня смерти писателя, а также 160 лет со времени первого визита Достоевского в Барнаул.

За последние годы в Барнауле появилось несколько памятников: Пушкину, Высоцкому, Цюю, жертвам политических репрессий, Сеятелю, нулевой километр. Будет логично, если следующим постаментом в Год литературы станет памятник автору «Преступления и наказания». Идея

Отметим, что современная площадь «Спартак-2» имеет неблагоприятное название. Ранее она называлась, как в Петербурге, Сенной. Сенная площадь располагается в исторической части Барнаула - на правом берегу реки Барнаулки.

установки памятника Достоевскому несколько лет витает в городе.

Насколько нам известно, на настоящий момент в мире существует 46 памятников Ф. М. Достоевскому; каждый город, в котором бывал гений, стремится обозначить свою причастность к классику мировой величины: в Москве и Петербурге по два постаamenta, есть памятник в Даровом, в Старой Руссе, в Дрездене, в Баден-Бадене, в Омске и Тобольске, Новокузнецке... Кстати, маленький провинциальный городок в Новгородской области Старая Русса в романе «Братья Карамазовы» получил отображение под неблагоприятным названием Скотопригоньевск. Однако старорусцы настолько гордятся, что Достоевский там жил, что дети в школах изучают творчество Федора Михайловича по особой расширенной программе. Они ходят по этим улицам, посещают музей... Там все пронизано воздухом Достоевского.

В последнее время стало модным говорить о развитии туристического кластера, о необходимости усиления туристической привлекательности региона в целом. Почему бы не сделать Барнаул городом, который гордится тем, что в нем был гений? Нам нужен памятник и широкомасштабные мероприятия, которые бы сделали Достоевского визитной карточкой города. Как не согласиться с призывом П. Ф. Маркина, опубликованным еще в 1985 г.: «Нужно сделать все возможное, чтобы исторический след гения навсегда остался в памяти города, ибо в конечном счете именно память обеспечивает бессмертие и человеку, и городу!».

Для увековечивания имени писателя в г. Барнауле в 2015 году, объявленном Годом литературы, Алтайский государственный университет начал проведение серии мероприятий «Достоевский возвращается в Барнаул», связанных с популяризацией имени и творчества автора. Реализация проекта должна стать большим культурным событием для нашего города и сыграть важную роль в деле воспитания жителей города и края в духе патриотизма и уважительного отношения к истории, культурному и литературному наследию, а также способствовать развитию туристического кластера Алтайского края.

Одноименный проект участвует во Всероссийском конкурсе идей Литературных достопримечательностей «Литературный след». По итогам первого этапа из 233 проектов из 51 региона России был сформирован лонг-лист из 60 проектов, которые продолжают борьбу во втором туре. Проект «Достоевский возвращается в Барнаул» входит в это число.

Достоевский мечтал жить в Барнауле. Если мы поставим ему памятник, назовем его именем площадь, то мечта великого русского классика осуществится - он останется жить в Барнауле, как живет в наших сердцах.

В нашей рубрике «Барнаульские арабески» мы будем публиковать заметки, штрихи к социальной и культурной истории нашего города. Возможно, они заинтересуют любителей истории или даже профессиональных исследователей и станут основой дальнейших разысканий. Или просто - порадуют необычностью и порой парадоксальностью информации...

Барнаульские арабески САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, БЕЛОРУССИЯ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

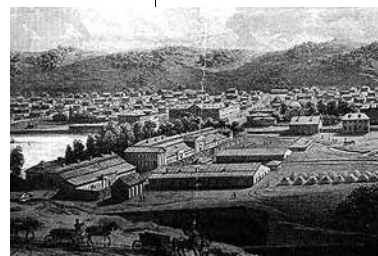
Евгений
Платунов

БЫЛА В БАРНАУЛЕ КОГДА-ТО И НАБЕРЕЖНАЯ...

В далеком 1827 году столичный журнал поведал о набережной в Барнауле.

В номере 30-м журнала «Отечественные записки» за 1827 год есть текст под заголовком «Любопытное письмо из Сибири» от 8 сентября 1826 года» с рассказом о впечатлениях путешественника:

«Начну с общего взгляда на Барнаул. На последних двух верстах к оному до-рога между сыпучими песками отделена наподобие шоссе и обсажена по обе стороны деревьями. Правильные улицы, на которых видна совершенная чистота, несколько окрашенных домов и надолбов подле оных составляют первое отличие этого города. Берег величественной Оби обнесен красивой решеткой; по главной улице, по которой должно въезжать в город, сделан бульвар, усаженный тополями; прекрасное строение дома полиции с каланчею и навесом для пожарных орудий встречаются первыми по въезде в город. Но существенное достоинство Барнаула составляют заводские устройства: длинная плотина, усаженная шпалерником из тальника, обнесена красивыми решетками, из коих те, которые окружают прорезы, в плотине воды в весеннее время, - чугунные. Прошел плотину, встречаешь еще на скате длинную чугунную решетку самого красивого и лёгкого рисунка...»

СРАВНИВАЯ БАРНАУЛ С КАЛИФОРНИЕЙ

Самым распространенным из сравнений Барнаула принято считать «Сибирские Афины». Но в XIX веке путешествовавший американец сравнил Барнаул с Детройтом, Колорадо и Калифорнией.

Факт из биографии человека, имеющего отношение к широкой теме «Барнаул и шпионы», можно найти в издании Ефима Черняка «Пять столетий тайной войны»: «Во время Гражданской войны в США правительство президента Линкольна столкнулось с фактом выдачи газетами многих секретных сведений о передвижении войск. Генерал Севера Шерман, обнаружив присутствие в его армии корреспондента «Нью-Йорк геральд» Т. Нокса, не получившего на это специального разрешения, приказал отдать репортера под суд как вражеского шпиона. Журналист был признан виновным, но президент Линкольн отменил приговор. Разгневанный вмешательством сверху, Шерман заявил: «Если уж американцы требуют и должны получать информацию, даже правдивую, но все же информацию, - пусть получают. Только они будут напоминать по своим привычкам пьяницу, у которого настолько

испорчены природные наклонности, что он находит удовлетворение лишь в коньяке». Когда Шерману сообщили, что несколько корреспондентов пропали без вести, он лишь пробурчал, что теперь будет получать к завтраку новости из ада.

Кто такой Нокс? Томас Уоллес Нокс (Thomas Wallace Knox), (1835 - 1896), американский журналист, писатель и путешественник. Начинал в 18 лет как учитель, неполных 22 лет основал академию в Кингстоне, а в 25 лет с несколькими долларами в кармане поехал репортёром в Калифорнию, где вспыхнула золотая лихорадка, и издавал там газету. В Гражданскую войну вступил добровольцем на стороне северян, дослужился до подполковника Калифорнийской Национальной гвардии, после ранения и демобилизации вернулся к журналистике (а также изобрёл и запатентовал способ передачи военных планов по телеграфу, что разрешило проблему оперативного управления войсками). В 1865-м Нокс на базе своих очерков издал книгу о войне «Camp-Fire and Cotton-Field», до сих пор популярную, а вскоре ему, как знатоку телеграфа, предложили должность в Русско-Американской телеграфной компании, и это стало началом его карьеры всемирного

путешественника и писателя, стартовавшего в 1870-м книгой о путешествии по Сибири, Китаю и России «Overland through Asia» («Через всю Азию»). За 25 лет путешествий он исколесил все континенты (ещё дважды посетив и Россию) и написал более 45 очень популярных тогда книг для взрослых и детей.

В Барнауле Нокс побывал в 1866 году, приведя в своей книге описание барнаульского производства.

«Начальник округа не менее одного раза в год посещал все шахты и заводы, где велось плавление, и постоянно получал подробные отчеты о происходящих на них работах. Его власть была почти деспотична, и он мог управлять округом по-своему, как губернаторы по всей Сибири. В его округе нет никаких каторжников, рабочие в рудниках и заводах - крестьяне, подчиняющиеся приказам правительства. Каждый человек в округе может быть призван для работы на императора, получая за это фиксированную заработную плату и паёк. Я считаю, что дневной заработок рабочего должен быть несколько меньше, чем сорок копеек. Работа на шахтах и заводах останавливается только в течение церковных и других праздников. Реле механизмов устроены так, чтобы работа не прекращалась, кроме дней рождественских каникул.

Я видел много листов геологической карты Алтайского округа, которая находится в стадии разработки. Потребуется ещё несколько лет, чтобы завершить её. Каждая гора, холм, ручей и долина отмечена геодезистами, и когда карта будет готова - это будет одна из лучших и лучших карт в мире. Один корпус занимается геодезией и картографией, а другой исследует и открывает шахты.

Породы долины тщательно изучаются на следы серебра, и многие образцы породы собираются для геологического кабинета в Барнауле. Карты составлены так, что показывают местоположение каждой испытательной лунки в долине и место, откуда получен каждый экземпляр породы. По возвращению группы её отчеты и собранные экземпляры руды отдаются в добывающее бюро. Руды идут в лабораторию, которая тщательно их исследует.

В общих чертах шахты немного непохо-

жи на серебряные рудники в других местах. Есть шахты, такие же, как в шахтах Колорадо и Калифорнии. Русские дают название «прииск» (ориг. priesk) тем шахтам, где золото отделено от земли. Серебряный рудник с его шахтами в твердой скале называют «рудником» (ориг. goodnik). Слово «завод» (ориг. zavods) применено к литейным заводам, работам по плавлению и другим предприятиям в целом.

Во второй день после нашего прибытия полковник Филев пригласил нас с доктором посетить завод в Барнауле. Поскольку он не говорил ни на каком языке, с которым я был знаком, полковник приставил ко мне молодого офицера, который свободно говорит на французском, но и ему стоило больших усилий, чтобы объяснить принцип работы завода. Завод насчитывает приблизительно шестьсот рабочих. Он заключен в большой двор с высокими стенами и напоминал мне чугунолитейный завод Пенсильвании или предприятия чуть ниже Детройта. Часовой караул у ворот никого не пропускает во внутрь кроме рабочих.

Сначала нам показали большую кучу руды во дворе. Руда для неопытных глаз казалась грудой старого известкового раствора и гранитного щебня. Она лежала у ручья, который приводит в работу механизмы завода. Полковник Филев показал нам комнату, где хранится серебро. Двое солдат стояли на страже, и шесть или восемь отдыхали снаружи. Сержант принес запечатанную коробку, в которой лежал ключ. Сначала коробка, а затем и сейф были открыты, и когда мы удовлетворили наше любопытство, сейф был заперт. Ключ вернулся на место хранения. Полковник закрыл коробку и нанёс печать. Сержант был ответственен за целостность пломбы из воска.

Брикеты имели бледный оттенок, были несколько легче, чем свинец, и имели форму, удобную для обработки. На каждом брикете был указан вес, ценность и результат испытания, и мне сказали, что оценивание было произведено в Санкт-Петербурге, чтобы избежать ошибок в вычислениях. Около тридцати пудов золота извлекают из каждой тысячи пудов серебра, после сокровище доставляют в Санкт-Петербург».

В Барнауле Нокс побывал в 1866 году, приводя в своей книге описание барнаульского производства.

БАРНАУЛ И БЕЛОРУСЫ

Бывший губернатор края Александр Суриков, как посол России в Минске, это, наверно, первое, что придет в голову жителю Алтая на эту тему. Между тем связи между Алтаем и Белоруссией имеют давнюю историю.

В каталоге, изданном в 2000 году Российской национальной библиотекой, нашлась и такая барнаульская листовка 1919 года: «Барнаульская белорусская громада - «Интеллигентные работники деревни в сельских и волостных учреждениях... к Вам обращаемся с убедительной просьбой помочь беженцам заполнить правильно опросные листы...»

Статья «Беларуска-украински комтэт помачи ахвярам войны (Беларуская грамада у Барнауле)» есть в издании «Военная энциклопедия Беларуси» (Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі), 2010. Статья - на двух языках. Статья на русском: «БЕЛОРУС-

СКО-УКРАИНСКИЙ КОМИТЕТ ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ (Белорусская группа) в Барнауле, благотворительная организация для помощи беженцам 1-й мировой войны в 1918-20. Председатель - Н.Ф. Блюдухо. К-т защищал материальные и юрид. интересы бел. и укр. беженцев, проводил среди них культ.-просвет. работу. Сотрудничал с к-тами беженцев др. национальностей. В 1918 входил в Междунар. к-т беженцев в Сибири (Барнаул). Во время гражд. войны деятельность к-та неоднократно запрещалась воен. и гражд. властями Барнаула».

Кто такой Блюдухо? Известный геолог и педагог. Вот что пишет о нем энциклопедия:

БЛИДУХО (БЛЮДУХО) Николай Федорович (1878 - 1935) родился 10 декабря 1878 года в небольшом городке Игумен (ныне город Червень Минской области) в семье учителя. После окончания Двинского реального училища поступил в Горный институт в Петербурге. Во время учебы (1896 - 1903) проявляет интерес к петрографии и минералогии рудных месторождений. После успешного окончания Горного института в 1903 году Николай Федорович Блюдухо, получив звание горного инженера, был направлен для работы на Дальний Восток, где его назначили начальником геолого-разведочной партии, работавшей в Хингане. Геолого-разведочными работами в этом районе он занимался до 1907 года, после чего возвратился в Санкт-Петербург, где с 1907 по 1909 годы в Геологическом комитете проводил научную обработку материалов, собранных им во время полевых работ. После составления отчета Блюдухо переехал в Томск, где до 1911 года заведовал золотосплавочной и химической лабораториями. Последующие годы Николай Федорович занимался выполнением геологических работ в Сибири и преподаванием геологических дисциплин в Барнаульском сельскохозяйственном техникуме. При его участии в Сибири были открыты месторождения мрамора, доломита, пирита, бурого угля, цветных металлов. В 1922 году Блюдухо переехал в Минск, где до 1925 года работал начальником Горного отдела ВСНХ Белоруссии. В это время он организует работу по геологической съемке и разведке полезных ископаемых на территории республики... Особую известность приобрела пробуренная в 1928 - 1929 годы по предложению Н. Ф. Блюдухо скважина № 4 в центре Минска, что позволило не только решить проблему водоснабжения города, но и узнать его геологическое строение, доказать наличие своих минеральных вод. Впервые были составлены геологические карты дочетвертичных и четвертичных отложений, полезных ископаемых БССР. Почти одновременно Блюдухо начал вести в Белоруссии и педагогическую работу. С 1923 года он возглавлял кафедру геологии Белорусского государственного университета, ведя большую общественно-воспитательную работу среди студентов... Николаем Федоровичем Блюдухо была подарена университету богатейшая коллекция горных пород и минералов, которая послужила основой для открытия в университете кабинета минералогии и кристаллографии, а впоследствии Музея землеведения географического факультета БГУ.

Вот такой интересный деятель пытался помочь в Барнауле 1919 года землякам-белоруссам, изгнанным с родных мест Первой мировой войной.

При участии Николая Федоровича Блюдухо в Сибири были открыты месторождения мрамора, доломита, пирита, бурого угля, цветных металлов.

НА АЛТАЕ ХОТЕЛ ПОБЫВАТЬ ЭРНСТ ХЕМИНГУЭЙ

Создатели Остапа Бендера Ильф и Петров фактически отговорили старика Хэма от поездки на Алтай.

В книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» эпизод с планами Хемингуэя на Алтай описан так:

«Зашел разговор о том, что мы видели в Нью-Йорке и что еще хотели бы посмотреть перед отъездом на Запад. Случайно заговорили о Синг-Синге. Синг-Синг - это тюрьма штата Нью-Йорк. Мы знали о ней с детства, чуть ли не по «выпускам», в которых описывались похождения знаменитых сыщиков - Ната Пинкертона и Ника Картера.

Вдруг Хемингуэй сказал:

- Вы знаете, у меня как раз сидит мой тесть. Он знаком с начальником Синг-Синга. Может быть, он устроит вам посещение этой тюрьмы.

Из соседней комнаты он вывел опрятного старичка, тонкую шею которого охватывал очень высокий старомодный крахмальный воротник. Старик изложи-

ли наше желание, на что он в ответ неторопливо пожевал губами, а потом неопределенно сказал, что постарается это устроить. И мы вернулись к прежнему разговору о рыбной ловле, о путешествиях и других прекрасных штуках. Выяснилось, что Хемингуэй хочет поехать в Советский Союз, на Алтай. Пока мы выясняли, почему он выбрал именно Алтай, и восхваляли также другие места Союза, совершенно забылось обещание насчет Синг-Синга. Мало ли что сболтнется во время веселого разговора, когда люди стоят с «хай-боллом» в руках!

Однако уже через день выяснилось, что американцы совсем не болтуны. Мы получили два письма. Одно было адресовано нам. Тесть Хемингуэя учтиво общался с ним, что он уже переговорил с начальником тюрьмы, мистером Льюисом Льюисом, и что мы можем в любой день осмотреть Синг-Синг. Во втором письме старик рекомендовал нас мистеру Льюису Льюису».

ПОЭТЫ В ГОРОДЕ: ВЕК XX и XXI

Давид Самойлов

*Барнаульская ночь высока, холодна,
И видать далеко на Оби.
И звезду на куски расшибает волна
О корму деревянной ладьи.*

*Мы беседу ведем, приглядевшись ко тьме,
Где болтливые волны спешат.
Красноватый фонарик горит на корме,
Где тяжелые сети лежат.*

*Пароходы плывут под сипенье гудка,
Просквозив огоньками кают.
Барнаульская ночь холодна, высока,
А на палубе песню поют.*

*Это жизнь пролетает, светясь и крича,
Лопастями плеча по Оби.
А рыбак на весло налегает с плеча,
И к рассвету шумят воробы.*

*Мы идем к островам, где чернеет ветла,
Чтоб соснуть, привалившись к костру.
Там под ветром береза метет, как метла,
Выметая созвездья к утру.*

*А рассвет розоват, а потом - серебрист,
А потом и светло на реке.
Пароходы уходят на Новосибирск
И гудят, и гудят вдальеке.*

Сентябрь 1948

Марк Юдалевич

*Старый город! Не надо хмуриться,
вспомни славных своих сынов:
по твоим нешироким улицам
проходил Иван Ползунов.
Здесь пешком торопливо хаживал,
вечно занят, на вид суров,-
а порой в своем экипаже
проезжал - генерал Фролов.
Люди кланялись им несмело,
но не ведали наверняка -
то, что ими в то время сделано,
будет долгие жить века.
Старый город! Ты видел всякое,
даже уличные бои,
и колчаковские вояки
брали штурмом дома твои.
Были белые, были красные,
был твой путь, как всегда, не прост.
Но, пройдя через все опасности,
город мой хорошел и рос.
В устремленьях своих неистовы,
и дома рвались в небеса,
и приземистые, плечистые
заводские росли корпуса.
...Старый город! Не надо хмуриться,
вспомни славных своих сынов,
по твоим нешироким улицам
проходил Иван Ползунов.*

Борис Кауров

*... Приезжай, и увидишь воочию,
как у нас на Алтае живут.
Всё здесь есть. Только реки молочные,
к сожаленью, пока не текут.*

*Но идём мы к заветному берегу
по дороге своей столбовой.
Мы не только соседей - Америку
вызываем на спор трудовой.*

*Мы имеем задание точное.
Вдаль зовёт героический труд.
Будет время - и реки молочные
пообильней Оби потекут.*

*Приезжай, и любую профессию
по душе для себя выбирай.
Будем вместе работать и песнею
славить наш хлебосольный Алтай!*

Владимир Коржов

*По нашей улице щербатой
Стучали утром костыли.
Отец прошел войну солдатом
До вражьей выжженной земли.
Мечтал до грозного Берлина
Отец с победою дойти...
Противотанковая мина
Подстерегла его в пути.
Сорок четвертый год. В июле
Встал госпитальный эшелон
В тылу глубококом - Барнауле.
Я в этом городе рожден.
Мне пятьдесят. Я благодарен
За то, что не видал войны.
Портрет отцовский мной поставлен
На книжной полке у стены.*

Валентина Полякова**ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ**

*Люблю тебя, мой город милый,
Твои проспекты, переулки,
И парки, и Оби разливы,
И даже улиц гомон гулкий.*

*Ты с каждым годом все моложе,
И хорошеешь, расцветая,
Свои достоинства ты множишь,
Столица хлебного Алтая!*

*Люблю и тихие проулки,
В них словно старина уснула,
Туда в свободные минутки
Иду - к истокам Барнаула.*

*Люблю тебя, мой город славный!
Люблю и праздники, и в будни!
Пусть ты в судьбе моей не главный,
Но в моем сердце - самый чудный!*

Надежда Балакирева

МАЛЬВЫ

*По мосткам перейду Пивоварку -
На Червонную мысли влекут.
Эта улочка держит марку -
Мальвы красные здесь цветут.*

*Длинноногие, как балерины
В красных пачках, у дома горят.
И, лелея клубники куртины,
Ходит женщина между гряд.*

*Ей на миг позавидую остро,
Затоскую о справном житье,
Чтоб мой дом, как ухоженный остров,
Так же плыл бы в мирской суете.*

*Может статься, и нет счастья в доме
За узорной резьбою крылец.
Но как пахнет на свежем изломе
В загорелой руке огурец;*

*Как сверкают намывные окна,
И томится в плодах огород,
И березы развившийся локон
Осеньет скамью у ворот...*

Алексей Власов

ДОРОГА В РИМ

*...И у меня была дорога в Рим.
Ну, может быть, в российскую столицу.
И горизонт мой был необозрим...
Императрицы снились мне, царицы.*

*Все чудеса, которые давно
Пленили граждан мира и сограждан,
Мне рассмотреть хотелось не в кино,
А наяву. По крайней мере - дважды.*

*Но время шло. Стал горизонт мой зрим.
Со всех дорог как будто ветром сдуло
Мои столицы... А заветный Рим
Зовется, как известно, Барнаулом.*

Юлия Нифонтова

*Почему называют столицей мира
Не веселый Париж, не горячий Стамбул,
Не монгольскую степь,
не вершины Памира,*

*Не какой-нибудь сити - тебя, Барнаул?
Ты похож на большого красивого зверя,
Что устал от забот хлопотливого дня.
Я так свято в родное пристанище верю -
Не предашь, не отвергнешь,
не бросишь меня.*

*Перекинув мосты, словно сильные руки,
Засыпает мой город - добряк, исполин.
В твоё сердце амуры нацелили луки...
Назначай нам скорее свиданья свои!*

Алексей Машевский

*Гречишные поля, а дальше, в Барнауле -
Ни облачка, но дождь с лазоревых небес...
Здесь все мои дела, все мысли потонули
В скольжении минут,
свой потерявших вес.*

*Когда ты далеко, так далеко от дома,
За тысячи км, пролистанных, спеша,
Жизнь, кажется, опять едва
тебе знакома,*

*Как женщина в окне второго этажа.
И золушка-душа в дороге отдохнула,
И новых тайных слов ты ждешь,
и новых лиц,
Пусть не иных миров, а только Барнаула,
Нежданно и легко раздвинутых границ.
Санкт-Петербург*

Наталья Николенкова

*Пойдём гулять по Осипенко,
По Пивоварке, по солярке!
Как незаметно, постепенно
Любовь меняет аватарки!*

*Как оболстительно смеётся,
Как беззастенчиво блефует!
Я знаю, пятна есть на Солнце.
Я на Земле перезимую.*

*Ты где-то рядом, чую носом,
Тебя по запаху узнаю.
«Пошив мешков для пылесосов» -
Какая вывеска смешная.*

Евгений Банников

*В моем изгнании бесконечном
Я видел все, чем мир дивит:
От башни Эйфеля до вечных
Легендо-звонных пирамид!..
И вот «на ты» я с целым миром!
Прослушав снова мира гул,
Пишу расплавленным ампиром
На диске солнца: «Барнаул»...*

Елена Ожич

*Эти места помнят тебя малышом.
Привет, говорят, какой ты
теперь большой.*

*Помнишь нас, стариков,
улыбаются, вот хорошо.*

*Кто это к нам сегодня с тобой пришел?
Расскажи ему, просит зеленый парк,
Был я когда-то аптекарский огород,
Там есть мостик, и речка под ним течет,
А вон тир, стрелять еще помнишь как?
В конусы сироп заливали пахучий, свежий,
По понедельникам стригли мне заросли.
Танцплощадка, смотри,*

*и машинки те же,
А вот чертовое колесо, извини, снесли.*

*Расскажи ему и про нас,
обязательно расскажи,
Просят в библиотеке пыльные стеллажи,
Как ты до верхних полок*

*не доставал рукой,
Прыгал еще, маленький был такой.*

*Ты нам книжку, кстати,
тогда не вернул одну -*

*Как Стенька Разин в Волге
топил княжну.*

*Мы не хотели ее выдавать -
рано тебе еще.*

*Разве ты нас послушал, взял
и в три дня прочел.*

*И про меня, просит на улице Кирова
старый дом.*

*Помнишь прохладный полуподвал с окном?
Там подоконник был низко, у самой земли,
И у тигровых лилий серединки*

в рыжей еще пыли.

*У меня клопы-солдатики
по-прежнему за сараем,*

*К тополю подвешено новое колесо,
Может, пойдём, еще поиграем?*

*Помню, отвечаю. Конечно, я помню все.
Вот вам приятель новый,*

*такой сорванец - ого,
В игры его берите, меня-то теперь чего?*

Владимир Токмаков

*В Барнауле ожидают дожди
и южный ветер -*

*Вот и пришел вечер... Но еще ведь не вечер!
Но и не утро, хотя утром всегда тяжелее...*

*Ладно, бери лиру, пошли гулять по аллее!..
Последние желтые дни,*

*перед белыми мухами;
Будем пить глинтвейн*

и разговаривать с духами!

*Будем читать Бунина
и смотреть советские фильмы,*

*Поставим на место мозги
и прочистим фильтры.*

*Станем приемниками, спутниками
и двигателями вечными,*

*Пунктами назначения,
Станциями конечными...*

Анна Самойлова

*В Москве и в Питере - хандра,
Жизнь утекает со двора.
А в нашем милом Барнауле
Коты стоят на карауле.*

*В Москве и в Питере - тоска,
Снег серебрится у виска.
А в Барнауле тает снег,
И молодеет человек.*

*В Москве и в Питере - серо
И вместо радости - зеро.
А в Барнауле чище мысли
Среди простых и ясных истин.*

*Чего там Питер и Москва?
Хандра и серость... И тоска!
Нет, не они питают лиру,
А Барнаул - столица мира!*

Александра Малыгина

*Здесь столько неба, что в окно
Оно не может поместиться.
В попытках это описать,
Летает ручка по страницам.
Неспешно, время, как верблюд,
Плывёт в потоках голубого
И всё теряет чёткий смысл.
Здесь неба хватит для любого,
Но всякий раз, по вечерам,
Когда домой бреду устало,
Мне так недостаёт тебя
Под этим синим покрывалом.*

Юлия Воловикова

*Спускается с небес крылатый дождь,
Летая и качаясь над землею;
Травы касаясь пепельно-зеленой,
Следы смывает пепельных калош.
Укромный город, напиваясь влагой,
Дороги выгибает буквой «О»,
Малаховское круглое кольцо
Дождю мигает восхищенным знаком.
Бросайте зонт, пока еще сухие
Распущенные локоны волос!
Придется намочить - так не от слез! -
Случится жить -
так не в сухой пустыне! -
А в городе среди косых полос.*

Константин Гришин

*Красноармейский проспект.
Мы, торопясь,
Пересекаем рельсы.
Всегда бесила
Перспектива упасть,
Безобидно бранясь.
Закуриваешь сигарету,
Зная, как ты красива.
Глядя на жилмассив ищешь одно окно
Где за шторой хозяин, любитель плова
Будет нас развлекать
Черно-белым кино,
Думая, что любовь невыразима словом.*

Одна из историй нашего города повествует о жизни в Барнауле, пусть и непродолжительное время, аргентинского художника Итало Грасси. Так что не только сибирские «метелицы» покоряют далекую Аргентину (речь идет о барнаульской поэтессе Виолетте Метелице), но и настоящий аргентинец однажды побывал у нас в гостях. Констатируем ситуацию «диалога культур». Причудливая история пребывания этого художника именно в нашем городе, выпавшая на закат перестроечного времени, не прояснена и не понятна.

МУРАЛИСТ В БАРНАУЛЕ Год Аргентины в России

Дмитрий Золотарев

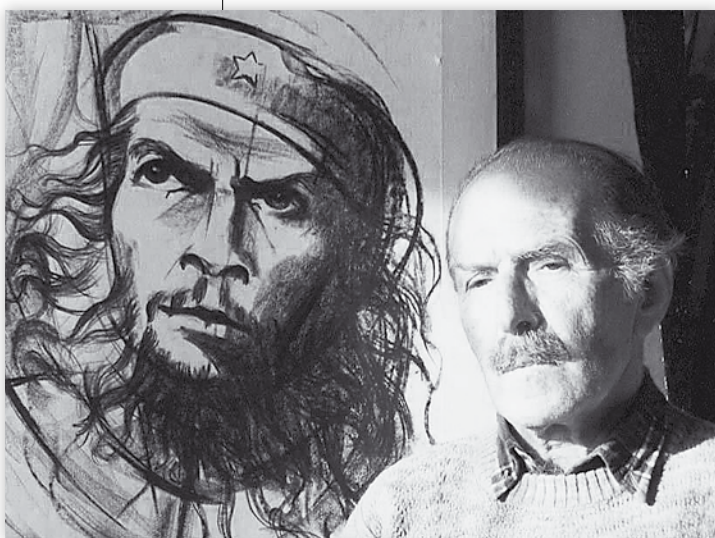
Итало Грасси (1914) - аргентинский живописец, график, монументалист, принадлежал к старшему поколению творческих людей Латинской Америки в статусе «живого классика». Он работал и в станковом искусстве (нейзажист, портретист, «композитор»), но широкое признание получил как основоположник национальных муралов (монументальных росписей).

Летом 1991 года весь Выставочный зал Союза художников был заполнен его работами. К выставке даже напечатали небольшой каталожик.

Столь экзотичная персональная выставка, конечно, не могла не вызвать ожидаемого любопытства. Впрочем, в разговорах о выставочных впечатлениях высказывались разного рода сомнения. Например, начинающему поэту Владимиру Токмакову в работах художника не хватало «авангардизма». Замечание было абсолютно справедливым: Итало Грасси, как и большинство модернистов XX века, «прятался» за спинами признанных авторитетов. Исходным ориентиром в его творчестве служил Пабло Пикассо, что в общем-то было неудивительно. Из собственных наблюдений запомнилось то, что художник покрывал свои модернистские холсты без исключения лаковым слоем.

Итало Грасси провел последнее советское лето в Барнауле, живя на обкомовской даче. Аргентинский «дачник» проявил себя по специальности, оставив памятный след: в одном из учреждений города им была выполнена настенная роспись. В каком она сейчас состоянии и, вообще, сохранилась ли она до наших дней, неизвестно.

Краткое пребывание художника-монументалиста Итало Грасси в Барнауле осталось практически незамеченным. Однако еще одной интересной городской легендой стало больше.

В Выставочном зале Союза художников проходит вернисаж, подготовленный к 285-летию нашего города

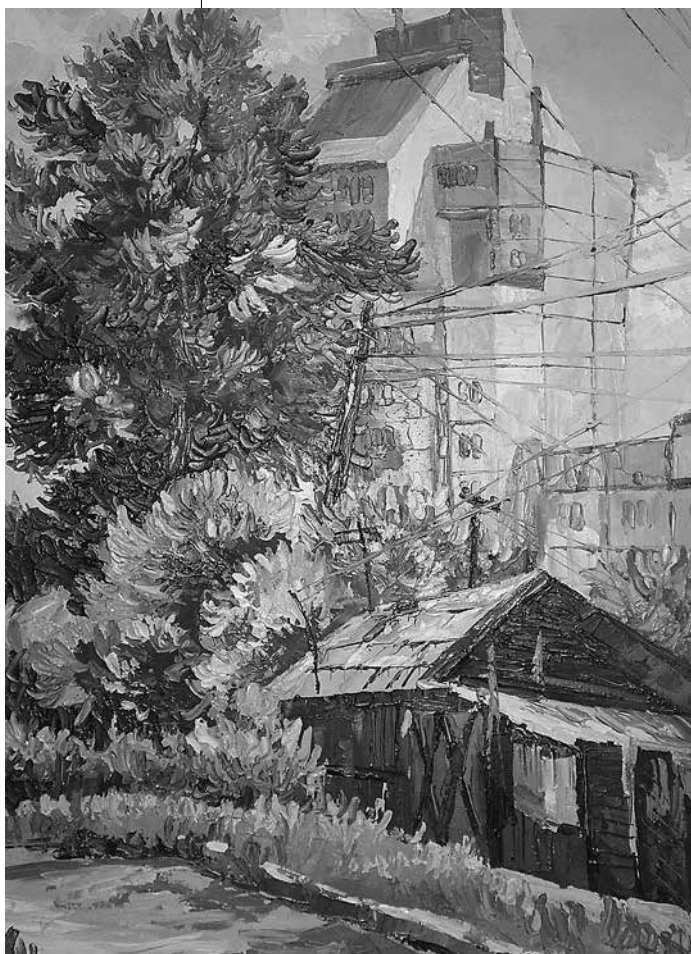
ХУДОЖНИКИ В ГОРОДЕ

Дмитрий Золотарев

Началось все со спора: много или мало городских пейзажей представлено на данном вернисаже? К единому мнению так и не пришли. На наш взгляд, эта экспозиция все же уступает по значимости предшествующим крупным выставкам 1999-го и 2010-го годов, посвященным Барнаулу. Впрочем, никто не будет отрицать, что выставка получилась не только о городе, но и о его жителях (портреты писателей, художников, известных личностей). Немало было на вернисаже работ, не связанных с городским контекстом. Не трудно заметить, что главенствует ретроспективный подбор городских видов, а новых работ совсем немного. Такая ситуация повторяет опыт последних лет, когда на выставках СХ встретить свежий городской пейзаж можно было лишь изредка. Грандиозного прорыва в этом жанре за 5 прошедших лет не произошло. А это еще раз доказывает верность тезиса, что городской пейзаж - это становящийся жанр.

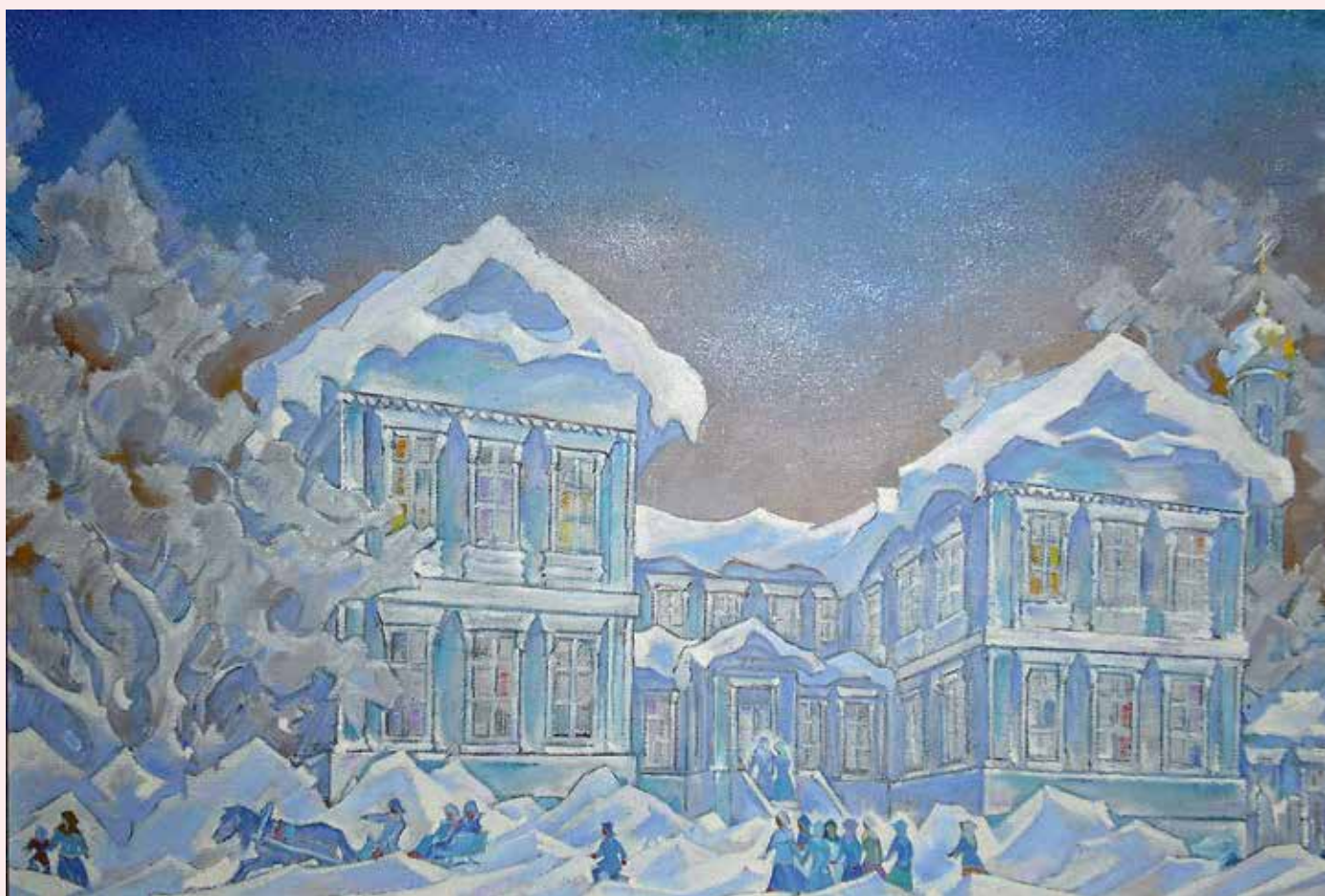
Мы имеем объективную картину развития жанра городского пейзажа. У трех поколений барнаульских художников оказался «свой» город. Наиболее интересными с точки зрения осмысления и раскрытия личного участия оказались работы старшего поколения художников (Алексей Дрилев, Юрий Кабанов, Альфред Фризен, Леопольд Цесюлевич). «Гвоздем» выставки стал романтический пейзаж Леопольда Цесюлевича «Синий дом под синим небом. На улице Ползунова» (2014). В своем возвышенном отношении к природе живописец сотворил чудо: ветхое и малопривлекательное историческое здание превращается в сказочный особняк - ледяной дворец Снежной королевы. Дружно показали барнаульские виды, исполненные в разные годы и преимущественно реалистично, представители среднего поколения художников. Судя по выставке, молодежь жанр городского пейзажа игнорируется.

Из тех немногочисленных работ, созданных в последние годы, особенно выделим пейзажи Эдуарда Добровольского «Улица Папанинцев» (2010) и Ольги Яуровой «Под вечным небом» (2015). Первый городской

*Эдуард
Добровольский.
Улица
Папанинцев,
2010*

вид - типичный образец сосуществования в одной архитектурной среде старых и новых форм наших дней. Эта работа интересна и тем, что отец художника - известный живописец Владимир Добровольский лет так 50 тому назад создал такой же пейзаж со своей оппозицией «старого и нового». Несмотря на то, что оба пейзажа, написаны в разные годы, сближает их ситуация конфликта. А о философской работе Ольги Яуровой, показывающей город на уровне крыш, можно сказать слегка измененной одной строкой барнаульского поэта Дмитрия Мухачева: «Небо уже победило в ее душе...».

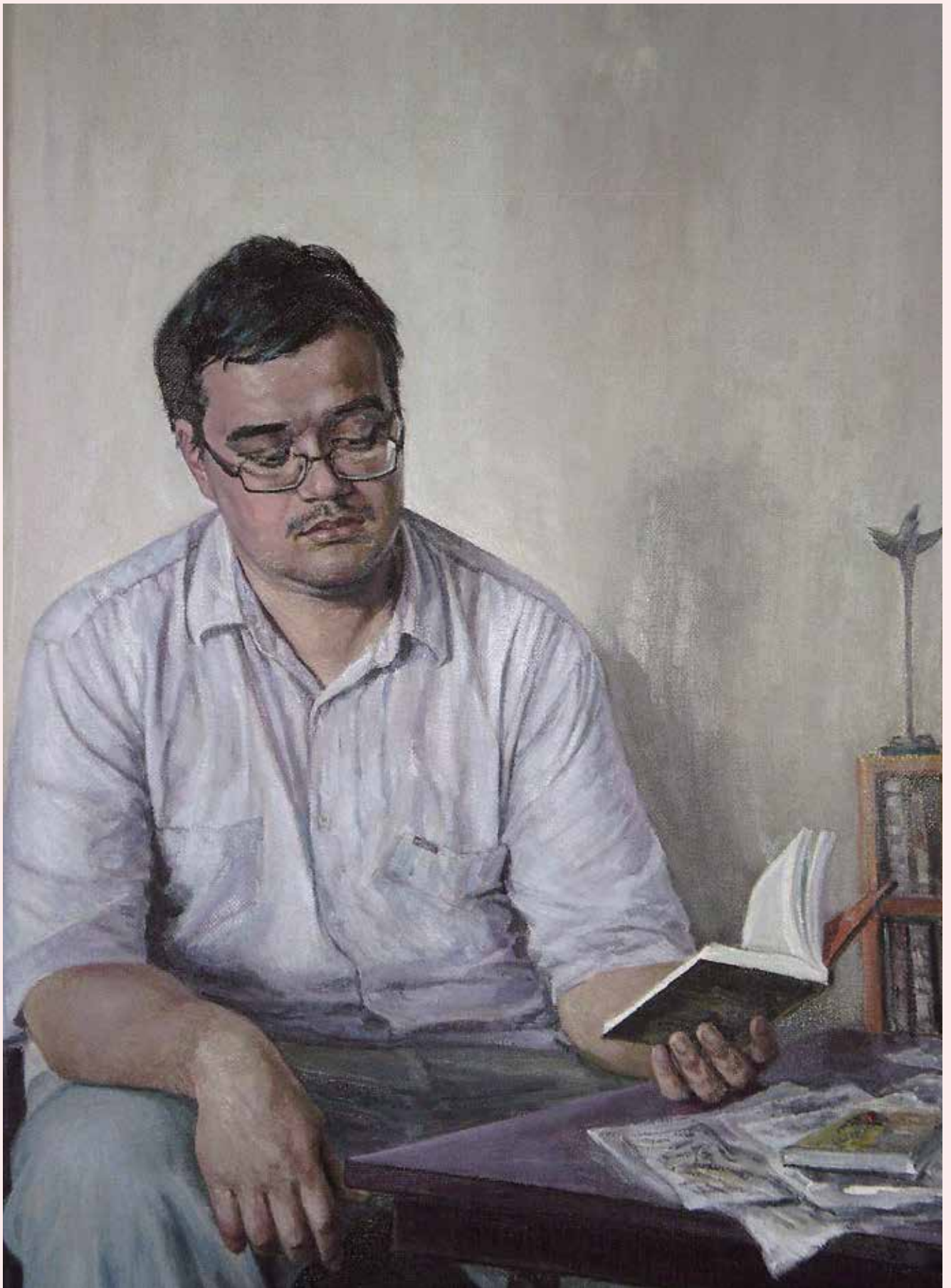
Леопольд Цесюлевич. Синий дом под синим небом.

Ольга Яурова. Под вечным небом. 2015

Артур Кузнецов. Вечер в провинциальном городке. 2015

Иван Мамонтов. Портрет молодого писателя. 2015

Юрий Кабанов. Улица Ползунова. Офорт.

Художник старшего поколения Юрий Кабанов не одно десятилетие активно развивает на Алтае станковую, печатную графику. Творческие поиски привели мастера к выбору сложной, трудоемкой техники офорта. Печатной графике Юрий Кабанов остается верен до сих пор: его новые листы регулярно появляются на многочисленных вернисажах Союза художников. А городская тема стала ведущей в творчестве художника-графика. Личностный интерес к ней со временем не ослаб. Юрий Кабанов, один из немногих городских художников, который может себе позволить организовать персональную выставку, посвященную Барнаулу.

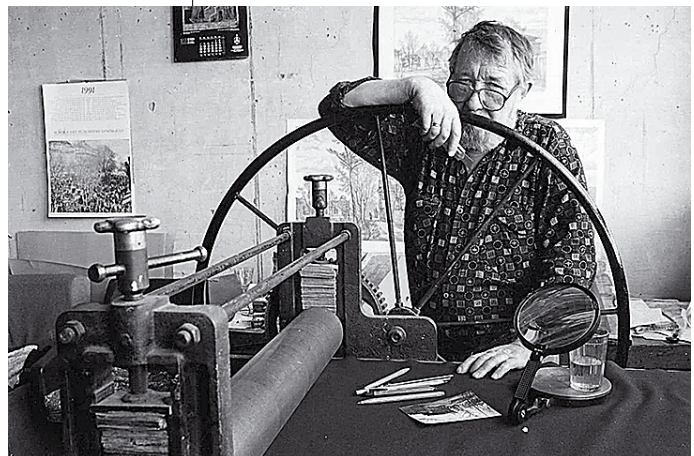
ЮРИЙ КАБАНОВ

Дмитрий Золотарев

Техника офорта пришла к нам, без преувеличения, из глубины веков. Казалось бы, эта апробированная печатная техника никаких поводов для актуальности не дает. Однако цепкий взгляд художника и его умелые руки запечатлели не один образ современного города через классическую технику. Он приглашает и зрителей взглянуть на окружающий мир благородным языком офорта. Погрузиться в непривычную черно-белую реальность, лишённую наносной цветовой шелухи.

Конкретный подход к барнаульской натуре всегда не узок. Городские виды и сцены запечатлеваются в несколько отстраненных от времени рисунках, проработанных до мельчайших деталей и черт. Иногда художник просто нарушает временные границы, совмещая жителей разных эпох в одном историческом месте («Улица Ползунова»). Барнаул - исторический город, поэтому особенно убедительно техника офорта звучит в авторских реконструкциях города XVIII - XIX веков, знаменитых панорамах. Исторически художник Юрий Кабанов настолько достоверен, что возникает иллюзия общения с документом, подлинником тех лет, а не с творчески воссозданным художественным произведением. Реконструированный облик старинного города навел автора на счастливую мысль остановить время, так возникла не менее величественная панорама Барнаула 2005 года.

А ведь городские пейзажи - это не единственное профессиональное пристрастие художника-графика Юрия Кабанова.

Про просьбе «БЛ» наша известная поэтесса Наталья Николенкова побеседовала со своей старой знакомой - поэтом и художником Виолеттой Метелицей. Одна из героинь литературной жизни Барнаула несколько лет живет в Аргентине, но своего города не забывает, переписывается с друзьями, выпускает здесь книги, да и сама при возможности пересекает океан...

Наталья
Николенкова

ВИОЛЕТТА ВНЕ ЛОГИКИ

Отец Виолетты Валерий Андреевич Метелица - почётный гражданин Барнаула, создатель школы самбо на Алтае, тренер и судья международной категории, красавец и защитник нравственного императива. Сестра Оксана давно живёт с семьёй в Кракове. А Виолетта, повторим, живёт в Буэнос-Айресе, куда вместе с дочерью Варей уехала в своё время к возлюбленному, и это отдельная история, достойная настоящего романа.

В этом году Виолетта Метелица приехала в Барнаул. Презентовала свою книгу стихов и рисунков «По изгибам ветров», фотографировала снег, встречалась с друзьями. Повезло и мне провести с ней вечер - со щедрым угощением и беседами обо всём.

ТАКАЯ ФАМИЛИЯ...

- Начнём с очевидного вопроса: гордишься ли ты своей фамилией и почему?

- Да, я горжусь своей фамилией, потому что вижу среди нас таких достаточно ненормальных людей. А нормальность меня пугает. Я и в своём папе это нахожу постоянно, хоть он вроде бы такой...

- Респектабельный мужчина?

- Да. Но я смотрю на него: он совершает какие-то ненормальные поступки. Он - белая ворона, по сути. Не очень угоден для многих людей, хотя очень многие его уважают, держат на него равнение. Но общаться с ним постоянно - это сложно.

Я смотрю на свою сестру. Она тоже вне логики себя ведёт. Да и я сама вся - вне логики. Алехандро мне часто говорил: «Я тебя не понимаю, твоих поступков, как ты себя ведёшь. Но при этом при всём есть какая-то внутренняя сила». Мой муж Ваня говорил, что в нас есть стержень. Я

стала думать, что это во многих сибиряках есть, не только в нашей фамилии. Если взять нашу семью - это такой интересный остров среди океана нашего города или нашей страны - достаточно любопытный остров с какими-то странными деревьями.

- Виолетта, ты всё говоришь «сибиряки, сибиряки»... Расскажи, откуда вы?

- Расскажу. Мы все здесь родились - папа, правда, родился по пути. Бабушка с дедушкой - дед - чех и украинец, бабушка полька когда началась Великая Отечественная война, жили на границе с Германией, их погрузили в какие-то машины, и они поехали на Восток. По пути все вещи разбомбило. Бабушка была беременна папой. Пока она там рожала - потеряла всех детей своих, только тётя Мирра, самая старшая, спаслась. И вот она родила под бомбёжкой папу, мочила в луже тряпочку и давала ему, потому что молока не было от страха, от всего. И папа пил эту водичку из-под шпала.

Потом дедушка, естественно, ушёл на фронт. А бабушка стала искать своих детей. Папа был четвёртым, а потом уже здесь в мирное время родилась тётя Люда, которая сейчас в Польше, пятая. Потом бабушка нашла детей, её приютили какие-то люди, она пыталась работать, а потом вернулся дедушка, нашёл семью, и здесь они обосновались. А мама у меня - из местной деревни, у неё фамилия Минчикова. У нас все корни по линии мамы - здешние, мама моя - сибирячка, так что во мне есть сибирская кровь.

ВЕТИНО ДЕТСТВО

- Хотела бы тебя спросить о каком-нибудь, может, не самом нежном, но таком дет-

ском-детском воспоминании, которое запало в душу.

- Когда мы сюда переехали, мама сушила бельё. И папа обмотал всю квартиру верёвками, были какие-то крючочки... И по всей квартире - этот запах чистых простыней, они были до пола, квартира сразу превращалась в такой маленький театр. Это было так здорово! Это что-то любимое было. Мы с Оксанкой бегали, прятались друг от друга. Это был микромир. Почему-то это воспоминание меня преследует.

- Мы с сестрой тоже проснёмся в воскресенье раньше родителей - и начинаем строить домики из одеял, подушек. А вам родители практически сами создавали эти домики.

- Помню, я болела, сидела на подоконнике, прислонившись горячим лбом к холодному стеклу, и смотрела на улицу. И казалось: ты - такой маленький-маленький, а мир - такой большой-большой. Помню, как Оксанку из роддома забирали.

- Вioлетта, как ты начала писать стихи?

- Я помню, как работала моя голова во время рождения этого стихотворения. По-моему, три года мне было. Это было у бабушки, она жила в частном доме около Пивоварки. Там было так много малины, что казалось: уйдёшь в эти заросли - и заблудишься. Идёшь в лесу малины. Меня часто подбрасывали бабушке, родители были молодые.

Однажды мы с бабушкой - это прабабушка была -прыгали вдвоём на кровати с панцирной сеткой, прыгали-прыгали - и обе вылетели с кровати. Бабушка потом рассказывала: она боялась, что упадёт прямо на меня. Я была маленькая и закатилась прямо под кровать. А бабушка встать не может, потом тётя пришла - помогла ей.

Бабушка с детства называла меня «колюбковой королевой»: я могла уйти на весь день куда-нибудь, а бабушка ждёт меня с кнутом. Однажды у бабушки собрались гости, а я гуляла до умопомрачения. И вдруг прилетела оса, нагло села на мой палец и укусила меня. В пальце осталось жало, палец стал раздуваться. Я бежала под горку и кричала, как паровоз. Вбегаю к гостям. Они все засмеялись, быстро достали жало. И тут меня осенила поэзия.

- Я тоже от обиды первое стихотворение написала.

- Я встала так, сосредоточилась, в возмущении от того, что никто не понял моего горя, руку откинула и сказала: «О, слёзы мои плачущие!» - Они смеются. И я подумала: «Действительно, я выгляжу, как какая-то дурочка», - и вздохнула, опустила руки и закончила: «Я плачу, как свинья».

*Фото
Александра
Волобуева.*

Мне кажется, это определило всю мою поэзию.

СИБИРЯК НА ЮГЕ

- А как сибиряку живется в Южном полушарии: ведь, например, ноябрь - там весна?

- Очень сложно, у меня в голове всё перемешалось. Я, например, никогда не пропускала дни рождения своих близких. А тут помнишь, что день рождения - весной, а тут в это время осень, происходит путаница, особенно с Новым годом. Я там Новый год так и не почувствовала: он - в самый разгар жары. Аргентинцы говорят: Новый год, бассейн, вау, выпиваешь бокал вина... И ёлки ставят искусственные.

В Аргентине я очень мало читала, мало ходила в театр (очень дорого), в галереи. Современной русской литературы там вообще нет, даже в библиотеке Русского дома в Буэнос-Айресе. Из современной прозы появляются только женские детективы. А мне этот жанр неинтересен. Начала читать «Кысь» - не дочитала: у меня и так в жизни сплошной кысь. У меня такие аргентинские страсти-мордасти начались, спичка могла сама зажечься от этого. Да ещё у Вари переходный возраст.

- Стихи-то можно в Интернете найти? Что-нибудь читала из нового?

- Ну, вот эту девочку, которая под Бродского пишет. Меня сначала она очень-очень впечатлила, потом приелась как-то.

- Про Веру Полозкову хорошо написал Прилепин: она пишет прекрасно, но всё время одно и то же стихотворение. Может, стоит написать ещё одно? И тут Прилепин приводит пример стихов Полозковой, а по-

том признаётся, что скомпилировал его из пяти разных.

- Я очень хотела подарить Алехандро книгу Павича на испанском языке. Наташка, я объехала весь город - я не нашла Павича на испанском!

Ещё я читала Макса Фрая. Почему-то он мне всегда поднимает настроение. Это и умный юмор, и символизм, и стёб.

- Я знаю, интеллектуальные девчонки любят из него выписывать всякие умные мысли, афоризмы...

- Потом я стала в Интернете перечитывать Кастанеду. Подумала: я ведь теперь географически ближе к Кастанеде. Попыталась заново перечитать Борхеса, Кортасара. Я думала: раз я на этой земле - я их ярче как-то пойму. И почти всё, что я начинала читать в Аргентине, - не дочитывала до конца.

Поэзию латиноамериканскую, конечно, я читала. Алехандро мне время от времени говорил: «Ты должна непременно почитать вот этого...» Я, как хорошая ученица, искала и читала. Но в отличие от аргентинской музыки это не произвело на меня никакого впечатления. Я очень-очень много слушала аргентинской музыки. Я начала даже различать фольклор разных провинций. Сидела в наушниках - и слушала, слушала.

Я начала делать усилия, чтобы в этом мире прижиться. На выставки я стала ходить. Театра почти не было. И Алехандро к галереям приучила. Он до этого почти нигде не бывал. Хотя человек он с невероятной харизмой, тонкий.

НУЖНО ВЫСТОЯТЬ!

- Я помню, на вашем совместном с Алехандро концерте в «ЧапLINE» мы с Таней Баймундузовой сидели и плакали... Но вернемся к твоему отцу, так хорошо известному барнаульцам. Чувствуешь ли ты себя «дочерью Анатолия Тарасова»?

- У меня бывают такие моменты. Например, я пошла в садик за Варей, а за мной шёл мужчина. Я два раза поскользнулась, обернулась и сказала ему: «Пожалуйста, будьте аккуратны, здесь очень скользко, Вы можете упасть». Наверное, только это меня и спасло. Он догоняет меня, у него нож в руке, срезает мою сумку (красивый кожаный портфель) и убегает. Моя реакция: как так, я - дочь Валерия Андреича, и меня так просто какой-то мужик ограбил? Никаких других мыслей не было. Я соскакиваю, догоняю мужика, поваливаю его, отбираю портфель, в котором были только ключи от квартиры и паспорт...

Кровь моего отца: нужно победить, нужно выстоять. У него есть такое чувство чести огромное, когда важны не деньги, важно твоё имя, твоё слово. Если ты сказал - ты его держишь. Это спартанское воспи-

тание, которое в крови с детства.

- Спартанское - в прямом и переносном, все помнят школу самбо «Спарта», заветное детище тренера Метелицы... «Сильная кровь», о которой ты неоднократно говорила в интервью - что это значит?

- Мне кажется, что кровь имеет память. Историческую память. Я смотрю на то, как себя ведут аргентинцы. Они - южные ребята, расслабленные сами по себе. Но, вообще, они же не познали войн (была одна войничка, когда они вместе с чилийцами хотели избавиться от испанцев). По сути, у них всего два героя национальных, я их перекрасила уже во всех ракурсах - скульптуры в нашей мастерской.

Вдруг ты понимаешь, что все твои предки - в тебе. Ты помнишь боль своего народа. Я ощущаю себя по крови очень взрослой. Так-то я - вечный ребёнок. Но, понимаешь, Наташа, именно там я поняла, что я взрослее их всех - не как Виолетта, не как личность, а взрослее всей своей сутью.

Мы, русские, очень нелогичны. Друг друга мы понимаем. А остальные нас - нет.

- Поэтому мы и непобедимы: никто не знает, что мы сделаем в следующую минуту.

- Мало того. У меня бывали такие прозрения, когда я явно понимала связь со своими предками. Я видела свою женскую ветвь на несколько поколений назад и на несколько поколений вперёд. Нет времени, его не существует. Я смотрю на тех, кто был до меня, - и вижу, что они совершали одни и те же ошибки. Я вижу, как они на меня смотрят: с надеждой, что ты исправит эту ошибку. Они, когда перестают быть здесь и сейчас, они больше, чем эта маленькая личность. Если я меняюсь - я исправляю всё, что после меня, и всё, что до меня. Если человек меняется - он меняет русло рек всего рода. Даже микроскопические победы отражаются во всех направлениях.

- И тебе это удалось?

- Отчасти, да. Прозрения бывают, когда стресс. Было такое видение: я сижу на вершине, как Будда, такая важная, самая главная. И тут я открываю глаза: вокруг - куча вершин, и каждый Будда.

ВЕСЕЛО - НЕ ГРУСТНО!

- Твой любимый афоризм?

- У меня нет афоризма. Но у меня Варя маленькая часто спрашивала: «Скажи что-нибудь?» И я говорила: «Весело - не грустно!» Это мой лозунг. Когда мне бывало грустно, я подходила к зеркалу, рисовала себе конопушки...

- Хорошая фраза. Когда тебя чьё-нибудь стихотворение берёт за душу? Что тебя це-

пляет - ритм, фонетика, тематика, прости Господи?

- Я и не знаю, что меня цепляет. Как музыка или живопись... Ты вдруг начинаешь это чувствовать - либо низом живота, либо мурашками. Как будто твои антенны на это настроены.

- Как говорила моя сестра, если мурашки бегут - значит, настоящее. И значит, стихотворение на незнакомом языке тоже может подействовать?

- Si, si! Однажды я пошла с Алехандро на его уроки. Он ведь преподаёт поэзию.

- Я думала, он музыку преподаёт...

- No, no. Он музыку не пишет. Он же - поэт. Он пишет иногда стихи на чужую музыку. Он преподаёт поэзию танго. Это специфический жанр, другой ритм. На уроке собрались самые разные люди: какой-то бизнесмен, женщина-хирург... Все сели за стол, стали пить мате, читать стихи, я не понимала ни слова. И Алехандро мне говорит по-русски: «Что ты думаешь?» И я сказала: «Знаешь, мне понравилось вот это стихотворение, это мне показалось мудрым, это - очень таким лиричным, а это - так себе». И оказалось, что я всё-всё угадала, не зная языка, по звукописи. Он был удивлён. Когда ты на волне с человеком, особенно творческим, ты всё понимаешь.

- А какую книжку ты взяла бы с собой на необитаемый остров?

- Хо-хо, я даже не знаю. Когда я ехала в Аргентину, я с собой Макса Фрая взяла, «Чужак». Макс Фрай и Варю спасал не раз.

- Сохранились ли у тебя друзья детства? Как вы сейчас общаетесь?

- У меня есть подруга Ольга Первухина, с которой мы знакомы с самого рождения, наши коляски стояли рядом. Мы общаемся до сих пор. Она живёт в Москве. Первые куклы бумажные - это всё было с ней. Мы с ней очень разные. Мало того, наши родители дружат ещё с политехнического института. И мы обе знаем, что в трудную минуту придём друг другу на помощь. Она сейчас занимается наукой, сваркой взрывом, пишет диссертации, как и её отец.

- А что, Ветушка, может вызвать у тебя слёзы?

- Да всё!

- Это чаще слёзы радости или печали?

- Больше всё-таки печали. Музыка тоже может вызвать слёзы. Чикарелла, когда танцуют аргентинские старики и старушки, - до слёз. Это слёзы не радости и не печали, трогает то, что сохраняются кру-

пицы, передаваемые из поколения в поколение.

- Это в Аргентине. А у нас?

- Было раньше, старые певцы.

- Я вот говорю себе, что не люблю русскую народную музыку. А только слышу «Песнохорок» - и сразу до слёз.

- Я ж тебе говорю, генетическая память. Любишь - не любишь, это находится вне тебя. Понятно, много было слёз от разочарования, от горя, от того, что не знаешь, как жить дальше. Я бежала по улице и рыдала. Но это совсем другие слёзы. Однажды на выставке заплакала перед картиной Врубеля, из того же цикла, что и «Сирень». Меня вообще Врубель очень трогает. Он - это не только изобразительный ряд, но и мистика. Как это делается? Также меня потряс однажды Шагал, на большой выставке в Москве. Его линии - из ряда какой-то невероятной строчки мощной.

- По-твоему, литература, и конкретно поэзия, должна успокаивать - или, напротив, будоражить, возмущать?

- Мне кажется, поэзия должна будить. Не успокаивать. Мы обрастаем чем-то. Она должна задеть тебя за ту струну важную, которая является сутью твоей, правильной, чтобы та струна вибрировала.

- А каждого человека можно так зацепить?

- Думаю, даже невежественный человек внутри понимает, где истина. Внутри он больше, чем снаружи. Я очень люблю людей. Меня хлебом не корми - дай понаблюдать людей.

- И последний, очень каверзный вопрос: столица Аргентины?..

Хуан Леон Пальер.

Караван гуачо с повозками пересекает пампасы, Аргентина.

Виолетта Метелица СТИХИ

* * *

*Как длинен месяц... Время - гладь
Озера... Повисло слово,
Как занавес, как благодать.
И это - рай для птицелова,
Но слову клетки не сыскать.
Не книга это, не тетрадь.
Все это - эхо, тень от слова.
Хотя мы, не имея другого,
И это можем почитать.
Но если, прозревая ввысь,
Касаемся его знаменья
И принимаем очищенье,
Всем существом благодаря,
Вдруг понимаем: все не зря.
И день несет свое значенье,
Как море каплю янтаря.
Спасибо слову, воскресенью
Из уст в уста произошло.
А время - тонкое стекло,
В него смотреть -
И видно Вечность.
Как жить и странствовать светло!*

* * *

*Даго
Мой учитель испанского
Странный,
Безумный,
Шальной,
Он везет меня в ночь
На своем мотоцикле.
Я теряю года,
Прикасая колени к нему.
Он сквозь ветер роняет слова,
И я их не пойму.
Мой учитель испанского
Курит траву и молчит,
И глаза его щурятся,
Хитрой улыбкой светясь.
Мой учитель испанского
Нежно целует меня.
Говорит, что язык - это связь.
Мой учитель испанского
Учит меня говорить
На любом языке
И смеется, закончив урок.*

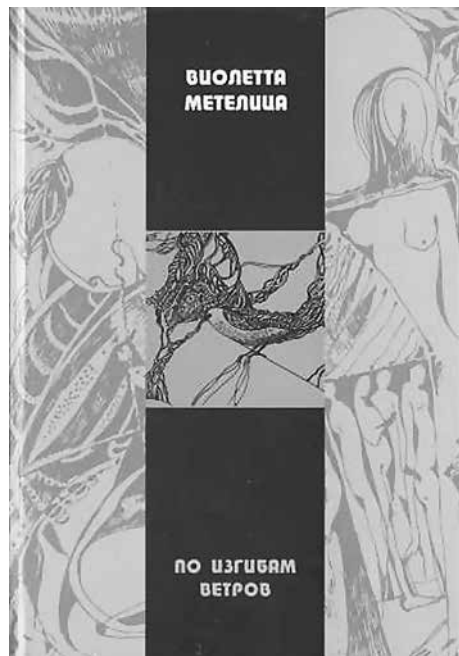
* * *

*Избыток меня повсюду.
Собой переполнив город,
Я чувствую, я забуду...
Твой рот и твой голос.
Когда-нибудь встану утром,
Умою с себя остатки
Твоих поцелуев детских,
Твоих обещаний сладких.
Я смою твои улыбки,
Сотру все твои повадки.
В протяжном изнеможеньи
Забуду свои желанья,*

*Мои по тебе скольженья,
Мои по тебе страданья.
Я стану беспечно чистой...
Как раньше...
Смешной, лучистой.
Я стану...
На ноги встану,
Закрою оконную раму
И рану,
Что так болела,
Разглажу...
Уставшее тело,
Которое больше года
Висело в шкафу
Без дела.
Заполнив собою город.
Я чувствую
К жизни голод.*

* * *

*Пытаясь тебя спасти,
На месте топчусь одним.
Но в окна уже стучит
Своей колотушкой гром.
Пакую свои шаги,
Хочу обмануть уход,
Чтоб дать тебе шанс
- Беги!
Из этих смертельных вод.
Смотри в тишину огня,
Замри,
Не кляни меня!
Пытаясь тебя спасти,
Себе не даю расти.*

ЛЮДИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРШКА

Отрывки из нового романа

Владимир
Токмаков

Я ведь такой же, сорвался я с облака...

Велимир Хлебников.

- Бежать, - пробормотал он, садясь и грызя ногти. - Бежать!

А. П. Чехов. Дуэль

Я гуляю по старым улочкам моего родного города, выхожу на Базарную площадь. Здесь был храм, потом цирк, потом склад, потом опять храм. Круг жизни замкнулся.

Все мы хотим, чтобы нас любили. Если нет - то хотя бы понимали. Одиночество - хорошая штука, если ты решил провести в компании с собой. А если всю жизнь? Я лично не готов.

Моя подруга.

Я знал, я знал, что у меня не будет с ней счастья. Вечный страх её потерять и та деланная, фальшивая, лукавая покорность, с которой она отдавалась, - только подтверждали мои опасения.

Я дошёл до состояния человека, который уничтожает любимую вещь, боясь её потерять, который, одурев от страха смерти, кончает с собой.

Каждое утро, когда она собиралась на работу, я брал её полусонную, вяло сопротивляющуюся моему желанию.

- Я тебя люблю.

- Кто тебе сказал?

- Моё сердце.

- Ты врешь - у тебя нет сердца.

А с чего всё началось? С чего начался тот наш последний с ней разлад?

Да, я, конечно, помню, но не хочу вспоминать.

Мы не виделись с ней несколько дней - так получилось, замотался, забегался на работе и вдруг понял, что она мне давно не звонила и даже не эсэмэсила. Я позвонил сам - её телефон был недоступен. Я по-настоящему заволновался, мало ли чего?

Вечером она перезвонила сама:

- Привет, - ровный, безразличный голос, - у меня всё нормально, была в больнице. Если хочешь - приезжай.

Вечером, купив вина и фруктов, приехал в гости.

Поцеловались, откупорил бутылку, старался быть непринуждённым и спокойным.

- Что тебе сказали в больнице? - спросил очень мягко, с улыбкой, чтобы как-то снять напряжение.

Она молчит, уставясь в окно, за которым идёт дождь.

- Эй, - говорю как можно спокойнее и нежнее, - что тебе сказали в больнице?

- Что у меня никогда не будет детей, - отвечает ровным голосом, - понятно? У меня не может быть детей, ни одного... Из-за этой чёртовой болезни уже слишком поздно, всё уже поздно...

Он всхлипнула, но справилась.

Я смотрю на неё, верчу бокал с вином в руке, растерянно по-дурацки улыбаюсь, не успев сменить лицо и интонацию.

Я понял, что теперь она будет винить во всём меня.

В выходные поехали на природу - я решил, что ей нужно развеяться, и совершил ошибку. Надо было подождать, дать ей и себе привыкнуть к новым обстоятельствам. А я стал надоедливо внимателен и навязчиво суетлив. Её раздражение только росло - я это почувствовал слишком поздно.

- Смотри, какое небо! - сказал я фальшиво восторженно, обнимая её за плечи.

- Это не небо, а дно морское, - сухо, даже не глянув, проворчала она. - Хватит, поехали домой, я устала.

Отчуждение росло - и мы в конце концов расстались.

Теперь думаю, надо было как-то сохранить связь - любой ценой, возможно, я струсил. Смалодушничал, поступил, как конченный эгоист.

Но теперь уже поздно. Других бы ошибок не наделать.

Оказывается, легче всего потерять - приобретая.

В день её похорон светило майское солнце, появилась яркая, свежая, молодая зелень. А её больше не было, и её ребёнка - нашего ребёнка - тоже. Она лежала в гробу не похожая на себя - вся высохшая, жёлтая, как старуха, - даже грим не мог скрыть её увядания. Я стоял с чувством неловкости, всё было как-то не так, и все эти незнакомые мне люди, которые говорили ненужные, дежурные слова. Всё было не так!

Я почему-то вспомнил, как мы однажды летом поехали знакомиться с её родителями к ним на дачу, пили чай с вареньем на веранде - и было ощущение безмятежного счастья, которое не закончится никогда.

А оно закончилось меньше чем через год.

Её образ стоял перед моими глазами - образ, которого больше нет и никогда не будет. Мне всё казалось, что мы только что шли рядом, попрощались до завтра, я тут же оглянулся, а её уже нет - пустынная улица, стылые лужи, и ветер гоняет жёлтые листья.

«Прощай, - шептал я, - до встречи на небесах». Я не забуду тебя.

Никогда.

Я стал забывать её через пару месяцев, через полгода практически ничего не помнил.

Самая длинная дорога к Богу. Самая короткая дорога к себе.

Смотрите! Я перехожу небо вброд.

И небо тонет во мне.

Ясновидцы, пророки, поэты... Племя городских безумцев образца 1990-х годов - где вы теперь? Если и остались в живых, куда вас законопатил жизнь и необходимость выживать, приспособливаться, зарабатывать себе хлеб насущный? Как я по вам скучаю, проклятые, как мечтаю о встречах, пусть уже и невозможных, которые больше никогда не случатся. Разве что где-то там, в параллельных мирах, доспорим, домечтаем, посмеёмся и поплачем? Или там это всё уже не нужно? И неинтересно? Хочу, чтобы было интересно, хочу, чтобы было важно - как важна наша жизнь на земле. Жизнь любого и каждого, прости господи...

Прощай, Господи...

Не заканчивается, не рождается, не пресекается, не длится вечно, не приходит, не уходит...

Вот путь Бога. Почему тогда человечество зашло в такой глубокий тупик?

От рождения до смерти - взмах крыльев бабочки. Запомнить это лёгкое дуновение - и рухнуть в бездну. Навсегда.

Жюль Ренар сказал, что он чувствует, как меняется уровень смерти. Я подумал, что скоро она затопит и моё поколение.

Я давно бросил журналистику, числился директором небольшой фирмы, состоящей из трёх человек, включая меня. Зарабатывал на жизнь рекламой и мелкими полиграфическими услугами: буклеты, листовки, визитки. Именно зарабатывал на жизнь, а большего мне не было нужно - я не хотел более тесных контактов с обществом, государством и его репрессивно-полицейским аппаратом, которые неизбежны, как только ты выходишь на другой уровень доходов и расходов. Однако да, продолжал что-то пописывать, теперь уже грешной прозой. Иногда публиковал очерки и статьи в местных изданиях. Не для денег - ради собственного удовольствия.

Так появилась статья о Бурхании - не пропадать же материалам, которые мне отдал мой дорогой мэтр.

А потом мне позвонили из органов безопасности.

- Нас очень заинтересовала ваша статья, - сказал по телефону вежливый голос, - мы просто хотим побеседовать.

Я тут же перезвонил Мэтру.

- А что ты хотел, - зло усмехнулся он, - все же знают, что в Бурхании есть грязная атомная бомба и они хотят отделиться от России.

- Что?! Что за бред?! - закричал я в трубку.

- Послушай меня, - Мэтр был смертельно спокоен, - вали всё на меня - мол, данные взяты из открытых источников. Ты ничего не знаешь - это обычная архивно-историческая публикация. - Он помолчал и вдруг опять усмехнулся: - Но лучше тебе теперь убраться из города - хотя бы на время.

- Да вы рехнулись?! - я рухнул на стул и уставился на газету с проклятой статьёй, лежащую у меня на столе.

- Не ссы, старик, я познакомлю тебя с людьми, которые тебе помогут. Приходи завтра. - Мэтр отключил сотовый.

Я просидел в прострации довольно долго, пока не наступил вечер.

У меня больше не было времени, а у времени больше не было меня.

Мой студенческий друг страшный резонёр и самоуверенный болван.

- В провинции, - говорит он, валяясь на моём диване перед телевизором, - два пути - либо в офисный планктон, либо в маргиналы. Я выбрал третий путь - то есть в небытие.

Ага, сладкое небытие - за мой счёт.

«...Что за книга скрывается под названием «Тангза» в рассказе А. П. Елдошевой? Сходное по звучанию слово «тамзы» в значении религиозного письма-послания также использовалось бурханистами. Вообще еще задолго до появления бурханистов в логу Теренг многие жители Алтая уходили учиться в буддийские центры соседней Монголии. Среди алтайцев сформировалась даже особая категория умеющих читать книги судурь, т.е. буддийские сутры, а также по этим текстам гадать и предсказывать грядущие события. Этих людей так и называли - судурчы. Образ всеведущего предсказателя судурчы воссоздал в своей поэме известный алтайский поэт и сказитель Н. У. Улагашев (1861 - 1946). Одно из его произведений так и называется «Шиме-судурчы». В собирательном образе Шиме-судурчы воплотились вполне реальные знатоки, читавшие судурь, прославившиеся своими предсказаниями. И таких людей на Алтае было немало...»

«Что же я сделал не так? - опять всю ночь думал я. - Почему жизнь обманула меня, ведь было столько планов и надежд на будущее?»

Почему моё будущее так быстро превратилось в прошлое? И почему меня больше нет в будущем?

Почему планы остались нереализованными, таланты нераскрытыми, задания невыполненными? Ведь всё же у меня было - целеустремлённость, талант, сила воли, работоспособность?

Где и когда я свернул не туда, пролетел на огромной скорости нужный поворот к счастью, успеху и, в конце концов, оказался в тупике?

Как так вышло, что вчера я был ещё молод, а сегодня уже безнадежно стар, уставший и ни на что не способный?

Неужели моя жизнь - это сон какого-то запойного пьяницы, который вот-вот проснётся - и всё исчезнет навсегда?

Почему я сам всё чаще пробуждаюсь по утрам с бешено колотящимся сердцем, не понимая, жив я или умер? Пытаясь с ужасом вспомнить, где я и кто я?

Кто идёт по жизни рядом со мной? Правильный ли я сделал выбор? Ведь другого выбора у меня не будет.

А потом мне позвонили из органов безопасности.

- Нас очень заинтересовала ваша статья, - сказал по телефону вежливый голос, - мы просто хотим побеседовать.

Я тут же перезвонил Мэтру.

- А что ты хотел, - зло усмехнулся он, - все же знают, что в Бурхании есть грязная атомная бомба, и они хотят отделиться от России.

Что со мной, Господи, почему ты так и не подал знак? Хотя какой-то маленький, ничтожный знак, что ты меня слышишь, я тебе небезразличен и ты хочешь мне помочь?

Неужели я настолько потерян, что мне не стоит дать последний шанс?

И куда мне теперь, Господи, куда мне теперь? Вверх или вниз?

Вниз или вверх?

Дай знак - или забери знак, только не молчи!

Как бы сделать так, Господи, чтобы ни о чём никогда не думать, больше ни о чём и никогда - просто жить, как трава, и умирать, как трава?

Ещё одна ночь, ещё один день, и снова бесконечная, бессонная ночь.

Всё как всегда, всё одно и то же - как последние две тысячи лет.

Что не так с этим миром? Что не так с этой страной? Что не так со мной, Господи, что не так?..»

- Все при деле, все пристроились, - качала головой моя бабушка, - один ты болтаешься, как дерьмо без проруби.

- Нытьё уже не актуально, - бубнит с набитым ртом мой студенческий друг, сидя на кухне; он достал из холодильника банку тушёнки и жадно жрёт её содержимое, если тебе не нравится такая жизнь - меняй её. А если не можешь или не хочешь - сиди и не чирикай.

Мой студенческий друг уверяет, что когда-то работал сторожем в морге. Рассказывает, как занимался любовью с мёртвыми женщинами. Не знаю, врёт или нет? Я ему верю - такой негодяй на всё способен.

Он блаженно щурится: эти грязные истории доставляют ему удовольствие. Они подтверждают, что мир - помойка и не он один такой мерзавец. Это даёт ему энергию жить.

Так я и прожил жизнь: много друзей, но ни одного настоящего, много любовных романов, но ни одного искреннего.

- Я прочитал твою статью о Бурхании, - тычет он вилкой в газету, лежащую на столе, - я знаю одного человека, который может показать туда дорогу. Но ты должен взять меня с собой.

- Это исключено. Во-первых, нет, на хрен, никакого Бурханостана. Во-вторых, даже если бы он был, нет туда никакой дороги и нет никаких людей, которые знают, как туда попасть. Это всё миф, легенда, байки туристов, ясно?! - взорвался я.

- Хм, как хочешь. Тогда я пойду туда сам.

«...Помимо широко вводимого в религиозную практику понятия «Бурхан» и признания Бурхана в качестве верховного бога всех последователей бурханизма спланировала вера в приход справедливого правителя - Ойрот-хана, который восстановит былое величие царства ойротов. Все исследователи бурханизма соглашались, что предания об Ойрот-хане занимали особое место в «новой вере». Под этим общим названием фантазия алтайцев разумеет несколько исторических народных героев: и Калдан-Ойрота, и Чунуты (Шуну), и Амыр-Сана...»

Я повернулся на бок и, шурясь спростонья, глянул в окно: осень, опять этот несносный, унылый, как бухгалтерский годовой отчёт, дождь. Серое небо и какая-то беспросветность, думаю, на небесах должны прощать самоубийц, которые кончают с собой в октябре. Это для них - единственное оправдание.

«Посмотри в зеркало, - говорю я себе, - морщины - это тропинки в мир иной. Выбирай любую и не ошибёшься - все они ведут в одно место».

Дождь льёт монотонно, занудно, задвигая серыми занавесками окна и двери. Никто не знает, когда он кончится, но все знают, что конец близок.

В лужах, как в зеркалах, отражался мир, которого больше нет. Я закрываю глаза и больше не могу вспомнить, каким он был, этот мир? Каким был я в этом мире?

Часто я вижу, как Белый Кит плывёт по небу, словно огромное облако. Это мой Моби Дик, смогу ли я его победить?

- Кого, облако?

- Нет, кита, прикинувшегося облаком.

- Только если окажешься на небесах.

- Тогда не буду спешить.

Я думаю, что это путешествие в поисках Бурханостана - мой Моби Дик. И я должен победить своего Белого Кита.

«...По сообщению корреспондента барнаульской газеты «Голос труда» от 18 ноября 1917 года, уже в феврале - марте среди алтайцев Урсульской волости стали циркулировать тамзы (письма) из Монголии, предупреждавшие о скором (10 - 18 мая) появлении Амыр-Сана, который поведет войну и разобьет русских при слиянии рек Бии и Катуня, после чего алтайцы перейдут от России в подданство своего прежнего царя. Приходу Амыр-Сана будет предшествовать появление ламы и 17 кэгеней (проповедников); за ними следом придут 700 собак и, наконец, - 7000 богатырей, для борьбы с русскими».

...Лама был похож на подростка с улицы - загорелый, поджарый, в бейсболке, застиранной оранжевой футболке, рваных шортах и синих китайских шлёпанцах.

- Понимаешь, - сказал я Ламе, - все идут вперед, а ты вроде как остаешься...

- А ты не иди вперед, ты поднимись на высокую гору - и оттуда ты их увидишь, кто откуда дошел... Причём ты их будешь видеть, а они тебя нет!

- Но ведь они все ушли вперед!

- Но кто-то ведь должен остаться, чтобы защищать тылы?

Птицы летают, как мысли Бога. Как их понять?

«...Мамыш говорила, что Земля имеет три слоя, Бурхан живет в верхней земле, человек - в средней, «враг народов» - в нижней. Приводимое трехчленное деление Земли имеет очень древнее, еще дошаманское происхождение и специфических буддийских черт не содержит. А вот дальше, по словам Мамыш, «в средней земле все живут самосевом: деревья растут, люди рождаются... а Бог Бурхан - в верхней земле, там не рождается, не стареет, не убавляется, не прибавляется. Наша молитва туда не дойдет. Жить надо, самим себя беречь... Вот в этом дар Бога... Надо жить хорошо, плохого не делать. Вот это будет и для Бога лучшее...»

Это был странный и нелепый рисунок детской рукой на каком-то клочке бумаги. Но глянув на него, Лама утвердительно кивнул головой:

- Я знаю это место.

...Мы шли всё дальше, жильё закончилось, потом хорошие дороги, потом закончились дороги вообще.

На смену сочной зелени пришли камни и степь с высохшей травой.

Сначала на дорогах перестали появляться дорогие иномарки, потом автомобили вообще. Если и попадались люди - то на конях.

- Вон там видишь? - Лама указывает вдаль.

- Что?

Чёткая гряда выложенных в одну линию чёрных камней, похожих на мрамор, уходит в обе стороны от нас и теряется в пространстве.

- Это граница, разделяющая живых и мёртвых.

- И что, нам-то туда?

Он ничего не говорит и идёт в сторону чёрных камней. Я плетусь следом. А когда мы пересекаем эту чёртову границу, мне становится плохо. Мне становится так плохо, что я думаю, что Лама меня чем-то отравил.

Земля ухаёт из-под ног, я падаю, всё плывёт перед глазами, с меня градом катится холодный пот.

Лама сидит рядом и курит свою дурацкую длинную деревянную трубку.

«Убей убитого, воскреси живого», - было вытатуировано у Ламы на груди на санскрите. И символ - «инь и янь».

«...Когда первый шаман показал свою неограниченную мощь, Бог решил подвергнуть его испытанию; он взял душу молодой девушки и закрыл ее в бутылке. Для надежности, чтобы она не ускользнула, Бог заткнул бутылку пальцем. Шаман вознесся на Небеса, сидя на своем бубне, заметил душу девушки и, чтобы освободить ее, превратился в желтого паука и укусил Бога в лицо; Бог вынул палец, и душа девушки вылетела из бутылки.

Дождь льёт монотонно, занудно, задвигая серыми занавесками окна и двери. Никто не знает, когда он кончится, но все знают, что конец близок.

В лужах, как в зеркалах, отражался мир, которого больше нет. Я закрываю глаза, и больше не могу вспомнить, каким он был, этот мир? Каким был я в этом мире?

Рассвирепевший Бог ограничил его могущество, а после этого заметно ослабли и магические силы других шаманов. Тело этого шамана состояло из массы змей. Бог выслал огонь, чтобы сжечь его, но из пламени вышла жаба; именно от этого животного произошли «демоны», давшие, в свою очередь, якутам выдающихся шаманов и шаманок».

- Я сам шаман, - глаза Ламы полузакрыты, голос тихий, тягучий, монотонный, но я ничто по сравнению с моим дедом. Он жил в те времена, когда шаман мог летать за невестой на Луну, подниматься в воздух по шнуру, вытянутому из собственного тела, он мог принимать любой облик и делаться невидимым. А теперь... теперь это осталось только в «Запретной Книге», которая хранится в Бурхании. Поэтому мы туда и идём.

Мы с Ламой вошли в мёртвый, заброшенный город.

Кто в нём жил раньше? Тюрки? Скифы? Я не знаю. За городскими стенами - дома, улицы, площади, но ни единой живой души. Мёртвая тишина. Даже тишина - мёртвая.

- Здесь живут призраки, - говорит Лама, - им нельзя врать.

- То есть, если они обратятся, я должен рассказать им все свои тайны, да? - с издёвкой спрашиваю я, - а ещё отдать им ключ от квартиры, где деньги лежат?

- Ну, если ты не хочешь, чтобы они взяли тебя с собой...

- Ну а ты сам-то часто врёшь? - спрашиваю я, снимая рюкзак.

- Постоянно, - он серьёзен, - если бы я говорил одну только правду, ты бы уже давно был мёртв.

Я знаю, что Лама - лукавый и хитрый лжец, все его истории, а скорее всего и сама его жизнь - сплошная ложь. Но кто знает, как в этом мире должно быть на самом деле? Если Христос и есть Люцифер, а между ними, как между двух берегов, - река, которая и зовётся жизнь? Все краски мира, все страсти, искания, трагедии и радости - всё здесь, и другого не дано? Моста между Добром и Злом нет, так что выплывай сам.

Я уже начал засыпать, как услышал тихие, но чёткие шаги.

Я подскочил как ошпаренный - Ламы на месте не было.

- Кто здесь? - крикнул я; голос предательски дрожал.

Я слотнул слюну.

- Кто здесь... кто здесь... - пошло гулять эхо.

Шаги приближались. У меня ещё оставалась надежда, что это Лама пошёл погулять по Городу Призраков, но это был не он...

- ...Осторожно! - Лама схватил меня за руку.

Я очнулся и понял, что чуть не сорвался в пропасть. Но ведь я точно видел здесь ровную дорогу, я видел своими глазами!

Или всё-таки не своими?!

Я как во сне шёл на знакомый голос - её голос! Он был то рядом, то удалялся, и я не мог его догнать. А когда догнал - оказался на краю пропасти.

- Это злые горные духи, - сказал Лама, - они заманивают людей, и те срываются в пропасть - я же тебя предупреждал быть осторожным.

Второй день меня мучает страшная изжога. Видно, местная вода ни к чёрту. «Это у тебя желудок дырявый, - говорит Лама и качает головой, - привык к химии и не принимает нормальную, чистую, живую воду».

...И вот я стою на краю пропасти, подо мною провал - не видно дна. Надо мной - хмурое низкое небо. У меня в руках пистолет с одним патроном. Кровь из рассечённой брови заливает глаз, и сильно ноют, видимо, сломанные рёбра.

Как же так получилось, что я оказался здесь, совершенно один, на краю пропасти, окружённый обезумевшими и жаждущими разорвать меня на куски людьми?

Как далеко завели меня дурацкие поиски истины, веры, учения, которые помогли бы мне обрести мир, стать другим, преобразиться, поверить в высшее предназначение любого из нас?

Как так получилось, что поиски света привели меня в беспросветную тьму? А люди, которых я полюбил и считал высшими созданиями, теперь хотят меня убить?

Как так получилось?!

Камни под моей ногой осыпаются и летят в бездну. Я взвёл курок. Искажённые злобой лица всё ближе, кольцо сжимается вокруг меня. Молчаливые лица с тёмными от ненависти глазами.

- Прыгай! - кричит он мне с пеной на губах, - что же ты, ну?! Давай, прыгай, и если твоя вера так сильна, твой Бог подхватит тебя! Или ты сам, как птица, взмоешь в небо?

Он смеётся, они смеются.

- Ну? Прыгай, засранец!

Я вижу, как они достают свои страшные кривые ножи.

Что мне делать?

Я оглядываюсь назад, чтобы понять, как я здесь оказался.

Самое время вспомнить, с чего всё началось.

«...В буддийских священных текстах неоднократно повторяется, что будды не разводят проблемы своими руками, а помогают людям, прежде всего давая им свое Учение, а человек должен сам, используя это Учение, справляться со своими житейскими трудностями. И, в первую очередь, понимая космическую взаимосвязь всех явлений, стараться не делать зла, чтобы от него же, как от летящего бумеранга, в перспективе не пострадать...»

Мир, окружающий меня, преобразился, а затем полностью исчез. Вместо него меня окружал таинственный лес.

- Всё, мы пришли, - сказал Лама, - здесь ты должен будешь победить своего зверя.

- Ты что, спятил? Какого на хрен зверя?!

- У каждого есть свой зверь, и каждый однажды должен его либо победить, либо проиграть.

- А если я проиграю?

- Тогда ты сам станешь зверем.

- А если я не хочу играть в эти дурацкие игры?

- Тут не выбирают.

Лама кивнул и исчез в темноте.

«...Будда в махапаринирване недосыгаем («молитва туда не дойдёт», - говорила Мамыш), а хранителями буддийского учения до прихода следующего будды являются бодхисатвы, прежде всего Авалокитешвара, и своеобразные буддийские апостолы-архаты...»

Солнце еще не поднялось, но в рассеянном сумраке уже чувствовался зарождающийся день.

Мы вышли по холодку, однако уже через пару часов пекло настигло нас. В голубом пронзительном небе не было ни облачка. В самой вышине кружили коршуны. Жара сводила с ума. Камни, как живые, расплзались в пространстве.

Нужно было подниматься высоко в горы, туда, где нечем дышать и ты хватаешь воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Мы шли непроходимым лесом, без дороги, без тропинки - как проводник находил здесь путь, уму непостижимо.

Мы пробирались через болото, два раза чуть не утопили.

Потом через пустыню, где был невероятно красный песок, и такие же полуразрушенные красные скалы, и опять живые,двигающиеся по ночам камни.

И вот мы стоим лицом к горной гряде - там, в небесах теряются вершины.

- Наверху есть пещера, она уходит в глубь горы. Там подземная река, мы поплывем по ней. В одном месте она уходит полностью под землю - мы поплывём под водой.

- А есть другая дорога?

- Для живых - нет.

Он подошёл к большому камню.

- Помоги.

И упёрся в него руками.

Я присоединился к нему. Мы пыхтели и кряхтели, но камень сдвинули. Под ним открылся лаз диаметром в полметра.

- Нам туда, - кивнул Лама.

Я вздохнул. Лама первым ловко, как ящерица, скользнул в расщелину. Следом кое-как, разрывая и так превратившуюся в лохмотья одежду, протиснулся и я.

Лаз сначала был таким узким, что я сильно ободрал спину и руки. Но потом расширился, и мы поползли на карачках, а затем встали и в полный рост, правда, всё равно пригибая голову.

**Я знаю, что
Лама - лукавый
и хитрый лжец,
все его истории,
а скорее всего
и сама его
жизнь - сплошная
ложь. Но кто знает,
как в этом мире
должно быть
на самом деле?
Если Христос и
есть Люцифер,
а между ними,
как между двух
берегов, - река,
которая и зовётся
жизнь?**

- Осторожно, здесь попадаются ядовитые белые змеи, - сказал Лама.

- Как это белые?

- Альбиносы, без солнечного света они стали прозрачными, внутренности видны и слепые. Но ядовитые. Это здесь родилась легенда о Пернатом Змее. А он не пернатый - он просто белый, - Лама спокоен как никогда. А мне хочется бежать отсюда куда подальше.

Мы сели на камень передохнуть. Здесь было прохладно, но пот струился с меня ручьями.

- Они говорят, что Белый Бурхан - сын Иисуса Христа. - Лама смотрит куда-то вдаль каменного коридора, туда, куда нам предстоит идти дальше.

- В смысле? - рассмеялся я.

- Якобы церковники скрыли это...

- Гм, у Иисуса Христа был сын?

- Об этом есть много свидетельств. Тогда он тайно пришёл сюда, в горы - и остался здесь навсегда. Теперь он вновь вышел к людям - его снова видят в аилах. Как и Чета Чепланова с его дочерью - говорят, они нисколько не постарели и не изменились за прошедшие сто с лишним лет.

Лама говорил тихо, но я его слышал:

- Им дают выпить напиток бессмертия. Выпив, они теряют сознание, их уносят в пещеру духов. Там, очнувшись, они не помнят ни своей прошлой жизни, ни даже имени. Они умерли - и возродились вновь. Им дают другое имя - и теперь у них другая жизнь. Их нельзя тревожить, они - другие.

Я прямо посмотрел ему в глаза:

- Я тоже хочу стать другим.

Лама медлил.

- Это непросто.

- Я хочу, чтобы было непросто.

- Ты, твоё нынешнее «Я» перестанет существовать.

- Я готов.

- Обратной дороги нет.

- У меня её давно не было - я стою на краю пропасти.

Лама кивнул, встал и пошёл дальше. Я отправился за ним.

«Н. Рерих воспел бурханизм и связал его с буддизмом. Он утверждал, что «Белый Бурхан - это одно из имён Будды Грядущего-Майтрейи»: «Алтай-страна благословенного Ойрота, народного героя этого уединённого племени... Чудо свершилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали... В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам Благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и приедет сам Бурхан скоро. Дал Благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на Земле новое счастливое время... Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жёсткому преследованию властей. Но наставления Благословенного не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растёт вера в Белого Бурхана. В 1926 году во время своей центрально-азиатской экспедиции Николай Рерих провёл в Усть-Коксе две недели, и нынче здесь построен музей, куда съезжаются искатели Шамбалы...»

Лама бесстрастно смотрел на меня, как я задыхался.

Мы были в пещере, через которую якобы ведёт тайный ход в Долину.

Я почувствовал себя плохо и рухнул на землю.

Я хотел было что-то сказать, но потерял сознание.

- Это и есть тайный ход в новый мир, - сказал, наклонившись надо мной, Лама.

Он резко выпрямился и, не оглядываясь, пошёл туда, откуда мы пришли. Его силуэт становился мутным, расплывался и дрожал. Я хотел что-то крикнуть ему, но у меня вышел только стон и хрип.

Я задыхался и умирал.

Умирал по-настоящему - в страшных мучениях, испытывая сильнейшую боль. Такую боль, наверное, испытывают только в двух случаях - умирая и рождаясь на свет.

- Запомни! Когда смотришь в правый глаз Бурхана - видишь космос, когда смотришь в левый глаз Бурхана - видишь вселенную, когда в оба глаза - видишь Бога! И когда увидишь его - не закрывай глаза, а то ослепнешь.

«...В конце 80-х - начале 90-х годов рерихианцы заполнили Алтай. То тут, то там можно было встретить стоящих на голове мужчин и босых женщин с отрешённым взглядом. Рериховские общества объезжали десятки алтайских селений с передвижной картинной галереей, состоящей из репродукций картин Н. Рериха, проводили круглые столы, распространяли книги всех членов «Великой Семьи», как они называют Рерихов, из которых алтайцы узнавали, что «Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда», что «буддизм - самая научная религия». Кроме того, они популяризируют идею о том, что алтайский художник Григорий Гуркин, учившийся в той же художественной академии, что и Рерих, принадлежит к плеяде махатм и в своём «мистическом» творчестве является предтечей Николая Рериха».

Я очнулся на полу пещеры. Очнулся от того, что начал дышать, - и закричал от боли, мой лёгкие разрывались на части, голова была готова взорваться. Сначала я думал, что ослеп, но постепенно привык к окружающему меня полумраку.

Кое-как сел на зад и огляделся. Я был один - вокруг мёртвая тишина. В какую сторону идти дальше?

Лама бросил меня - и я потерялся.

Теперь я уже хотел вернуться и покончить с этой дурацкой затеей. Но в какой стороне был выход?

Этого я больше не знал.

Пошатываясь, я приподнялся и пошёл наугад, опираясь на стену пещерного коридора - авось повезёт.

Я не знаю, сколько я так двигался в полной тьме: час, день, месяц, год. Мне показалось - вечность.

И лишь когда смертельно уставший, измученный голодом и жаждой, я полностью потерял всякую надежду выбраться отсюда и рухнул на холодный каменный пол, различил вдалеке чуть заметный, мерцающий свет...

Фарида
Габдраупова

ВХОЖДЕНИЕ В ОСЕНЬ

* * *

*Тара-тара - тараторить,
Тара-тара - тарантас.
На пути своём историй
Много сочиню для вас.*

*Тара-тара из татаров,
Тара-тара - бубенец.
Упаковка для товара -
Короб судеб и сердец.*

*Тара-тара плещет даром -
Тара-тара для игры.
Сколь жива, не буду старой -
До последней до поры.*

*Ветер ветки обломает,
Станет Тарою - другая!*

* * *

*нам досталось на дне кувшина -
самая сладость.
еду поездом, еду машиной -
здравствуй, радость!*

*мне объятье твое - милость,
рассыпаюсь...
все, что грезилось
снилось - сбылось -
как слепая,*

*где иду - не знаю,
тебя обнимаю...*

* * *

*Не рассказать её словами,
не взглянуть её глазами,
не захватить её руками,
не подарить её дарами...*

*не успокоить в поцелуях
и не утешить в милованьях,
не исчерпать в прикосновениях -
мою любовь к тебе!..*

* * *

*Моё дыханье через раз,
Мигают зайчики из глаз -
Бегут по венам.*

*Всё заблужденье, тьма и ложь,
Но он так жарок и хорош
Весенней пеной!*

*Приемлю солнечную блажь!
Осенний праздничный кураж
Вся по колена*

В пожухлых листьях, уже опавших...

* * *

С.П.

*Даже если он не читал Гюго
И романа «Чума» Альбера Камю,
В лепестках души хватает всего -
Совершенства, не видного никому.
И такая крепкая русская кость,
И такие женственные черты!
Умный взгляд, пронизывающий насквозь,
Серо-синий, как на ликах святых.*

*В этом хищном хаосе бытия
Нужен кто-то, кто будет и добр, и свят,
Чтоб уставшая, старая наша Земля
Сохранила небесный взгляд!*

* * *

*когда б вы знали, юноша, как больно
вхождение в осень, как в театр смерти,
как страшно видеть черные уголья,
которые разносит время-ветер.*

*шелка и бархат листьевеv растрепало,
как плоть мою, но сердце, словно солнце -
ещё сияет щедро и устало
и всюду бродит, и упрямо бьётся!*

* * *

*как соблазнительно сияет,
пульсирует, рыжеет светом
квадрат оранжевый на фото!
как будто бабочки летают
и даром раздают билеты
на жизнь!..
исчезло!.. завтра на работу
мне в том числе! мечтанье - прочь!
холодной жабой дождь и ночь
тоской заполнили меня,
мне не погреться у огня,
мне не напиться рыжей лавы,
не разбудить уже вулкана,
сижу, бедняжка, у канавы
своей судьбы...*

*потому что река бежит,
и не остановить воду.
потому что желаю жить,
по спиралям орбит кружить,
соты дней наполняя мёдом.*

*потому что не в радость мне
бесконечность миров и звёзды.
потому что только в огне
и в твоём высоком окне
птицы счастья завил гнёзда.*

РОМАНС

*Мне нравится этот мужчина,
Хотя ему за пятьдесят.
Во-первых, за то, что сохранил он
Такой зачарованный взгляд.*

*Мне нравится этот мужчина,
Он так элегантно одет.
А во-вторых, он, возможно,
Уже чей-нибудь дед.*

*Мне нравится этот мужчина,
Он мне абсолютно к душе!
Но я промолчу, потому что, в-третьих,
Я бабушка тоже уже!..*

*Тем, кто знал тебя юношей светлым,
я завидую завистью тёмной.
рот набухший бутон, в голове ветер
и волос воронье волны!*

*Кто лицо подставлял водопаду
переполненных глаз стихотворца -
сок деревьев, весенняя сладость,
два живых обжигających солнца!*

*Кто делил с тобой дом и палатку,
у костра ночного танцуя,
кто разглаживал нежную складку
губ, открытых для поцелуев.*

*Но я вырвала из многолюдья
образ твой и - остолбенела!..
и твоей красоте мудрой
я завидую завистью белой!*

ПЕСНЯ

*Я был в садах Семирамиды,
Счастливым узник Вавилона,
Среди кустов цветущих видел -
В шелка разубранное лоно,
Украшено тончайшим пухом,
Развернутыми лепестками.
Я слухом, зрением и нюхом
Внимал, как небеса сверкали,
Когда она меня любила
С немислимым великолепьем,
С весенним выхлестом и пылом!
И я боялся, что ослепну
От красоты её высокой,
Когда она метала стрелы -
Когда она горячим оком
Сквозь волосы свои смотрела...*

Фото
Александра
Волбуева.

ЛОТОС

*Это лотос расцвёл, это Брахма сидел,
И игралась в воде Сарасвати.
Это лотос расцвёл, это воздух кипел
Бело-кипельным божьим платьем.*

*Приземлённая, я - стою не у дел,
Понимая, что мне не хватит
Горстки будущего, перламутровых стрел,
Чтоб тебе подарить - истратить...*

*Это лотос расцвёл, безнадёжен и бел,
Неожиданный и некстати.
Это лотос расцвёл, когда захотел,
Раздвигая подол Сарасвати...*

ШАМАН

*У меня за окном такой буран,
Словно на скалы летит океан,
Словно разбился на сотни частиц -
Белых, лохматых и острых птиц.
Словно твоя запоздалая страсть
Бьётся о стёкла, стараясь упасть.
Словно с ума сошедший шаман
Вырос до неба и небом пьян.
Было нам так горячо чересчур
От запредельности наших чувств -
В узел связалось - могу и хочу.
Ветер срывает защиту окон,
Белый, крылатый, душевный дракон!
Падаю в космос, в сон, в океан,
Помнить тебя, мой летящий шаман!*

ВОКЗАЛ

*Мимо иду, прячу глаза.
Ехать к тебе далеко - и нельзя!
Только мечта моя плещет, как рыба,
И закрывает собою небо!*

*Чтобы у нас с тобой срослось,
Стану я девушкою-лосось,
Облаком, розовым, как горбуша,
В путь по реке выпускаю душу.*

* * *

Ты спишь, моя радость,
В подушку уткнувши нос.
Тебе посылаю
Я стаю
Смешных стрекоз.
Пуškai полетают
И крыльями пошебуршат?
Стрекочут, лопочут
Касаются и смешат...

В загадочных сферах
Их водянистых глаз
Немыслимо вверх
Увидишь открытый лаз.
Там в мягких берёзах
Округлый есть водоём.
Мы тоже стрекозы —
И солнечно нам вдвоём!

* * *

Я глотатель огня, с упоением
Я глотаю твои желания!
Жизни солнечное горенье
И глаза твои серые, ланьи.

Нас поймает небесный невод,
Будем дымом, стихами, снами...
Но сегодня я — королева,
Я рождаю твоё пламя!

* * *

Внутри твоих глаз - рай!
Хочу отразиться в них,
но я не могу в прайд,
я правил совсем других.

внутри твоих глаз - лес!
хочу заблудиться в нём,
но ты отшельник и лев,
вулкан со слепым огнём.

внутри твоих глаз - мёд!
хочу от души хлебнуть,
но чувствую - разорвёт
меня звериная суть.

* * *

Платье купила «два икса-эль»
И словно дверь сорвала с петель.
«Всё! — подумала. - Хватит петь,
Буду толстеть и стареть...»

Но тут увидела я его,
Героя стройного своего.
Заворожённая вся глядела
И ничегошеньки не ела.

Платье большое сдала в утиль,
Аве, любовь и девичий стиль!
Лишь поцелуй на ужин ем
И берегу свой размерчик «эм»!

* * *

Любовь — замечательная закваска,
Такая густая кипучая краска,

Такие возжжи, такие дрожжи
Для дел полезных, для дел хороших!
На этой опаре, на этой паре
В котле небесном мир дольний сварен.
На этом пару, на этом моторе
Проторю любые горы!

ОТВЕТ НАТУРАЛИСТУ

Я в сокрушении!..
На мне полосок нет,
Но я могу на случай самый крайний
Все волосы бабахнуть в рыжий цвет
Или содрать рекламный щит «Билайна»!

* * *

Я так сладко тебя предвкушаю,
что вкушать уже нет смысла.
сердце вырвалось и повисло,
замирает и тает!..

* * *

Сердце скрутилось в тонкие провода
на тысячи километров.
словно ночная звезда
свет свой несёт с попутным ветром.
И вот идёт на восток
(Сколько же там его, этого сердца!)
мой электрический ток,
чтоб и самой от него согреться.

Чтобы ожить и воскреснуть,
чтоб пролететь разноцветной песней!

* * *

я завидую тем красивым местам,
которые могли тебя видеть!
каждой сломанной ветке, упавшей в твою
ноги и хрустнувшей от шагов.
хотела бы я - быть птицей, лесной певуньей,
чтобы ты приходил моих песен послушать,
не вызывая ревности земных женщин.

...и всё моё тело - сплошное тёплое сердце,
сквозь оперенье стучащее.

и все мои песни - кружево жизни
и жертвенной жалости,
жрица гармонии - я воспевая любовь!

СОЛОВЕЙ

Его я встретила в толпе людей.
Цвёл нежный май, берёзово-еловый.
Ещё лица не видя, «соловей!..» -
Услышала и шла за этим словом.

Потом он обернулся, показав
Свой профиль длинноносый и суровый,
Потом ловила жадно я глаза -
Два серых соловья, два слова -

Летящих в оперении бровей
Ресниц и мыслей, в радуге фантазий.
Мы с вами общей крови, Соловей!
Мой сон весенний, мой высокий праздник!

ПОЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ

Павел
Пономарёв

В пятницу утром Иванов проснулся в своей постели, обвел голубыми глазами четыре угла небольшой комнаты и потянулся. Иванов не стал завтракать, так как завтракать было нечего, взял паспорт и вышел на улицу.

В природе светило солнце, шумели голоса и гудели машины.

Иванов зашел в ближайший банк, оформил кредит на пятьдесят тысяч рублей и вышел в мир совершенно другим человеком. Теперь ему дышалось легко, сладко. Чудесным образом выпрямился сколиоз и даже изменилась походка. Иванов зашагал походкой свободного и значимого в обществе человека, походкой потребителя.

Чтобы что-нибудь потреть в наше время, необходимо зайти в какой-нибудь магазин, а лучше — в гипермаркет. И Иванов зашел в гипермаркет. Он стал думать, что бы ему купить. Но, как человек благоразумный, он стал выбирать не какие-нибудь, а полезные вещи.

Иванов купил зонт (так как город был дождливый), шампунь, новый халат, сигареты, несколько рулонов туалетной бумаги, куриный рулет, открывашку... Тут Иванов задумался: а правильно ли он покупает, не нужно ли узнать о новых скидках и акциях, чтобы сэкономить капитал? И он узнает о новых скидках и акциях, чтобы с умом купить не что попало, а только полезные вещи. Иванов покупает новый телефон, жвачку, летние туфли, полуфабрикаты, зубочистки, хлеб... «Нет, - подумал Иванов, - так дело не пойдет. Ведь должна же быть у меня идея... Полезные вещи — это хорошо, но идея... как можно жить без идеи?!» И тут Иванов вспомнил, чего он хотел больше всего — автомобиль! Конечно, купить «баркас» на его сумму было невозможно, но взять напрокат — почему бы и нет. Иванов берет напрокат белую дорогую иномарку и ездит по городу, как жлоб, как жених, как бог на колеснице... Ему удастся подвезти красивую девушку до вокзала и даже поцеловать ее в щечку. В течение трех часов Иванов разъезжает по городу, останавливается на набережной, печально курит длинные сигареты, задумчиво глядит в мутную речную воду...

Однако время заканчивается... Иванов отгоняет машину в автопарк, расплачивается, забирает полезные вещи и идет в свою комнату.

Придя вечером домой, Иванов ставит пакеты в один из углов, ложится на диван и засыпает, как младенец.

На следующее утро соседи по коммуналке обнаружили Иванова мёртвым. Говорят, он умер удачно — во сне.

Сергей
Филатов

ИНТЕРНЕТ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Друзей у него, похоже, не осталось. Совсем. Работы тоже. Только экран монитора ярко светится в кромешной темноте, как окно в тот мир, который все еще открыт для него. Правда, и с этим в последнее время проблемы, пособия по безработице не всегда хватает, чтобы вовремя оплатить за Интернет. Однако пока как-то выкручивается. Берет подработки, набирает какие-то глупые тексты, верстает совсем глупые книжки или рекламу (вообще без всяких эпитетов). Недавно притащили унитаз, а на его фоне – надпись «нужная комната». В слове «нужная» буква «у» перечеркнута и исправлена на «е». Без комментариев, как говорят в таких случаях.

Однако деньги нужны, а спорить с заказчиком – может себе дороже стать. У них там целый отдел рекламу этого унитаза разрабатывал в течение месяца, разработали, а оформить не сумели, вот и притащили «идею».

- В общем, идея ясна! Оригинально, не правда ли!.. Тут так, осталось штришки последние подработать. Ну, шрифт подберешь, картинку подчистишь... Сделаешь?

Он молча кивает головой.

- Завтра зайдите.

И рисует, рисует с каким-то мазохизмом варианты унитазов: вот их уже пять, шесть... десять... Вот они уже съели почти всю свободную память на диске... Все, больше этого не вынести!

Он отключает компьютер и ложится спать. Сегодня воскресенье, сегодня Интернета нет. Интернет будет завтра – в понедельник.

Этот мир, он давно уже перестал существовать для него, как что-то живое. Мир превратился в какой-то машинальный неодоушевленный поток времени: все, что он ни делает в этом мире, он делает автоматически по какой-то упрямой инерции; мир не открывает для него ничего нового, просто приходилось существовать и выживать в нем. Он давно не получал писем, не влюблялся, не радовался, даже с людьми общался только в силу крайней необходимости – по работе либо если нужно было спросить что-то жизненно важное, например: «а этот хлеб у вас в какую цену?». Все остальное происходило как-то само собой: принять необходимое количество пищи, отдохнуть нужное количество времени, заработать на хлеб, на Интернет...

Вообще, в душе он, конечно, художник.

Но кому нужен художник в этом мире чистогана. Здесь все гораздо примитивнее и проще. Есть схема, где тон задают работодатели. Которые имеют деньги и производят в этом мире абсолютно все. Если есть работодатели, значит, им нужна «рабочая сила». Этакая безликая масса. А вглядываться каждому в лицо – себе в убыток. Поэтому есть удобное классическое оправдание – у меня бизнес, «я себе не принадлежу». А все остальное, в том числе и она, эта рабочая сила, или масса, «продается и покупается». Спрос рождает цену, ну и т. д.

Сегодня цена достаточно невелика, поэтому «продаваться» приходится за гроши, почти даром. Но об этом лучше не думать... Выход один – жить иллюзией. То есть в том мире, где еще нужны писатели, артисты, художники... Хотя и само искусство – сегодня

иллюзия, достаточно «дорогая», которую может позволить себе далеко не каждый... А уж создавать ее!.. — это почти то же самое, что производить воздух, которым все дышат, но никто не поймет, если ему скажут: «а платить кто будет?..»

Именно поэтому мир иллюзий — это свое независимое пространство, не имеющее ничего общего с реальностью. Порой, чтобы отрешиться от возникших проблем, полезно уйти в мир иллюзий. Конечно, существует большая опасность, что двери сработают в одну сторону, и тогда ты станешь добычей врачей, предметом их пристального «заботливого» внимания и опеки. Но кто не рискует... Хотя нет, пожалуй, шампанское в данном случае не уместно. Просто порой мы вынуждены рисковать, ибо нет другого выхода, проблем скапливается столько, что за ними не видно тебя, а потерять свое «я» страшно и нелепо, тогда и само существование твое теряет всякий смысл.

Он постепенно засыпает... и снова экран.

Мир снов — это почти то же самое, что Интернет: ты так же просто и свободно перемещаешься в виртуальном пространстве, картины возникают одна за другой, меняются, то восторг, то ужас, то разочарование. А главное, совсем неожиданно. Здесь тоже живешь, а не существуешь, как в том реальном мире. Сравнить сны с телевизором — нелепо и неуместно. В телевизоре все задано и предсказуемо, здесь же...

Допустим, вчера он всю ночь пытался отыскать Ирину. Девушку, с которой он познакомился в Интернете. Она тоже художник-дизайнер. Они переписываются уже порядка двух месяцев, но он до сих пор может только предполагать, как она выглядит. Конечно, красивая, конечно, с роскошными рыжими волосами, конечно, зеленые глаза, умные и добрые, немного с лукавинкой. Она так красиво улыбается... Он отчетливо представлял себе эту улыбку, детскую и одновременно заботливую, немного материнскую, наивную и слегка капризную. Но даже эта капризность казалось ему настолько милой, что он с легкостью просал ее Ирине.

«Сегодня перечитал Блоковскую «Незнакомку». Про тебя писано». — Это он.

«Знаешь, я не очень люблю бывать в ресторанах. И не настолько туманна и загадочна. Скорее, наоборот, скучна и чаще печальна... А ты просто мечтатель и склонен все идеализировать».

Конечно, она лукавила, но он просал ей это невинное жеманство. В конце концов, каждый видит то, что он хочет видеть.

Но сегодня сон «не в душу». Видимо, он просто сильно переработал. Какой-то огромный жуткий унитаз тянется к нему толстыми мясистыми фаянсовыми губами, поцеловать хочет. Вот он все ближе, ближе... И вдруг кто-то невидимый за кадром сдергивает воду... и он с ужасом просыпается. Время — 6 утра. Странно, ему казалось, что проспал он совсем недолго. Что ж, можно и в Интернет попробовать. Может быть, и Ирина уже там. Входит в «аську».

Ему сегодня везет, Ирина действительно уже там.

- Здравствуй.
- Здравствуй.
- Не спишь.
- Работаю.
- Я тоже.
- Надое-ело.
- И мне. Знаешь, у меня сигареты закончились, сейчас пойду, прогуляюсь до круглосуточного.
- Я бы тоже прогулялась...
- А ты где живешь?
- У Детского мира.
- Здорово, и здесь же я рядом. Может, встретимся у киоска рядом с Детским...
- Может...
- Давай!
- Давай.

Едва светает. Слегка прохладно. Ни прохожих, ни машин. Тихое утро. Не туманное, не седое, именно тихое, безмятежное.

Он, чуть ежась, выходит из дома в сторону киоска. Нужно обогнуть угол дома, и сразу за углом остановка и киоск.

Он огибает угол. Вот киоск. Возле него стоит невысокая худенькая девочка в очках. Его соседка. И наивно, по-детски улыбается.

Приглашение на Шукшинские чтения 44-летнего московского прозаика, поэта, публициста Глеба Шульпякова стало хорошим подарком для ценителей современной литературы. Шульпяков - лауреат нескольких литературных премий, о его книгах (прежде всего прозе) говорят (последний по времени роман «Музей имени Данте» вышел в 2013-м, а до этого «Книга Синана», «Фес», «Цунами»). Мы публикуем отрывок из его новой прозы, любезно предоставленный автором для журнала, а также фрагмент беседы Глеба с барнаульским прозаиком и поэтом Владимиром Токмаковым.

Подготовил
Константин
Гришин

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ: «ВРЕМЯ ОСТАВЛЯЕТ НА АВТОРЕ ОТПЕЧАТОК»

- Если мы перечитаем Шукшина, не оглядываясь на хрестоматийный глянец, мы поймем, что он меньше всего вписывался в любые идеологические направления. Он умел находить идеологический поток и становиться поперек него. Такой валун, который лежал поперек течения идейных направлений. Шукшин - человек, который постоянно задавал массу вопросов: «А зачем? А почему? А куда мы идем?» Если деревня умирает, если деревенский житель в городе перерождается и уже не может вернуться назад, то где та самая пресловутая смычка города и деревни? По моему мнению, человек, который знает деревню, знает и некую базовую правду. Поэтому фраза «Нравственность есть правда» настолько же замыслена и обтекаема, насколько и конкретна. Деревенский житель знает, что правда есть. Если ты вскопал огород и посадил, то что-то вырастет. И только от тебя зависит, какой будет урожай. В деревне абсолютные величины есть, там человек живет сообразно природному циклу. Во всем остальном мы вольны сомневаться. Сибирь - это территория надежд, это территория свободы, это русская Америка, куда человек ехал за лучшей долей. И произведения Шукшина тоже результат этой истории, этой свободы, этой воли, которая в характерах людей по-прежнему живет здесь.

- Шукшин, как писатель, кинодраматург, актуален для тебя, можно его читать как живого писателя?

- Прозу Шукшина я сейчас читаю меньше, а вот фильмы пересматриваю всю свою жизнь. Когда «Печки-лавочки» шли по телевизору, мои родители как-то оживлялись, и это не ускользало от меня. Это ободряющий, освежающий, духоподъемный фильм. В нем есть что-то, возвращающее человека к человеку, к базовым вещам, о которых ты не можешь не думать, если пытаешься стать человеком. В фильмах Шукшина это заложено и со временем не устаревает. В прозе он пишет о том, как человек пытается обособить некую свою территорию в атмосфере господствующих взглядов. И делает это любой ценой. Как Алеша Бесконвойный, который пытается отгородить островок свободы в собственной бане, скрыться от идеологического прессинга и от мира.

- Как ты оцениваешь нынешнее состояние поэзии? Тиражи настолько стали маленькие, что книги не доходят до читателей... В магазинах нет современной поэзии, там потолок - Евтушенко и Вознесенский... Что происходит? Может быть, нет современной поэзии?

- Главное сейчас не увязывать поэзию с книгоизданием. Сборники Ахматовой тоже выходили крошечными тиражами.

Пушкинские книги выходили тиражом в 1200 экземпляров. Моя книга стихотворений - 1000. Может быть, это и есть реальный спрос.

- Ты сейчас работаешь над романом «Красная планета»? Можно пару слов об этом?

- По сути, книга пишет себя сама. Я начал ее, когда вокруг все стало стремительно меняться. В ней я описываю свои контакты с русскими, которые осели в Германии, в книге есть мой немецкий дневник. Это вылилось в размышления и о нас, и о немцах. Писал я свои записки в 2014 году, в год 25-летия падения Берлинской стены. Тогда, в 1989-м, немцы наконец освободились от своего многолетнего страха. На примере своих друзей и знакомых я пытался проследить, как распорядилась судьба людьми моего поколения. Это одна из тем книги. В том числе я прослеживаю судьбу тех, кто уехал, задаваясь вопросом: «А не зря ли они уехали?» Этот вопрос мучает любого эмигранта.

Проза для меня, поэта, это лишь новый способ художественного познания. Это разговор со временем, которое меня окружает. Можно подставить себя под его пресс, и время оставит на авторе отпечаток. Времена окукливаются и уходят, эпоха меняется. Раньше на один эпохальный

● **На примере своих друзей и знакомых я пытался проследить, как распорядилась судьба людьми моего поколения. Это одна из тем книги. В том числе я прослеживаю судьбу тех, кто уехал, задаваясь вопросом: «А не зря ли они уехали?» Этот вопрос мучает любого эмигранта.**

роман Домбровского была куча изданной партийно-номенклатурной макулатуры. Эта ситуация сейчас повторяется, поэтому я и пишу романы.

- А сам ты не хочешь уехать? Ты много времени проводишь в Европе...

- Я там дышу, напитываюсь кислородом, культурой, хожу по музеям и галереям. Европа - это большой музей. И никто не мешает проринуть к истокам.

- Нужны ли сейчас публике толстые журналы? Ты сам главный редактор «Новой юности»...

- Никакой роли у них особой нет, кроме музейной. Это литературная традиция 19 века. Тяжелые обстоятельства вынудили нас к гениальным решениям. 6 раз в год «Новая юность» выходит в Интернете, в журнальном зале. Это позволяет опубликовать сразу множество авторов. А в конце года издаем один бумажный том - того, чем не стыдно пачкать бумагу.

САМАЯ КРАСИВАЯ ДЕВУШКА КОХЭМА

Новелла из романа «Красная планета»

Глеб Шульпяков

Она стоит в дверях, и волосы у нее распущены. А за спиной, за домом, за лугом, опоясывая и городок, и дом, и голову, словно забирая их в обруч, течет река.

Привет, персонаж!

Не слышит.

Городок погружается в сумерки, но виноградники на склонах еще освещены солнцем. Одинокое розовое облако над холмами напоминает скомканную салфетку, оно парит. Вы опоздали, наконец отвечает персонаж. Выражаю вам «фи». Да, так она и говорит: «фи», и перекладывает чашку в другую руку. И как только она делает это, в городок окончательно сходит вечер. Белизна домов отслаивается от стен и растворяется в темном воздухе, как молоко. Где ты? Не оставляй меня в этой тьме. Дай внести вещи; мои слова не займут много места. Дай окончить то, что начато. Дай... Не слышит.

Провести несколько дней на Мозеле предложил Леон. Его Зоя дружила с хозяйкой, та была русской голландкой, а отвезти Сашу вызвался Фриш, это было недалеко, два часа по автобану.

Саша плохо знал Германию и обрадовался, что можно уехать из города. Единственное, из-за чего он нервничал, что едет к незнакомым людям и что без машины и языка он будет некоторым образом в заложниках. «Муж голландец, дом на Мозеле; могу себе представить». Но ничего конкретно Саша представить не мог и паниковал еще больше.

Хотя почему ж незнакомая?

Эта «хозяйка Мозеля» (как он уже окрестил ее) - не такая она тебе и чужая, вспомни ее брата Вадим Вадимыча. Да, верно. Саша познакомился с этим странным типом, фотографом и фантазером, осенью в первый приезд в Кёльн. Они жили в соседних комнатах старого пансиона. В какой-то момент их ночного разговора ВВ показал фотокарточку. Это были молодые родители, девочка-подросток и пятилетний мальчик. Семидесятые годы. Саша помнил не только эту фотографию, но и научную станцию, на которой она была сделана. Тогда он не обратил на девчонку внимания, его больше поразил мальчик. В детстве у Саши была такая же круглая кроличья шапка и варежки на резинках, и он неожиданно ощутил во рту вкус снега, вкус мокрой варежковой шерсти. Когда он понял это, Вадимыч что-то еще рассказывал, даже листал страницы, а Саша лихорадочно думал. Да, да. Отлично. И эта башня в форме черного октаэдра на заднем плане, и станция, о которой рассказывал ВВ, - все это будет на Красной планете. Жизнь в изолированном, капсулированном мире. А потом проект закрывают, станцию эвакуируют, мальчик и девочка возвращаются к обычной жизни, которая обходится с ними самым неожиданным образом. Это было началом романа, а дальше он что-нибудь придумает. Главное, у него есть стержень, и это - мысль об открытости будущего. Когда происходит временной (со-

циальный, психологический) сдвиг и человек остается предоставленным самому себе. Ему дается шанс сделать выбор самому. Именно мысль о незащищенности от произвола времени, которое то держит тебя на поводке, то, словно издеваясь, отпускает на свободу, - о вечном переигрывании временем человека в этой игре, где ставка жизнь, - все это увлекло Сашу, и, вернувшись в Москву, он сел за книгу. Он сделал своего случайного знакомого, этого Вадимыча, главным героем. Он хотел ввести еще несколько персонажей, которые были так или иначе с Красной планетой связаны и также одержимы идеей ее поиска - сумасбродов, выдумав их или списав с друзей и знакомых. А потом должна была появиться старшая сестра, и она... Но что? Он написал первую главу, но дальше книга застопорилась. Да и могло ли быть иначе, если садишься писать без плана, не имея в голове общей конструкции, а только увлекшись идеей, одним образом. Саша беспомощно злился на фотографа с его бреднями, хотя этот Вадим Вадимыч был ни при чем уж точно. И вот теперь, когда Саша почти свыкся с тем, что ничего писать он больше не будет, когда книга отпустила его и он почувствовал вкус свободной жизни, - прообраз этого выработанного материала готов был вот-вот воплотиться. Реальная сестра Вадим Вадимыча, «хозяйка Мозеля», или Фарсида (как он назвал ее в книге), - та самая девчонка с фотографии, а теперь новая русская голландка - ждала его.

Слушая Сашину историю, Фриш придвигал лицо к рулю, а потом резко откидывался на спинку; качал головой; просил открыть ему бутылку с водой и доставал зажигалку.

Плавный и сильный очерк холмов и тяжелые сливовые тучи, словно в искаженном зеркале повторяющие линии этих холмов, наполняли пейзаж торжественным звучанием, но скорость, на которой они проносились мимо, не позволяла как следует этот звук расслышать. И тучи, и холмы, не успев толком показать себя, сворачивались и исчезали. И тогда Фриш просто свернул с трассы, машина зашелестела по грунту. Они выехали на проселочную дорогу и несколько километров катились по ржаному полю. Только на холме Фриш остановил машину, и они вышли.

Те же поля и рощи, те же набрякшие тучи и сшитые автострадами долины, городки и деревни, чьи домики с серыми крышами были рассыпаны в зеленых полях, как кубики, теперь складывались в огромную, сколько хватало взгляда, и цельную картину. В ней не было ничего случайного, тем более лишнего, и даже провисшие провода электролинии, ее башни, похожие на гигантских богомолов, сочетались и с кучерявыми заросшими дубом и липой низинами, с тучами и с желтой грунтовой дорогой, рассекавшей шарообразное поле, как след от бритвенной машинки.

- Не знаю, не знаю, наконец сказал Фриш - как бы в продолжение Сашиного рассказа. - Идея романа мне во всяком случае понравилась.

Это был деревянный дом, сложенный из клееного бруса - с окнами во всю стену и балконом на реку. Кухня, гостиная, спальня. На втором этаже гостевая комната.

- Вы голодны? - она посмотрела снизу вверх.

- Да.

Она пожала плечами.

- Это только называется город, - сказала она, - а так деревня. Магазинов нет, кафе только одно, и оно давно закрыто.

Я посмотрел на часы, было девять.

- В том, что вы остались без ужина, виноваты вы сами, - продолжала она выговаривать ровным тоном. - Я ждала вас с шести, как мы договорились, столик был заказан на семь, но вы опоздали, сейчас десятый. И даже не предупредили. Это по-русски, я понимаю, но здесь Германия. Я решила, что вы не приедете.

- Да, да, - я развел руками. - Но знаете, все же дорога... Нельзя сказать с точностью.

- При чем тут дорога? - удивилась она. - Перестаньте, это Европа, тут все можно сказать с точностью.

Она беспомощно осмотрелась.

- В доме есть, кажется, гречка и помидоры. И оливки...

- А мясо?

Она снова скривила губы.

- Я вегетарианка, я не ем трупы.

«А я, значит, ем?»

Мы секунду смотрели друг на друга.

- Сори? - переспросила она.

Пауза.

- А вино? Пьете?

Пауза.

- Вино? - она растерялась.

- Ну, как мясо. Вредно. Не знаю.

- Ах, вино (она улыбнулась). Ну разумеется пью. А как же. Мы же на Мозеле.

Она показывала Саше дом и он ходил за ней, делая вид, что ему интересны: и грядки, и подпол, и балкон, и гараж, и сауна; поддакивал и говорил: «да вы что», «не может быть» и «как это здорово», а сам думал, под каким предлогом уехать. «Не ем трупы, - повторял он со злостью. - Хочет быть большей европейкой, чем европейцы».

Но больше его раздражало что-то беззащитное в ней; как будто она обороняется вынужденно. Что это слабость делает ее такой безапелляционной; и Саша чувствовал себя мальчишкой, которому назло хочется задеть старшую сестру. «Нет-нет, надо бежать от этой фурии». Но как? Завтра? Это будет слишком. И он решил, что попросит Фриша забрать его на два дня раньше. А еще Саша машинально искал сходство. Но ничего общего с фотографией не было. Да и могло ли, ведь жизнь подражает только законченной литературе, и что говорить о книгах, погибших в зародыше. Нет, нет. Ничто не связывало эту невзыскоую и миловидную, уверенную в себе женщину с тем мрачным типом из ночного Кёльна. Ни с ним, ни с той девчонкой на семейном фото. Ни с той сестрой из книги, которую Саша... но это читателю и так известно. И он снова возвращался к тому, как уехать, чтобы не обидеть хозяйку. Они выходили на улицу.

- Здесь у меня клубника, крыжовник и земляника, - она показывала в темноту. - Есть можно прямо с куста, на завтрак. Любите ежевику? А здесь ее не едят. А дальше мои виноградники (посветила фонариком). Пойдемте в погреб.

Запах мокрого бетона, плесени и пробки. Уксус.

- В коробках, только включите свет, слева, - сказала она. - И осторожно голову, потолок низкий.

- Сколько взять?

- Сколько хотите, вечер долгий. И эту тоже, ее надо попробовать обязательно. Это из моего винограда. Делает сосед, вон его дом, напротив. Сама я не умею. И не хочу, я здесь наездами. Лучше сдать в аренду и брать вином. Он завтра утром зайдет, вы не возражаете? Утром.

- Да, конечно, - поморщился Саша.

Ему хотелось выспаться.

- В вашей комнате ничего не будет слышно, - она читала его мысли.

Поднимались с бутылками обратно.

Саша молча резал помидоры и строгал сыр, открывал вино. А она повторяла его движения. Вещи, смещенные со своих мест, водворялись обратно. Где полотенце? Штопор? Дощечка? Их нет, они убраны.

«Истеричка», - думает Саша.

«Сноб», - это говорит про себя хозяйка.

- Не обращайтесь внимания, - это она сказала вслух. - К вам это не имеет отношения.

Саша мрачно улыбался, но она была серьезна как милиционер.

- Мой муж голландец, - сказала она. - Я вам рассказывала. А в нашей стране все помещаны на порядке. Муж ходит за мной, как за ребенком.

- Как вы за мной?

- Хуже (улыбка).

- То есть чужие привычки заразительны?

- Конечно.

- Ладно, я согласен. Будьте моей тенью. Персонаж вы или нет, в конце концов.

- Сори?

Она хлопала белесыми ресницами.

- Ах, не важно, это я о своем. Где у нас спички? Прячете? Дети?

- Вот (она протягивала).

- У меня нет детей (добавляла тем же ровным тоном).

Окно над плитой покрылось испариной. Соседский фонарь расплылся и напомнил Саше фонарь на даче в дождливый вечер. Сегодня суббота и жена с ребенком уехали за город. Они толком не знали, где он находится, а звонить было дорого. И Саша вдруг сам

почувствовал себя персонажем, который вышел из-под власти доброго автора и попал в лапы к другому, злому. Хотя? «Она не злая» (Саша искоса смотрел на нее). Что-то заставляет ее быть такой, играть эту роль. Заколдованная принцесса».

Какие сильные, но уставшие руки, заметил он, когда они поужинали и она устроилась на углу дивана. Безвольно сложенные на коленях, на ситцевом подоле старомодного сарафана, эти руки поразили его, пока она отпивала мелкими глотками вино и аккуратно возвращала бокал на стол. Она смотрела голландские новости - прилежно, как урок, который надо выучить.

- Вы похожи на школьницу, - вырвалось у Саши.

- Сори? - она обернулась, ее взгляд был растерянным.

- Какое у вас трогательное платье, - сказал он.

Она разгладила подол.

- Такое было у моей мамы, - сказала она. - Папин подарок. Вы знаете (она охотно отвернулась от экрана), первое время на меня здесь смотрели с раздражением. Ну, вы спрашивали (по правде сказать, Саша ничего не спрашивал). Какая-то русская баба, задрал подол, копается в огороде. Здесь это не принято, здесь эту работу выполняют мужья. А Марку (так звали ее мужа) было неинтересно, да и приезжает он редко, много работы. Но я им сказала, что огород это полезно для фигуры. Это всех устроило, особенно местных женщин. Они сразу расслабились и полюбили меня (она переключила кнопку, и на экран высыпали фигурки футболистов).

- А откуда вы? - неожиданно спросил Саша.

- Я голландка, живу в Амстердаме, - машинально ответила она.

- Нет, вообще, - он усмехнулся. - Наверное, ваш будущий муж увидел в вас фламандскую молочницу с картины Хальса...

- Сори? - она не понимала его колкостей.

- Неважно.

И Саша снова увидел этот беззащитный взгляд из-под светлых подвижных бровей. Да, вот оно - поймал он себя. Брови. У него были точно такие же брови.

- А где здесь купаются? - Мне вдруг захотелось окунуться в реку, в холодную воду.

- Вы хотите плавать? - она поставила бокал и послушно встала.

- Нет, но в принципе, пожал я плечами. Это возможно?

- Да, почему нет, мы можем сходить, - ответила она. Я провожу вас.

- Нет, к чему. Просто объясните, где. Пляж или что. Сходни. А то ведь правила, ограничения, предписания. Вечный страх путешественника.

- Страх путешественника? - она повторила с его интонацией.

- Да! Однажды в Чикаго меня забрали в полицию прямо с ночного пляжа. Сказали, что в это время не работает спасательная станция...

- Если вы хотите сейчас, - повторила она, - я готова.

- А одному (я ненавидел ее) воспрещается?

- Нет, конечно. Но вы мой гость, а там сильное течение. Я несу за вас ответственность. Идемте?

- Нет, не надо (я передумал). Где ваш бокал?

Ночью они перебрались на балкон, Саша откупорил еще одну бутылку. В темном сыром воздухе исчезли горы и река, а фары машин, беззвучно пробравшихся на том берегу, захватывали врасплох то растрепанное дерево, то сияющий дорожный знак, который тут же и гас, словно в смущении.

- Откуда вы? - повторил Саша.

- Я же сказала, я...

- Нет, родом. Откуда вы из России?

За домом по гравию прошелестели колеса, стукнула дверь машины. Все стихло.

- Мы выросли под Москвой, - сказала она. - Мама с Украины, папа москвич...

Она назвала городок, который Саше был незнаком.

- Родителей распределили туда после института, - добавила она.

Ее отец был физиком, а мама инженером. Городок крошечный, лес и озеро. Одна школа и девять научных институтов. Теннисные корты. Спорткомплекс, где она занималась плаванием. И что на работу, с работы, родители везде передвигались на велосипедах, как в американском кампусе.

- Это и было что-то вроде кампуса... - добавила она.

- Вы говорите так, как будто этого больше нет.

Саша заметил это вскользь, но она приподнялась на локте, глаза ее в темноте блестели. «Я уже произносил эту фразу», - подумал он.

- Потому что это прошлое для меня больше не существует, - сказала она. - Я его от себя отрезала.

Саша посмотрел в сторону реки. Он вспомнил, откуда взялась эта фраза, это «отрезанное прошлое». Точно так же говорил Леон. Но она? Саше не верилось, что его хозяйка и вправду так думает. И он решил перейти к Вадиму, узнать его историю. Теперь, когда с романом было покончено и эта история ни к чему не обязывала, ему не терпелось узнать подробности.

- Если бы не перестройка... - сказала она. - А так... Наука рухнула, институты развалились. Ученые разъехались.

Нечто подобное Саша слышал в университете от приятеля родом из похожего городка. Как ученые, кто не смог уехать, спивались или торговали барахлом на рынках.

- Папу приглашали, он согласился, это была возможность еще поработать, увидеть мир. К тому же лечение, он был сердечник. Клапаны. Но оставалась секретность, эта дурацкая советская никому теперь не нужная секретность.

Голос ее стал сухим, она откашлялась.

- В общем, пока ее снимали, где-то год - он умер.

Пауза.

- А мама?

- Без него она не поехала. А Вадюша еще учился.

- А вы?

- А я поехала по студенческому обмену в Прагу. И познакомилась с будущим мужем.

- На Карловом мосту? - пошутил Саша.

- Вы не поверите - да.

- Как в сказке.

Пауза.

- Это и была сказка.

Саша подождал, чтобы спросить...

- ...если бы мой бедный папа... - услышал он.

Потом Саша услышал, что она плачет.

Это было так неожиданно, что он не знал, что делать, и погладил ее по руке, которую различал в темноте.

- Ну что ты... - услышал собственный растерянный голос. - Что ты...

- Ничего-ничего, - быстро проговорила она. - Не надо мне было...

И уже не сдерживая себя разрыдалась.

Окно выходило на виноградник, и свежий ночной воздух, стоило поднять раму, хлынул в комнату. Я щелкнул зажигалкой и затаился, мысли спутались. Вот тебе и «отрезанное прошлое», вот тебе и «ничего не связывает». Папина дочка. И эта история про научный городок тоже хороша. Хотя что в ней особенного? Этот парень на третьем курсе, помнишь? Профессорский сынок, хиппи - ты еще ездил к нему летом? То же самое. Полсотни километров от Москвы. Лес, озеро, корты. Коттеджи. Октаэдра там, конечно, не было, но зато была школа с телескопом. И полигон, они ездили на велосипедах в лес собирать гильзы, а если повезет, и боевые патроны. Он, этот Сашин сокурсник, учился в этой школе. Разумеется, это был сильный кружок по астрономии. Вел его молодой мужик, только что из университета и уже младший научный в институте. Обаятельный бородач с роговых очках, такой Ален Гинзберг. Подкупил мальчишек записями с рок-музыкой. Хард-рок и астрофизика тоже путь в науку. Возился все свободное время, даже вызывал заниматься на дом. А на самом деле был влюблен в мою сестру. Нарочно звонил по урокам, чтобы узнать, дома она. Выйдет гулять с собакой. Нет, нету, отвечал я в трубку. Она уехала на каникулы в Прагу. С собакой я. Он звонил из таксофона от почты и, когда я выходил с нашей Радой, здоровенной пугливой овчаркой, уже стоял перед подъездом. В Прагу? - переспрашивал. В задумчивости шел рядом. Прага... Слышал ли ты, друг мой, историю про Голема (у него на все были истории)? Нет, не слышал (мы входили в лес и я отпускал собаку). Оттуда, из-за спины, из темной зимней пустоты, долетал его голос.

...Так вот, а потом он сбежал от своего хозяина. Вышел из-под контроля, тот просто забыл его выключить. Как робот? Да, примерно. И спрятался от людей в городе. Люди

считали, он живет в доме с одним окном и это окно в небо. Что объяснимо, если вспомнить улицы Праги...

Скрипел снег, собака выскакивала из темноты, дышала - и убегала во тьму снова. Мы шли. У каждого есть своя планета, сказал он. Своя орбита, которая определяет судьбу. И у меня? - оборачивался я. Конечно, тут же отвечал он. Ты... Меркурий, говорил он. Меркурий? - я был разочарован. Ее даже толком не видно. Зато это самая малоизученная планета, обнадеживал он. И потом, что с того, что не видно. Разве судьбу видно? Да, мямлил я. А означает это слово, друг мой, «движущийся рывками, подвижный». Вот как твоя собака (он кивал в темноту, где рыскала в поисках неведомой цели наша Рада). Вспомни алхимиков с их ртутью. В то же время эта планета обозначала у древних мысль. Она была символом человеческого разума. Сознания во времени. Как ртуть? я радовался и пугался собственной догадки. Молодец! - подхватывал он. Да, мысль обладает теми же свойствами. Все зависит от дозы. То же и мысли. И эта низкая вечерняя орбита, всего один раз в месяц. «Тебе, нашедшему черепаху, посвящаю день сей» (это он, кажется, кого-то цитировал, говорил сам с собой). А какой? - перебивал я. Что? Ну, день. День? Какой был день тогда, ах да, среда... Среда! И потом не забывай, что Меркурий - это проводник душ в мир мертвых. Туда и обратно, только не оборачивайся. Вот ты думал о смерти? Собака выгибалась на снегу с мучительным оскалом. Конечно. И что? - он не унимался. И ничего. Ничего-ничего-ничего и так до тех пор, пока не станет совсем страшно. Страшно чего? Этого «ничего». Он усмехался. И как ты его представляешь? Никак. Я его просто чувствую, это холод и пустота. Как этот лес? Нет, лес это совсем другое. А здесь... Но я не мог подобрать слова. Мы снова шли, он снова что-то говорил. Я и теперь слышу из-за спины его голос, зимний голос на свалке моей памяти. Проводник душ в мир мертвых, я так и не спросил, какая планета была твоей. Ты умер через несколько лет, рак. Ему было с небольшим сорок, и он был мудр, как старец. Сейчас мне столько же. «Звезда на небе среди прочих». Ничего не имел бы против, если бы он стал мужем моей сестры. Но она вышла за другого и уехала жить в другую страну. А мы с мамой остались. И учитель остался, мой бедный, бедный дядя Ваня. Как, между прочим, назывался кружок?

Я выпустил дым и выбросил окуроч. Снова вдохнул свежий ночной воздух. Нет, нелзя. Хозяйка наверняка спит, разбуду. Однако ноги сами перемахнули через подоконник, и я спустился.

Так как этот кружок назывался?

Несколько метров виноградника были ярко освещены фонарем, тени облепляли и делали выпуклым каждую впадину, каждый комок земли. Это место напоминало сцену. А дальше свет обрывался, его срезала тьма - густая и плотная, как занавес. Увязая в земле, я медленно поднялся между лозами. Да, «Отроки во Вселенной» тогда только что вышли на экраны, все бредили космосом. Но кто теперь остался на трубе? Мокрая от росы, земля была мягкой и липкой. Я остановился, обернулся. Упал, пропала, остальные разъехались. И? Друзья моей юности? Нет, нет и нет.

Одинокий дом стоял внизу, облепленный тьмой, - только одно окно, мое, светило. Мне показалось, что в окне кто-то есть. Но кто? Ведь я был здесь. Странное, жутковатое ощущение. Я чувствовал под ногами комья земли и как холод заползает под майку; и в то же время меня не было. Я превратился в ничто, в глаз... А потом на день рождения отец подарил мне часы. Наручные часы на черном кожаном ремешке. Светящийся циферблат. Я давно выпрашивал такие и страшно обрадовался. «Постой, подожди, - сказал он с улыбкой. - Переверни, видишь?» «Слава первопроходцам «Красной планеты» было выгравировано на крышке.

Было тихо, и Саша решил, что еще совсем рано, и повернулся на другой бок. Но спать не хотелось, он выспался. Было десять утра, в телефоне светило новое сообщение. Фриш писал, что может приехать завтра утром и что она не понравилась ему тоже, «просто не хотел тебя расстраивать».

«Жду», - написал Саша.

Теперь, после вчерашнего, когда Саша выспался, а солнце поднялось над холмом и ровно заливало долину, «хозяйка Мозеля» выглядела не такой уж фурией. И он пожалел, что поторопился с Фришем. Но делать было нечего, ставки сделаны, ставок больше нет. Завтра он уедет. Да, верно.

По склонам освещенные косыми лучами взбирались узкие и резко очерченные теньями полосы виноградников. Они были похожи на следы огромной гребенки. На той стороне реки между тополей бесшумно двигалась машина. День занимался чистый и теплый.

Дверь была напротив, и Саша проскользнул в ванную. Долго стоял под душем, пока горячая вода не кончилась. С наслаждением облился холодной. Вышел. Вытерся. Огляделся.

Эту фотографию он заметил еще вчера, но в сумерках не стал рассматривать. Над полкой с флаконами, в простой деревянной рамке, она изображала две фигурки в ярких комбинезонах. Лиц не разобрать, глаза закрывали черные очки. Они стояли на склоне, упершись палками в снег. След уходил цепочкой вниз и терялся в тумане, который тянулся до горизонта. Над туманом темнело синее акриловое небо, и Саша с изумлением понял, что это не туман, а облака. Что снимок сделан в горах.

- Доброе утро! - сказал Саша в пустоту.

Никто не ответил. Он медленно спустился в гостиную. Залитая солнцем, комната выглядела совсем не так безысходно, как вечером. Свежие деревянные стены светились матовым смоляным сиянием. За окном, за рекой, зеленел склон. Пахло кофе и деревянной стружкой. Хозяйки не было.

Не в силах оторвать взгляда от реки и зеленого склона, так тщательно и аккуратно расчерченного лозами, Саша машинально позавтракал. Он уже допивал вторую чашку, когда на улице хлопнула дверь и через минуту невидимая рука повернула ключ в прихожей.

- Доброе утро, - услышал Саша голос хозяйки.

Оказывается, она ездил в город за продуктами.

Через полчаса ее маленький «фольксваген», пропетляв по виноградникам, вышел на большую дорогу.

- Один раз это надо увидеть, - она рассказывала про городской праздник. - Хотите?

- Хочу.

Машина плавно вписалась в поворот, внизу блеснула река. Свежий воздух ворвался в кабину.

- Кохэм, - показала она в окно.

Она нажала кнопку, и в проигрывателе заиграла музыка.

- Если не нравится, можно выключить.

- Нравится, - ответил Саша.

Его больше не задевала ее предупредительность.

- А что за музыка?

Похожую играли в Москве, рядом с его метро - ряженые, в коже и перьях, индейцы.

- Это Перу, - ответила она.

Она протянула Саше коробку.

- Любите Южную Америку?

Саша повертел пластинку.

- Я? - она отвела глаза от дороги. - Да.

Машина обогнула холм. На том берегу вырос замок, похожий на старый гриб-переросток.

- Добро пожаловать в наш райцентр.

Сквозь прозрачный утренний воздух городок в долине казался настолько близким, что стоило протянуть руку - и можно потрогать и эти вывески над витринами, и занавески на окнах, и цветы в вазах.

- Красиво... - ответил он.

Пропетляв по переулкам, машина спустилась на набережную. Поехали вдоль реки, окруженные толпами туристов, гуляющих по обеим сторонам дороги. Мест на парковке не было, снова вернулись в переулки. Только наверху у часовни, где начинались виноградники, можно было оставить машину.

- А Южная Америка? - Саша вспомнил разговор в машине. - Почему?

Они проталкивались сквозь толпу в чепцы и ленты наряженных девушек, которые парами стояли вдоль улицы. В руках они держали глиняные кувшины.

- Я поднимаюсь там, - обернулась она.

- Поднимаетесь?

Саша извинился, но рыжий немец в жилетке и гетрах, которого он задел, не заметил и не ответил. Группа трубачей над чем-то весело смеялась. Девушки в чепцах засмеялись тоже, а одна, уперев руки в бока и приподняв черную юбку, выставила из-под нижней юбки ногу в черной лакированной туфельке. Она сделала несколько танцевальных па.

Саша поискал глазами свою хозяйку, но она затерялась в пестрой толпе. Тогда он пошел наугад, проталкиваясь между туристами и ряжеными. Его взгляд выхватывал то усы пожарного, то волынку и меховой ментик. То собственное нелепое отражение в начи-

щенной до блеска валторне - на спине того, за кем он несколько минут с досадой плелся.

- Я вас потеряла! - услышал он.

- Я вас тоже.

Она вышла из толпы с бокалом.

- Это вам. Вино.

Она улыбалась.

- Спасибо.

Ледяное мозельское, он выпил.

- Давайте где-нибудь сядем, - предложил Саша. - Невозможно, такая давка. И жарко.

- Но мне нравится, - добавил он.

- Давайте.

В этот момент заиграл духовой оркестр - и трактор с цветами медленно тронулся. Девушки в чепцах и трубачи, и волынщики стали встраиваться в процессию. Зашелкали фотокамеры, взрослые принялись поднимать детей на закорки.

- Сюда, давайте, - она позвала его.

- А мы здесь увидим?

- Да.

Действительно, кварталом выше тянулась еще одна улица. Людей здесь тоже было много, но они не толпились, как внизу, а сидели за столиками в кафе или стояли вдоль стен.

- Здесь есть свободный столик, - позвала она сверху. - Поднимайтесь. Отсюда будет хорошо видно.

- Вы сказали «поднимаюсь», - вернулся к разговору Саша, когда они заказали.

Саша вспомнил фотографию в ванной.

- Вы... альпинист? Альпинистка?

- Нет.

- И что... и как... - Саша не знал, что сказать.

- Андинистка, - ответила она. - Я поднимаюсь в Андах.

...Шли мушкетеры в голубых плащах с крестами, с толстыми и розовыми совсем не мушкетерскими лицами. Ехала повозка с гигантской фигурой повара, чей колпак возвышался над процессией, а в переднике была проделана дверца, из которой живые повара разбрасывали леденцы и конфеты.

- ...Покоряю? - переспрашивала она. - Нет, это не то слово.

Она задумывалась, ее лицо больше не было растерянным и виноватым. Саша видел другими эти высокие скулы и выпукло очерченный подбородок. Высокий лоб и неровную складку полных губ, как-будто она вот-вот заплачет или засмеется. Он жалел, что поторопился, что завтра уедет... Кстати, надо как-то сказать ей об этом.

- А как это началось? - спросил Саша. - Откуда?

Он не знал, с чего начать.

Под окнами стучали барабаны цирковых. Они держали на плечах перекладину, на которой осторожно делал перевороты акробат в зеленом трико. Она рассказала, что первый раз поднялась еще в Союзе, на Камчатке с отцом. Потом, когда переехала, начала с Европы. Чехия, Италия. Потом Исландия, Новая Зеландия. И вот Анды.

- Первое время Марк ходил со мной, но горная болезнь... Знаете, у каждого человека свой барьер. И он отказался. Выше давай сама. И вот я сама.

Поднималась в Андах каждый год, иногда два раза, если позволяла работа (она была инженером-айтишником). Индейцы - проводники, друзья. Из какой-то забытой деревни, откуда они уходили дальше. Говорила, что это ее народ и ее люди, что там она чувствует себя дома; о какой-то феноменальной энергетике тех мест, от которой у человека... и т.д.

Официант принес вино и тарелки, и Саша почувствовал, как проголодался. Кусок отварного мяса в горчичном соусе - он проглотил его, кивая ей, пока она рассказывала. Потом на улице грохнуло, люди прильнули к окнам. Пушка, которую выкатили на площадь, стояла, задрав ствол. Из жерла шел дым. В железных панцирях и шлемах «канониры» выстроились полукругом. В руках они держали толстые короткие мушкеты. Когда Саша отвернулся, на улице снова бабахнуло. Процессия двинулась сквозь дым дальше.

- Вы сказали «покорять»...

Она посмотрела на Сашу.

- Но горы это не спорт. Горы не покоряют, горы...

Она еще раз, теперь с сомнением, посмотрела на Сашу.

- Горам поклоняются, - закончила она.

Ей стало неловко и даже стыдно рассказывать постороннему человеку то, что было самым важным. Ни вчера, ни сейчас она не чувствовала своим этого типа с его вечно язвительной усмешкой, этого писателя «или-кто-он-там», который снисходительно слушал то, что она мало кому рассказывала вообще. Эта усмешка, которую, как она считала, она слышит, обижала ее. И чтобы заставить его слушать всерьез, тон ее становился резким, а фразы отрывочными.

Она дотронулась до шнурка, который висел у нее на шее.

- Когда умер отец, я уехала, но я была мертвой. А горы вернули меня к жизни. Там я поверила, что всё сделала правильно.

- Да, это ключевой вопрос, - откликнулся Саша.

Она с досадой посмотрела в окно.

«Что он знает об этом?»

- Но главное даже не это, - сказал она.

И тут же, не дожидаясь вопроса, ответила:

- А доверие.

- Доверие?

- Все это пустые слова, - она снова почувствовала себя нелепой, - особенно для писателя.

Саша взял ее за руку.

- Дальше. Пожалуйста.

Она тупо, без выражения посмотрела на их сплетенные пальцы.

- Нужно доверять человеку, с которым ты поднимаешься, - сказала она. - Как себе.

Они помолчали.

- Без этого вы, может, и подниметесь в горы, - она хотела закончить разговор. - Но ничего в них не поймете.

По улице, окруженный толпой, ехал грузовичок. В кузове несколько человек, одетых, как Чарли Чаплин, раскачивались на качелях. Они размахивали котелками в такт музыке, а тросточками стучали по подошвам.

«Доверие, доверие... Где взять его?» - думал Саша.

«И какие смешные слова: «пачамама», «коско», «кечуа». Светлая и темная сторона мира»...

Он поискал глазами, куда записать то, что пришло ему в голову, но с улицы грянули фанфары и он отвлекся. Это была увитая цветами колесница. На нижней ступеньке полулежали девушки в золотых декольтированных тогах. Лица их были покрыты золотой краской. На второй ступеньке стояли корзины с цветами, а выше на помосте под живой пальмой стояла королева праздника. Рослая белокурая девушка с выпяченной грудью была увенчана золотой короной. Шлейф ее платья держали две другие, склоненные на одно колено. «Королева» неподвижно улыбалась, обнажив крупные блестящие зубы. Она старалась стоять неподвижно, но от толчков колесницы ее румяные полные щеки и ткань на груди подрагивали, а вино в бокале, который она держала, расплескивалось. Следом за колесницей шли девушки с кувшинами, которых Саша видел на газоне перед началом. Они подбегали к тем, кто протягивал пустой бокал, и наполняли его. «Самая красивая девушка Кохэма» - было написано на борту повозки.

...Когда они расплатились и вышли на улицу, в городе наступал вечер, пора было возвращаться. По дороге домой он признался, что у него образовались в Кельне дела и завтра он уезжает. Она пожалала плечами, надо так надо.

- Я отвезу вас.

Саша рассказал про Фриша, что тот приедет. Она снова пожалала плечами.

- Это ваше решение.

Саша почувствовал досаду. Он понял, что поторопился, что ему не хочется уезжать, что ему хорошо и интересно с ней. И что если бы она попросила его остаться, он бы отменил поездку. Но она не попросила, значит, делать было нечего, ставки сделаны. И на следующий день он действительно уехал.

Вот и все, можем сказать мы. Больше мы никогда не увидимся. Папина дочка, маленький городок под Москвой. И Карлов мост, и Амстердам. Горы. От чего всю жизнь бежит человек? Что гонит его по свету? Что он ищет, чего нет рядом? От того ли, что судьба сложилась так, а могла иначе? И где была допущена ошибка? И было ли это ошибкой, а не судьбой? Как разобраться? Как от этого освободиться? Как убежать от прошлого? От этой пустой больничной койки со смятыми простынями. Пять утра, все слезы давно выплаканы. Она идет по Ленинскому проспекту. Вот и всё, повторяет она, отца больше нет. Больше меня здесь ничего не держит. Но все эти годы, перелетая с материка на материк, она смотрит на мир его глазами. Показывает ему то, что он хотел, но не увидел. Бесконечный внутренний монолог. Индейцы это сразу почувствовали. Гринга бланка... Но об этом Саша, этот несчастный невротик, ничего не узнает тоже. Ну так что ж? Жизнь состоит из обрывков, чей сюжет редко складывается в картину. Ей скучно разжевывать свои замыслы. Сами, сами, как будто твердит она - и движется дальше по своей загадочной спирали. Там, на одном из ее изгибов, с нашей героиней происходит маленький случай. Проходит всего два месяца, и она едет в горы - как и планировала. По дороге в Перу она застревает во Франкфурте, начинаются снегопады. С этой пожилой фрау они смотрят телевизор, буквально на одном диване. И вот эта фрау, глядя сухими глазами на экран, где идут новости и где снова стреляют, вдруг громко говорит: что они делают, они же обречены, они не помнят уроков войны. Она произносит эту фразу отчетливо, не отворачивая лица от экрана, и продолжает смотреть, теребя короткую седую косичку. Сори? переспрашивает из вежливости ее молодая соседка. Я вас не понимаю. Мой Эмиль, говорит старуха, погиб на Восточном фронте (это звучит без видимой связи). Они бомбили (тут она называет город), и его сбили. Какой? - ее соседка не расслышала. И фрау повторяет, снова смотрит в экран. Ее соседка... Она хотела... Или? Она и сама не знает, и поэтому молчит. Этого не может быть, говорит она себе. Вот так, в аэропорту, на диване перед телевизором - и город, о котором говорит эта старуха. Где родилась ее мать и где под бомбами погибла вся ее семья. Но она, повторяю, молчит, тем более объявляют посадку и все замерли, вслушиваются. Что с того? Мир давно превратился в муравейник, совпадения перестали иметь отдельный смысл, теперь они просто совпадения. Потому что в этой истории больше нет виноватых, говорит она себе уже в самолете. Надо просто рассказать знакомому раввину, пусть он скажет (в подобных затруднениях она всегда обращалась к раввину). Потому что прошлое все равно настигнет тебя, добавлю я от себя, сколько бы ты не убежал от него. В той или другой форме, фрау перед телевизором или ситцевого платья. Но об этом она ничего не узнает тоже, через несколько дней ее не станет. Что, как? Неизвестно, несчастный случай. Горы! Так что придумай что-нибудь сам, ты же писатель. Снежная лавина или обрезанные веревки, не знаю. Хотя сколько можно про это. Человек - автор романа о самом себе, значит, давай по порядку. Старуха? Будем считать, что они не случайно встретились. Потом восхождение, пусть оно пройдет успешно, дай ей покорить эту вершину. Пусть они вернуться в базовый лагерь, а оттуда на лошадях в долину. Все случится уже там, на подступах к деревне. Да, они видят дым, это горит хижина. Та самая, на отшибе, откуда они, собственно, и выдвинулись всего за несколько дней до этого. Она прекрасно помнит мать и ее детей, и люльку из куска жестяной бочки. Хижина полыхает, это же эвкалипт. А мать в поле. Навстречу бежит старшая, девочка. А мальчик, стало быть, остался в люлке. Или он с матерью? И вот, пока индейцы кричат и размахивают руками, чтобы все это выяснить, пока девочка визжит и плачет и ничего не может сказать толком, она входит в огонь и выносит этого мальчика. Прямо в люлке, и кладет к рюкзакам у изгороди. Кошка! - тычет пальцем девочка. Там еще наша кошка. Стой! Это очнулся Мануэль. Куда? Но эта гринга бланка, она же сумасшедшая. И не забывайте про адреналин, после восхождения альпинист некоторое время не чувствует страха.

...Ну как? Смерть вообще никуда не укладывается, она из другой оперы. Вадим побывал там через год, привез священника. Знаешь, что он там обнаружил? Памятный знак. Камень, имя. Они просто прикрутили старые кошки, представь себе, рассказал он. Ее кошки. А могли бы продать, нищета там страшная. Кошка и кошки, смешное совпадение. Хотя на их языке это звучит по-разному. Так вот я и спрашиваю, какая связь? Ленинский проспект и Мозель, Прага и Анды? Кошки? Старуха эта? Саша? Я не писатель и не индеец, я не вижу логики. Я не чувствую энергий. Не вижу причинно-следственных связей. В какой момент жизнь превращается в сказку, рассказанную идиотом? Где в нашем городке были заложены Анды? Где и кем они были предписаны? Ведь должен быть поворотный пункт, место принятия решения. Но где? И какой в этом смысл?

Борис Щербаков-Коломенский, которому исполняется в этом году 80 лет, известен прежде всего как театральный художник. Именно ему наш Театр кукол обязан своим «золотым веком». Детство Щербакова прошло в городе Коломна, в Барнауле живет с 1969 года.

Подготовил
Дмитрий
Золотарев

ВЫСОЦКИЙ, ШУКШИН, ПЛЕСЕЦКАЯ... Воспоминания художника Бориса Щербакова

МОИСЕЙ РОШАЛЬ

В Коломне работала, как напишут позже в первой книге о народных театрах страны, одна из лучших театральных студий. 12 октября 1961 года был проведён первый набор в студию. Душой студии, её творческим наставником и учителем жизни для студийцев на долгие годы стал Моисей Львович Рошаль, член известной кинематографической семьи Рошалей. Помимо энциклопедических знаний, природного режиссёрского дарования, он обладал талантом учителя, умевшего вскрыть у зелёной тогда ещё молодёжи такие способности, какие, казалось, и природа-то им не могла отпустить. Но главное, это очевидно, пользуясь занятиями и спектаклями как поводом, он хотел раскрыть перед молодёжью красоту театра и искусства.

Моисей Львович строил спектакль на пластической игре предметов и вещей, на их сопоставлениях, на их работе с исполнителями. Он пытался передавать самые

различные эмоциональные состояния, достигая порой сильнейшего драматического напряжения, и тем самым выражал тот содержательный смысл, ради которого и создается сценическое действие.

В основу постановки спектакля была взята повесть Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды» (1957), о молодёжи, ищущей своё место в жизни на строительстве Иркутской ГЭС. И начались репетиции: поиски выразительных мизансцен и выявления формы спектакля. Моисей Львович написал либретто по этой повести. Мне крупно повезло: спектакль рождался на моих глазах. В субботу и в воскресенье по пять часов (с перерывом в один час на обед) шли репетиции, и я успевал делать зарисовки мизансцен. Потом это будут чертежи, макеты и реализация в материале. Это была для меня настоящая школа. Школа высочайшего класса.

АЛЕКСАНДР ТЫШЛЕР

В 1963 году спектакль «Продолжение легенды» был показан в Москве в ДК, в районе Чистые пруды. На спектакле были Абрам Самойлович Лавут, Ролан Быков, Юрий Любимов, Григорий Львович Рошаль, Анатолий Кузнецов, Александр Тышлер. И тут Моисей Львович Рошаль познакомил меня с художником Александром Григорьевичем Тышлером.

С 1963 года я стал ездить в Москву на Масловку к Александру Тышлеру. Привозил ему свои опусы, почеркушки, чертежи, эскизы. В свободное от занятий время я проводил время в библиотеках: собирая материалы о русских народных праздниках, о городских увеселениях и зрелищах. Делал зарисовки из книг. Открыл для себя театр Петрушки (удивительный материал). Очень меня заинтересовали вертепные

представления. В основном я занимался образами театра кукол.

А однажды я привёз Александру Григорьевичу настоящую «Берегиню». Это такая знаковая народная кукла, сделанная из природного материала - лыка. Когда-то в детстве меня научила их делать моя бабушка, Ариша Васильевна Угольниковва-Кудинова. Александр Григорьевич был чрезвычайно близок к стихии фольклора, к образному миру народных сказок, к их вечно живой и неистощимой фантазии, у которой есть своя ясная и последовательная логика. И он так был восхищён и обрадован!.. Это было для него открытие. И это положительно сыграло на нашу дальнейшую работу и нашу дружбу. А в 1966 году в Музее имени А.С. Пушкина (ГМИИ) состоялась персональная выставка работ Александра Григорьевича. Мы с моим товарищем по курсу помогли в ее организации - оформляли работы, делали подрамники. Выставка имела большой успех.

Я вспоминаю слова своего учителя Александра Григорьевича Тышлера, он говорил: «О чём сегодня будешь петь?!» Главное, найти форму спектакля, представления. Отсюда пойдёт и конструкция, и фактура, и материал из чего всё строить и воплощать в пространстве.

ОЛЬГА ТВАРДОВСКАЯ

Ольга Твардовская - это дочь Александра Трифоновича Твардовского. Нескольким раз я был у нее в гостях и видел ее знаменитого отца - поэта Александра Твардовского. Мы с ней учились пять лет в МАХУ (Московское академическое художественное училище памяти 1905 года) на театральном отделении. Театральную композицию - сценографию вёл Михаил Исидорович Самородский; рисунок - Дмитрий Иванович Соколов, ученик Дмитрия Кардовского; живопись - М. В. Добросердов, ученик Р. Фалька. Театрально-декорационную живопись и театральную технологию вела Татьяна Борисовна Серебрякова, дочь Зинаиды Серебряковой.

Производственной базой по театральной технологии был МХАТ. Однако нас часто приглашали работать в декорационном отделе Театра Советской Армии и даже в мастерские Большого театра. В мастерских МХАТ наш курс как-то выполнил декорации к «Трём апельсинам» для театра Наталии Сац. В это же время мы, студенты, успели сделать росписи к спектаклям Ролана Быкова.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Я был декоратором на фильме Андрея Тарковского «Рублев». Несмотря на пафосное звание, моя работа была самой обыкновенной: сделать забор, что-то побелить. Тарковскому хотелось снять эпизод с об-

наженной женской натурой. Однако его желание натолкнулось на ожидаемые трудности: советские актрисы и простые женщины, стесняясь, категорически отказывались раздеваться перед камерой. Мы, декораторы, посоветовали ему пригласить на этот эпизод московских натурщиц, привычных к такой работе. Он так и поступил.

ЛЕНОРА ШПЕТ

После окончания учёбы в МАХУ (Московское академическое художественное училище) меня направляют на работу художником-декоратором в Свердловск в театр драмы. Живу в гостинице «Большой Урал» и делаю эскизы к спектаклю «Мария Стюарт». Показываю эскизы костюмов художественному совету театра, разложив эскизы на полу. А заслуженная артистка А. Шатрова топает красивой туфелькой мои эскизы и ворчит: «У меня муж художник, и он знает, как меня одеть!» Я пораженный замер: «Зачем я так долго учился? Думал и сочинял эскизы костюмов? О, ужас!» Не принял меня Свердловск.

Потом я поехал в Москву во МХАТ к Татьяне Борисовне Серебряковой узнать, как сделать витражи для сцены. Выбрал момент и заглянул в ГЦТКа (Государственный центральный театр кукол) к Леноре Густавовне Шпет... 1931 год, Москва, Мамонтовский переулок (теперь он называется переулок Садовских). В переулке серое здание. В здании находился Центральный дом воспитания детей. В доме художественного воспитания был сектор детского театра. Заведующая сектором - Ленора Густавовна Шпет. Однажды заведующая снимет трубку и позвонит молодому артисту Московского Художественного театра Сергею Владимировичу Образцову, тому, который поёт на концертах и показывает из-за ширмы кукол. От имени дирекции Дома Шпет предлагает Образцову организовать кукольный театр.

Ленора Густавовна относилась ко мне как-то по-матерински, заботливо. Она помнила мою работу-практику в ГЦТКа. Я рассказал ей о том эпизоде, как мои эскизы тыкали туфельками. При мне она набирает телефон, звонит в город Кемерово... Я главный художник-постановщик театра

«Берегиня» - это такая народная кукла, сделанная из природного материала - лыка. Когда-то в детстве меня научила их делать моя бабушка, Ариша Васильевна Угольниковва-Кудинова.

кукол в городе Кемерово. Главный режиссёр - Лидия Ильинична Качаева. Хотя режиссёр она никакой, бывшая актриса театра, но хорошо хоть не мешала мне. И началась моя работа над спектаклями по сказкам А.С. Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке».

Шёл 1967 год. Время идёт очень быстро. Делаю эскизы кукол. Их у меня буквально рвут из рук. Мастеров кукол в театре трое. Хорошие мастера, опытные. А впереди намечен фестиваль театров кукол Сибири. Работаем по десять-двенадцать часов в день. И вот уже рождаются куклы и мы идём скорее на сцену посмотреть, как они выглядят. Что можно добавить, что - убрать. Актёры довольны - куклы лёгкие, хорошо управляемые. А главное - выразительные, с характером! Как хорошо, что я прошёл технологическую практику по изготовлению кукол в ГЦТКА у самого Сергея Владимировича Образцова. А теперь вот передаю этот бесценный опыт мастерам в Кемеровском театре кукол. Сергей Владимирович Образцов был прав, сказав мне, что нужно ехать за Урал, в Сибирь, набить руку, морду, стать настоящим художником!

И вот состоялся фестиваль театров кукол Сибири. Мои спектакли произвели хорошее впечатление. Главный режиссёр Алтайского краевого театра кукол Матвей Бабушкин приглашает меня на постановку спектакля в Барнаул.

Я в Барнауле. В театре кукол делаю эскизы к спектаклю Л. Гераскиной «В Стране невыученных уроков». Матвей Бабушкин один из лучших режиссёров того времени, входит в десятку лучших режиссёров страны. И тут театр собрался поехать на гастроли по сёлам и городам Алтайского края и меня взяли... Бийск, Турочак, Артыбаш, Яйлю, Телецкое озеро. Красота! После этой поездки я сделал вывод: жить нужно на Алтае.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

На Таганке я не работал. Там работал декоратором Виктор Горелов из Коломны. Мы с ним были из одного художественного училища. Я к нему часто заходил, был в курсе театральных событий. Вместе с Владимиром Высоцким раза три пили... чай-кофе. Это были очень короткие, минутные встречи. Виктор Горелов неплохо играл на гитаре, она висела у него в мастерской. Владимир Высоцкий в перерывах между репетициями приходил туда, брал гитару и что-то всегда наигрывал, напевая свои новые песни... По спектаклям мне был знаком и Валерий Золотухин. Однажды на каком-то капустнике актерская братия взяла и расписала красками дубленку главного режиссера - Эфроса!

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

А с Василием Шукшиным мне довелось встретиться не в Москве, а - в Барнауле! Было это где-то в начале 1970-х годов. Звонит мне поэт Леня Мерзликин и приглашает зайти к нему, предварительно захватив бутылочку коньячка - у него гость. Прихожу, Леня знакомит меня: «Василий...» - я первый раз видел этого человека. И только потом, много времени спустя, я узнал, что это был Василий Макарович Шукшин! В Барнауле он хотел вступить в писательскую организацию, а писатели ему отказали... вот такие были дела.

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА

В Барнауле первоначально театр кукол находился на улице Профинтерна, 35. Это был многоэтажный жилой дом. В цокольном этаже этого здания располагался небольшой театр со зрительным залом на сто десять мест. Однажды к нам спешно вошел начальник отдела культуры Алтайского края Иван Иванович Акишев и говорит: «К вам прибыл министр культуры СССР». Я подумал, что он говорит это про себя, то есть шутит, а за ним входит министр культуры Екатерина Фурцева. Шок!.. Акишев спрашивает: «Где главный режиссёр?» «Только что был здесь», - отвечаем. Окна у главного режиссёра выходили во двор, и он видел, как подъезжали чёрные «Волги» и выходила Фурцева. Матвей Бабушкин стал торопливо надевать пиджак и оторвал рукав. Он не пошел на встречу с Фурцевой. И пришлось мне встречать и показывать ей театр, отвечать на вопросы. Я рассказал, что задуман новый театр кукол на четыреста мест, что есть проект и выбрано место. А через три дня меня пригласили посмотреть помещение на улице Пушкина, 41, в котором в то время находился Дом культуры УВД. Осмотрев его, я сделал заключение, что здание очень подходит для театра кукол: хороший зрительный зал, сцена очень подходит по размерам, по ширине и глубине, а главное - высоте, есть много подсобных помещений для мастерских. Так начал работать наш театр кукол на улице Пушкина, 41.

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ

Занимаясь в творческой лаборатории Бориса Мессерера в 1978 году в Москве, мы как-то поехали к Центральному Дому художников на предстоящую выставку, где должен был выставляться и Мессерер. Подъезжает машина, а оттуда выходят Асаф Мессерер (отец Бориса), Белла Ахмадулина и Майя Плисецкая. Я как-то нежно взял за руку Майю Михайловну и стал признаваться ей в любви и признательности. Это получилось неожиданно, как-то театрально и одновременно весело...

По версии автора этой статьи, на одной картине из собрания Государственного художественного музея Алтайского края изображен Александр Македонский. Предложенный вариант сюжета не убедил наших музейщиков, и они выдвинули свою версию, где, по их мнению, присутствует национальный герой - Святослав из «Повести временных лет». Мы не отказываемся от собственной версии об Александре Македонском. И более того, новые данные на «заданную тему» позволяют успешно развить именно нашу первоначальную гипотезу.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В БАРНАУЛЕ

Размышления о классическом сюжете

Подготовил
Дмитрий
Золотарев

Произведение хорошо знакомо тем, кто хотя бы раз посещал ГХМАК в старом здании. С первых дней открытия музея в начале 1990-х годов эта небольшая картина заняла достойное место в постоянной экспозиции, в самом ее начале, где представлены не столь многочисленные - как хотелось бы - живописные работы XVIII века.

Известно, что картина поступила в музей из частного собрания в 1966 году и долгое время числилась в каталоге под расплывчатым и ошибочным названием «Аллегория». В том, что картина поступила из личного собрания, нет ничего удивительного - это распространенная практика музейного коллекционирования. Удивление вызывает то место, откуда была приобретена эта работа. Картина поступила в музей не из «ожидаемых» собраний Москвы или Ленинграда, а из Ялты. У картины была своя, ныне утраченная, история бытования.

В начале 2000-х годов сотрудники музея предложили иную атрибуцию, также являющуюся неправильной. А именно: «Неизвестный художник второй половины XVIII века (круг А.П. Лосенко?). Мифологическая композиция». Холст, масло (45,3x59). Под таким названием картина экспонировалась в 2002 году в Третьяковской галерее в Москве, вошла в каталог, выпущенный к выставке, и была выставлена в постоянной экспозиции музея.

Сразу что вызывает несогласие - это довольно неконкретное определение «мифологическая композиция». Следует более точно указать на ее принадлежность - исходя в том числе и из жанровых определений - к исторической живописи. В XVIII веке исторической живописью называли не только картины, выполненные на сюжеты из истории, но и произведения, темы для которых черпались в мифологии. В рассматриваемой работе напрочь отсут-

ствуют мифологические акценты: жизнь богов, божественное вмешательство и т.д. Значит перед нами человеческая история, повествующая об одной из легенд Древнего мира. Но какая?

Для исследования мы воспользовались иконографическим методом, который активно используется в западноевропейском искусствознании и практически не востребован в отечественной науке из-за его бесполезности по отношению к русскому искусству. Однако, применяя этот метод в конкретном случае, мы можем достичь положительного результата: узнать намного больше об интересующем нас живописном памятнике. Тем более что русский художник, в этом нет сомнений, использует сюжет античной, т. е. общеевропейской истории.

В зарубежном искусствознании иконография является самостоятельной дисциплиной, однако носит вспомогательный

Известно, что картина поступила в музей из частного собрания в 1966 году и долгое время числилась в каталоге под расплывчатым и ошибочным названием «Аллегория».

характер. Ее цель как науки: «устанавливать истинный смысл и, следовательно, в первую очередь сюжет художественного произведения». Иконография рассматривает и определяет сюжеты. В этой области наработан огромный системный опыт. Для выяснения сюжета мы воспользовались одним из первых переведенных на русский язык «Словарем сюжетов и символов в искусстве» Джеймса Холла.

«Наш» сюжет имеет явные характерные визуальные черты: группа военных людей вокруг умоляющих и ищущих их милости женщин и детей. Заметим, что случаи присутствия детей в «классической» истории не так уж и часты. И что в значительной мере облегчает поисковую работу. Картина соответствует описанию сюжета «Семья Дария предстает перед Александром Македонским» («Семья Дария перед Александром» или «Милость Александра»): «Хотя сам Дарий бежал, его мать, жена и две дочери были захвачены Александром, который прославился уважительным и добрым к ним отношением. Сценой действия может быть шатер Александра, разбитый на поле боя. Мать Дария, Сисигамбис, стоит на коленях перед победителем... Жена Дария, Статира, и ее дочери образуют другую группу персонажей. Присутствуют слуги, солдаты, зеваки». Очевидно, что сюжет картины и описание сюжета из словаря полностью совпадают! Значит, единственно правильным сюжетом данного произведения является «Семья Дария, представляющая перед Александром Македонским».

Данный сюжет является редким даже для западноевропейского изобразительного искусства (самое известное произведение принадлежит венецианцу Паоло Веронезе из Национальной галереи в Лондоне). Барнаульская картина не напоминает известнейшее полотно. Отметим, что только в XVIII веке отечественные художники регулярно обращались к образу величайшего полководца. Возможно, и по причине отсутствия на данный момент истории ярких национальных героев (за исключением Петра I). Собственно, с картины М.И. Пучинова «Свидание Александра Македонского с Диогеном» (1762) из Государственного Русского музея и начинается историческая живопись в России. Особенно хочется подчеркнуть редкость и уникальность этого сюжета для русского искусства. А барнаульская картина является чуть ли не единственным известным произведением на данный сюжет в отечественной живописи.

Существует другая картина на схожую тему из жизни Александра («Александр Македонский перед Диогеном», 1787), написанная русским художником XVIII века И.Ф. Тупылевым, входящая в собрание Тульского художественного музея. В обеих работах много общего, но принадлежат они разным художникам. Композиции по-

лотен схожи. Сближает их общая академическая программа произведений. Ведущий передний план насыщен фигурами персонажей, второй, промежуточный план - с фигурами всадников и третий план - фон с архитектурными зданиями. Различия ощутимы в манере письма, цветовых решениях, отношениях к свету. Пространственная организация в целом, некоторые из фигур, отдельные детали двух произведений напоминают картины исторического живописца А.П. Лосенко.

Барнаульское полотно небольшое по размеру. Это визуально очевидный факт не сразу осмысливается. Историческая живопись XVIII века предполагает крупный, монументальный формат полотен. Картина из ГХМАК не соответствует критериям самостоятельного живописного исторического произведения того времени. И вместе с тем данную картину трудно считать всего лишь эскизом, подготовительным вариантом для большой композиции.

Одна из особенностей авторской образной системы заключается в том, что женские образы исполнены с большей индивидуальностью по сравнению с мужскими персонажами-статистами (семья Дария, проходящие молодые женщины). Образы солдат однотипны, создается впечатление, что они были написаны с одного натурщика. Исключением является лицо солдата, находящегося справа от Александра в глубине шатра. Возможно, перед нами «замаскированный» портрет художника. Безусловно, самым оригинальным является трактовка образа бородача (!) Александра, в раскрытии которого причудливо сочетается яркий русский этнический тип с несколько манерной, неестественно статуарной позой, восходящей к композиции прославленной скульптуры Аполлона Бельведерского.

Картина из барнаульского музея значительно упрощена в композиционном и смысловом плане при сравнении с оригиналом Веронезе. Помимо обозначенных легендарных обстоятельств в образковой версии присутствует и момент ложного узнавания Александра, факт невольной подмены его другом. Внешне, портретно оба мужчины не отличаются друг от друга, по замыслу венецианца они - близнецы. Однако подлинный Александр находится не в центре композиции, не организует окружающего пространства и группу людей, а «сдвинут» на периферию, к самому краю картины. Псевдо-Александр указывает рукой на истинного правителя - переадресуя мольбы и просьбы конкретно ему.

«Наш» Александр более целостный, смысловые осложнения, удвоение - не в характере русских художников XVIII века. По версии неизвестного отечественного живописца, Александр - это живой памятник самому себе, в чем сказываются и проявляются ученически усвоенные клас-

сицистические нормы искусства. Но как бы художники не реконструировали облик героя, у него всегда присутствует «авторский» атрибут победителя - алый плащ или накидка. В рассматриваемой картине она также наличествует.

В результате предпринятого иконографического изыскания картина из ГХМАК обрела свой оригинальный сюжет, редкий и уникальный для отечественного искусства. Исходя из вышеизложенного автором статьи предлагался первоначальный вариант атрибуции: «Неизвестный художник последней четверти XVIII века. «Семья Дария перед Александром Македонским». Школа А.П. Лосенко».

Однако вопрос о самостоятельности произведения (и роли заимствования) оставался открытым.

Новые данные последовательно подтверждают нашу версию об изображении на музейной картине именно Александра Македонского, а также делают возможным приоткрыть некоторые другие тайны этого живописного произведения.

Герой одной из песен Булата Окуджавы ученый-всезнайка Натан Эйдельман приводит в книге «Грань веков» исторический факт, что по поручению Екатерины II знаменитый наставник швейцарец Лагарп должен был рассказывать о деяниях великого Македонца ее внуку, будущему императору Александру I. С большой долей вероятности инициатором другого проекта - написания картин о подвигах Александра Македонского могла выступить также сама императрица. Известно, что русскими художниками было создано несколько произведений о подвигах Александра Македонского. Небольшое барнаульское полотно с назидательным сюжетом логично вписывается в эту подборку картин.

Представляется возможным приоткрыть вопрос о самостоятельности этого живописного произведения. На наш взгляд, источником, послужившим исходным материалом для написания барнаульского полотна «Милость Александра», является картина известной европейской художницы Анжелики Кауфман (1741-1807).

В журнале «Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования» № 11 за 2012 год в рубрике «Советы коллекционеру», посвященной ручным часам воспроизведен один экспонат из собрания Музея Виктории и Альберта в Лондоне. Эти часы сами по себе не важны. А вот миниатюра на них привлекла наше внимание. Изображенная на ней сцена сильно напоминает хорошо знакомую картину из ГХМАК. Несмотря на неполное совпадение изображений, мы не сомневаемся, что в обоих случаях перед нами один и тот же сюжет - «Милость Александра», а значит, версия о сюжете из русской истории автоматически исключается. Заметим, что

часы из английского музея присутствуют всего лишь как анонимная иллюстрация к тексту. Однако «узнать» авторство Анжелики Кауфман не так уж и сложно. Тем более что история британского искусства свидетельствует о небывалой роли, которую играла тогда приезжая с континента художница. Всеобщее признание принесло ей вполне конкретные результаты. Воспользовавшись трудами технической революции, Анжелика Кауфман оставила широкий след в различных областях британского дизайна того времени, особенно печатных рисунках на фарфоре и гравюрах. У нее просто не было профессионалов-соперников. Как написала об этом явлении современный петербургский искусствовед: «это было время «кауфманий». У Анжелики Кауфман был и русский период творчества, ее живописные работы хранятся в национальных собраниях.

Возникает резонный вопрос: как такое родство возможно, как вообще соотносятся эти произведения искусства, созданные на большом расстоянии друг от друга и разделенные межнациональными границами? Очевидно, что русский художник, работая над картиной, воспользовался гравюрой с оригинального произведения знаменитой художницы. Однако наш художник проявляет себя не как простой копиист, а творчески переосмысливает сюжет. Он видоизменил композицию, ввел больше персонажей-статистов, усложнил композицию пейзажем, по-своему «раскрасил» характеристику главного героя. Вряд ли кауфманский Александр Македонский, утонченный дамский угодник, соответствовал национальным, в том числе и гендерным, представлениям русского художника XVIII века о самом мужественном военачальнике всех времен и народов. Неизвестный художник значительно переработал авторский замысел Анжелики Кауфман, внес свое представление и художническое умение о классическом герое.

Картина из ГХМАК считается творением анонимного автора, никаких версий на ее счет не возникало. Великобритания. Гравюры. Анжелика Кауфман. И русское продолжение этой истории... Этот ритмичный подбор и неизвестный русский художник. Невольно на ум приходит имя художника Гаврилы Ивановича Скородумова (1755-1792). Приходит и остается. Слишком много исторических фактов, их совпадений, чтобы так просто отказаться, отмахнуться от столь явной гипотезы. Первичное предположение об авторстве барнаульской картины именно этого художника мы считаем наиболее уместным и вероятным.

На данный момент автором статьи предлагается следующий вариант атрибуции картины: «Гаврилы Иванович Скородумов (?). «Семья Дария перед Александром Македонским». 1780-е годы».

Самым оригинальным является трактовка образа бородача (!) Александра, в раскрытии которого причудливо сочетается яркий русский этнический тип с несколько манерной, неестественно статуарной позой, восходящей к композиции прославленной скульптуры Аполлона Бельведерского.

Изучение новейшего периода литературы Алтая - и произведений, и институтов, и системы социального бытования - системно в крае не ведется. Определенные усилия предпринимаются филологами АГПУ, создана рабочая группа на ФМКФИП в классическом университете. Однако серьезных монографических исследований или диссертационных сочинений на эту тему мы пока не увидели. БЛ намерен в каждом номере публиковать аналитические материалы по новейшей истории нашей литературы. Возможно, они подтолкнут коллег-филологов на научные свершения.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ: К НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АЛТАЯ

Михаил
Гундарин.

Термин «писательская организация» применительно к общественному объединению членов союза писателей РФ, живущих в Алтайском крае (а вернее, уже и в Барнауле) активно употребляется сегодня в публицистическом контексте. Здесь писательская организация выступает как субъект социальной активности, выступающий в отношении с властями, читательской аудиторией и т.п. Причем - единственно полномочный для таких отношений субъект. Между тем эта субъектность в силу разного рода обстоятельств является лишь умозрительным конструктом, создание которого продолжалось с переменным успехом все постсоветское время. в самом деле, если мы спросим - какие писатели входят в эту организацию, а какие не входят? Может ли она выступать от имени всех членов союза (делегировано ли ей такое право)? Наконец, что это за «организация» с точки зрения формы собственности или внутренних управленческих принципов?

После распада «большого» Союза – союза советских писателей региональные организации ССП оказались перед выбором – к какому из вновь образовавшихся союзов примыкать. Основными из них стали Союз писателей России и Союз российских писателей. Первый в общественном сознании позиционировался как более «почвеннический», второй – «либеральный». Однако причины перехода региональных организаций под эгиду какого-либо из новых союзов носили характер не идеологический, а зачастую просто случайный – по принципу личного знакомства, налаженных связей с руководителями новых союзов. Во многих регионах России на базе ССП возникли как минимум две сравнимых между собой писательских организации.

Однако в Алтайском крае произошло иначе. Все «наследство» (имиджевое преимущество) ССП отошло к региональной

организации Союза писателей России. Долгое время региональная организация СПР была единственной значимой писательской организацией в крае. При этом формально писательская организация могла иметь различный статус, вовсе не связанный с московским СПР (к примеру, общественной организации, зарегистрированной в Алтайском крае).

История краевой писательской организации новейшего времени может быть поделена на три этапа.

Первый этап, девяностые, характеризовался, прежде всего, сохранением, консервацией наследия ССП. Для него характерна ожесточенная полемика с молодыми литераторами, крайне маленькое число вступивших в Союз (характерно, что писательская организация в то время игнорировала многие, даже резонансные начинания – например, всероссийский фестиваль «Мастерские модерна», прошедший в Барнауле в 1994 году). Отделение СПР пыталось сохранить еще советский статус «закрытого клуба», но в новых условиях, для чего было необходимо привлечение спонсорских средств и бюджетной поддержки. (Практически всякая материальная поддержка из центра прекратилась, Алтайское книжное издательство прекратило свое существование) Как вспоминал писатель, член СПР Иван Мордовин, «перемены 1990-х годов свели помощь государства на нет... Более того, по закону государство и не должно содержать общественные организации, так что все мы фактически оказались в свободном плавании, как какой-нибудь условный клуб любителей пива или защиты животных. Сами искали спонсоров, выживали как могли».

Эти задачи были главными для избранного руководителем организации в 1990 году прозаика Ю. Козлов, а затем, с 1996 года, сменившего Козлова-прозаика и удачливого предпринимателя В. Свинцова. Следует

отметить, что в целом руководство писательской организации справлялось с обозначенными задачами. Находились спонсоры, власть шла на сотрудничество достаточно охотно (достаточно вспомнить, что журналы «Алтай» и «Барнаул» издавались за счет краевого и городского бюджетов, и это во времена тотального бюджетного дефицита). Представляется, что вниманию со стороны властей способствовал наработанный ССП имиджевый капитал авторитетной, влиятельной общественной силы. Уже поэтому, конечно, статус писательской организации был несоизмеримо выше, чем у упомянутых Мордовиним «Филателистов». Этого остаточного капитала хватило до середины 90-х.

В 1996 году организацию возглавил В.Свинцов, что стало настоящей находкой (а возможно, и спасением) для нее. Свинцов, имевший богатый жизненный опыт и обширные связи, сумел поставить денежные поступления в писательскую организацию на широкую ногу. Была создана организация Фонд творческих инициатив, в которой аккумулировались средства, иногда немалые. Вот как описывает это время официальный источник организации: «В столь трудное время реформ и «антиреформ», поставивших профессиональных писателей и вовсе на грань нищеты (ни издательства своего, ни заработка), нужен был именно такой человек, как В. Свинцов, энергичный, доброжелательный и предприимчивый. Эти качества и определили всю его дальнейшую деятельность. Владимир Свинцов добился главного – более тесного контакта с краевыми и городскими руководителями. И руководители края и города с пониманием отнеслись и относятся к нуждам писателей, нередко и сами заходят в писательскую организацию – и не просто сочувствуют, а стараются поддержать писателей, помочь материально. Так, несмотря на «напряженный» бюджет, глава администрации края Александр Александрович Суриков поддерживает финансирование не только писательской организации, но и журнала «Алтай», а мэр Барнаула Владимир Николаевич Баварин добился перевода журнала «Барнаул» на «кошт» городского бюджета, поддерживают журнал и районные администрации города. Большая (и очень важная не только в материальном, но и в общественно-политическом аспекте) поддержка писательской организации была оказана краевой администрацией в издании многотомной Библиотеки «Писатели Алтая». Еще один штрих из газетной публикации о В. Свинцове: «У него 118 ручек с золотым пером. Эстет! Пока не было компьютера, писал ручками. Начиная новое произведение, покупал новую - с золотым пером».

К началу нового века писательская организация была одной из самых крупных в Сибири - 42 члена Союза писателей. Сложился определенный круг традиционных мероприятий и даже обрядов. Среди них развитая система литературных премий (более 10 ежегодно). Так, например, вруча-

лась Премия имени В. Бианки (ее спонсором выступало тепличное хозяйство «Индустриальное»). «Сибирьэнергоуглеснаб» и «Алтайкапиталбанк» были спонсорами Шукшинских премий. «Алтайсбербанк» и «Сибирская компания» - спонсорами премии «Лучшая книга года» и т.д. Ситуацию с огромным количеством премий откровенно комментирует официальный источник: «Обилие премий не должно пугать. Просто нужно понять: присуждение той или иной премии прозаику или поэту носит не только оценочно-поощрительный характер, что, разумеется, тоже не исключено, но и характер благотворительной поддержки, без которой выжить сегодня писателю, как и всей литературе, весьма и весьма проблематично. Увы, и это знак времени».

Проводилось также множество «именных» литературных чтений (также более десятка, среди них Мерзлякинские, Егоровские, Башуновские и т.д.). Ежегодно в Покровском храме или в Никольской церкви проходили Дни поминовения умерших писателей. У организации были тесные контакты с властями – так, в 1999 году тогдашний глава региона А. Суриков выступал на открытии семинара молодых литераторов (проведение таких мероприятий было возобновлено после 10-летнего перерыва в 1997 году). Участвовали писатели и в предвыборных кампаниях Сурикова.

Выходило несколько книжных серий, отбор произведений осуществлялся строго членами писательской организации, что, с одной стороны, поддерживало членов организации, с другой - в 90-е годы означало фактически невозможность издания для тех, кто не входил в эту когорту. Ситуация с этим была аналогичной советской. Как сказано в официальном источнике писательской организации, «за пять лет (1996 - 2001) с помощью писательской организации, издано более 50 книг членов Союза писателей». При этом представители писательской организации постоянно выступали в печати с жесткой критикой изданий, осуществленных за свой счет или за счет спонсоров, то есть не прошедших отбор и не получивших

В 1996 году организацию возглавил В.Свинцов, что стало настоящей находкой (а возможно, и спасением) для нее.

санкцию писательской организации (за неимением в регионе профессиональных издательских институтов). Вот как писал об этом А. Кирилин уже в наше время: «Я не знаю ни одного литератора, а большинство из них близко не подпустили бы к порогу издательства два десятка лет назад именно по творческим мотивам, кто при желании не издал бы свою книгу на деньги доброго дяди. Дядя не обязан быть сведущим в литературном творчестве, ему, может, это вообще не надо, а денег - нате, благому делу помогаю, расцвету отечественной словесности. Воистину, добрыми намерениями выслана дорога в ад!»

Ситуация с расширением организации долгое время сохранялась в рамках «советских» правил. Вступление в Союз намеренно затруднялось. Так, неудачной оказалась попытка вступления в него таких известных уже тогда авторов, как Н. Бажан и Н. Николенкова, а В. Тихонов — поэт и издатель — вступил в Союз «обходным путем», минуя утверждение региональной первичной организации.

Второй этап развития писательской организации (с середины 2000-х годов) характеризуется рядом кризисных явлений. Это было связано с внутренними (взаимоотношения отдельных членов организации) и внешними (постепенный отказ властей от финансового сотрудничества) причинами. Однако общим основанием для этого была утрата интереса к литературе в обществе, потеря социальной статусности самого звания «писателя». Как писал В. Свинцов в 2004 году, «боюсь, что в провинции профессия писателя уходит окончательно. Утрачен ее общественный статус, нет должной поддержки со стороны властей, никто не платит гонорары. Пишущий рано или поздно оказывается перед фактом: умереть с голоду или бросить писать и пойти в продавцы обувного магазина». (Можно предположить, что его уход с поста руководителя писательской организации был связан как раз с осознанием бесперспективности усилий в заявленном направлении.)

В Алтайском крае этот процесс развивался более медленно, чем в целом по стране. Однако его развитие было неизбежным.

Последним оплотом внутреннего единства писательской организации было сохранение статуса самой корпорации и «отстройка» от графоманов. При этом членство в Союзе понималось как своего рода «знак качества». Однако в связи с неизбежным расширением количества членов писательской организации (полное прекращение приема ставило бы организацию в тупиковую ситуацию и вычеркивало бы из влияния на литературный процесс), при падении требований к принимаемым, исчезала и эта функциональность. Как писал Д. Латышев, «пожалуй, основной задачей творческих союзов стало охранять себя от очевидной графомании. За этим следили очень ревностно, на всякий случай выбрасывая все чуть-чуть

непохожее (и так пропустили всю новую волну алтайской литературы, включая Ивана Жданова). Глубоко уязвленные, что литература существует помимо всяких творческих союзов, эти самые провинциальные союзы нашли себе нишу - отлавливать графоманов... А графоманы уже вышли на тропу войны, активно запрыгали вокруг Союза писателей. Ничего, им скоро откроют. Потому, что эпигоны уже сами устали быть такими серьезными хранителями чужого стиля. Хранить восемьдесят лет никогда тебе не принадлежавшее - это в некоторой степени подвиг, и теперь он подходит к концу».

Общественный взгляд на ситуацию в писательской организации середины первого десятилетия нового века, на наш взгляд, выражают следующие цитаты: «практически все активно пишущие писатели последнего десятилетия не являются членами СП и находятся в конфликте со «старой писательской гвардией», в последнее время активно пополняющей свои ряды за счет делающей первые литшаги молодежи студенческого возраста»; «Хочу обратить внимание: краевое писательское сообщество является общественной организацией (как, допустим, Союз журналистов, клуб шахматистов и пр.), но содержится почему-то на деньги налогоплательщиков. Меня удивила фраза, сказанная как-то одним из ее руководителей. Разговор зашел о том, что нигде в мире нет писательских организаций, находящихся на содержании у государства. Потому что все знают: халявные деньги, откуда бы они ни пришли, рано или поздно заканчиваются склоками и скандалами».

Речь идет о том, что в начале первого десятилетия нового века писательская организация раскололась на две части, получившие названия: «Алтайская краевая писательская организация» и «Алтайская краевая общественная организация профессиональных писателей». Одна из них, возглавляемая В. Вторушиным, А. Родиновым и А. Кирилиным, объединилась вокруг журнала «Алтай», покинув Дом Писателя. Характерный пример: проиграв после ухода В. Свинцова голосование свинцовской ставленнице Г. Колесниковой, Кирилин резко раскритиковал ситуацию в писательской организации, заявив: «Алтайская писательская организация развивается явно не в ту сторону. Напоминает полеводческую бригаду: труд оценивается по количеству гектаров и центнеров. Сейчас в составе АПО около 50 человек. Она разрастается за счет притока людей, которые не имеют к литературе никакого отношения. Один из литераторов как-то выразился по поводу ситуации в культурной сфере России: «мерзость и запустение». Я этот диагноз применяю к Алтайской писательской организации. А под руководством Галины Колесниковой она все больше напоминает кружок самодеятельности». Как сообщали СМИ, Кирилин демонстративно отказался от членства в СПР (впоследствии он дезавуировал свой шаг).

Свинцов отозвался на ситуацию следу-

ющим образом: «Это был личностный конфликт. Несколько амбициозно настроенных писателей захотели стать во главе организации, не понимая, какую ответственность они на себя берут. Смогли бы они решать насущные проблемы членов Союза, помогать им, вплоть до бытовых проблем? Находить средства на издание книг, содержание Дома литератора, организацию литературных вечеров, творческих командировок по районам края? Думаю, добейся некоторые из них власти, они бы окончательно развалили организацию. На обычных членов писательской организации эти распри никак не повлияли, все продолжают дружить и поддерживать нормальные отношения». Представляется, что последнее заявление не вполне соответствовало действительности...

Третий этап развития писательской организации связан прежде всего с тесным слиянием ее и автономного учреждения Алтайский дом литераторов, созданного в 2009 году для прямого влияния органов власти на литературный процесс (от его бюджетирования до определения издательской политики и т. п.). В момент создания заявлялось, что новое учреждение должно объединить литераторов Алтайского края независимо от их принадлежности к тому или иному творческому союзу или общественной организации. Однако заместителем директора АДЛ (ею с момента основания учреждения была член СПР Юлия Нифонтова) последовательно являлись все руководители писательской организации. Совместно (на бюджетные деньги) проводились литературные чтения, осуществлялось издание журнала «Алтай» и т. п. Пожалуй, наиболее масштабным (хотя и вызвавшим немало критики) стало проведение в Барнауле выездного семинара СПР и Всесибирского семинара молодых писателей в 2013 году.

Тем не менее «внутренняя» жизнь организации продолжается. Осуществляется несколько массовых приемов в СПР, последний по времени (6 человек) – в 2014 году. Регулярно обновляется управляющий состав.

После Свинцова организацию возглавляли Г. Колесникова и В. Тихонов. В декабре 2010 года секретарем писательской организации становится прозаик С. Бузмаков, после его отъезда из края, в 2012 году – А. Кирилин. При Кирилине обе части писательской организации «воссоединились», что не помешало нескольким крупным скандалам в писательской среде стать достоянием общественности. В связи с существованием АДЛ, а ранее прямым бюджетным финансированием деятельности писательской организации, в течение полутора десятилетий не утихала общественная дискуссия о том, правомерно ли тратить деньги дефицитного бюджета на литературу.

Даже после воссоединения организацию продолжали раздирать внутренние конфликты, нередко попадающие на страницы СМИ. Писательская организация лишилась

знакового актива – упомянутого Дома писателя (находившегося в муниципальной собственности). Как писал А. Кирилин позднее, «когда-нибудь историки и летописцы зададутся вопросом: с чего же начался крах Алтайской писательской организации? Может, с того времени, когда взяли да и покинули этот свет самые лучшие? А может, с того дня, когда в августе 2011 года проходившие мимо своей обители писатели увидели развороченный забор и обнаружили, что со двора Дома писателя свезен гараж, в котором, кстати, находилась машина...», а затем и регулярно выходящего органа – с 2015 года «Алтай» получает фактически статус альманаха с выходом 2 раза в год. Характерно и то, что в лауреаты издательского конкурса 2013 года не попал ни один (!) член СПР. Прекратили свое существование литературные студии при Союзе, деятельность которых не прекращалась даже в самые сложные времена.

В 2015 году АДЛ был ликвидирован в связи с бюджетной оптимизацией, его функции были переданы АКУНБ им. Шишкова.

Руководитель писательской организации А. Кирилин не раз публично высказывался о тяжелом состоянии современного литературного процесса и деятельности в этой сфере властей региона, в частности: «Одна из лучших региональных организаций Союза писателей России с точки зрения обеспеченности средствами, помещением, транспортом, изданиями за госсчет солидного журнала, участия в творческих поездках по региону стала одной из самых худших по тем же самым показателям... Ясно же всякому, что государству нет дела до национальной культуры, ему хватает интереса к культуре суррогатной».

В 2014 году бийские члены СПР образовали собственную организацию, таким образом краевая писательская организация в ее прежнем, пусть и квазиофициальном статусе (общественной организации, объединяющей членов СПР) де-факто перестала существовать.

В частности это означает, что даже квазиофициальным субъектом какой бы то ни было социальной активности (за пределами, конечно, протокольных мероприятий – общего собрания, совместно принятых ее членами деклараций и т. п.) «писательская организация» сегодня выступать не может. Очевидно, в условиях понижения (а по сути, и исчезновения) статусов, оскудения ресурсов, отсутствия социального признания писательского дела такая субъектность должна быть перенесена на отдельных писателей. Они, по крайней мере, отвечают за свои слова своими продуктами – книгами. И вынуждены обходиться без заемного и почти полностью порастраченного репутационного запаса советских времен.

А. Кирилин:
«Одна из лучших региональных организаций Союза писателей России с точки зрения обеспеченности средствами, помещением, транспортом, изданиями за госсчет солидного журнала, участия в творческих поездках по региону стала одной из самых худших по тем же самым показателям...»

Год литературы в Централизованной библиотечной системе г. Барнаула - это год возрождения ценности хорошей литературы, пристального внимания к книге и библиотечной деятельности, осознания особой роли и новых функций библиотеки в современном мире. Это отличная возможность напомнить горожанам о том, что читать необходимо, полезно и даже модно!

ЧИТАЕМ. ДУМАЕМ. ТВОРИМ!

Алла Истомина, директор
Муниципального бюджетного
учреждения «Централизованная
библиотечная система г. Барнаула»

В рамках Года литературы запланированы сотни мероприятий. Пройдут они во всех библиотеках Барнаула с учетом их специфики. Кроме праздников, таких как День славянской письменности и культуры, Всемирный день поэзии, будут организованы всевозможные литературные форумы. Просветительские акции «Библионочь», «Библиосумерки». Для детей - отдельный масштабный проект проведения летнего отдыха в библиотеке - «Библиоканикулы».

Сегодня библиотеки МБУ ЦБС г. Барнаула - это центры работы с книгой и продвижения чтения, центры общения и досуга, развития интеллектуального и творческого потенциала читателей.

В Год литературы муниципальными библиотеками проведено уже более 250 различных мероприятий, которые посетило свыше 7000 тысяч человек. Среди них: выставки, конференции, литературные круизы, медиаэкскурсии, творческие вечера, посвященные юбилейным датам, циклы встреч с писателями Алтая.

Безусловно, основное внимание в Год литературы должно уделяться детям, ибо читающий ребенок - это воспитанный взрослый, ценящий свою культуру и любящий свою Родину. Век Интернета предлагает альтернативу традиционному чтению книг. Но чтение с бумажного носителя важно в первую очередь для детей, ведь, соприкасаясь со страницами, они соприкасаются с культурой нашего народа, с его духовными ценностями. Вот и на наших мероприятиях дети окупятся в волшебный мир чтения и будут нацелены на дружбу с хорошей книгой, а через нее и с библиотекой.

Торжественное открытие Года литературы в России в библиотечной системе состоялось в конце января в музее редкой

книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева на выставке «Обрати свою душу к книге».

Выставку составила коллекция книг, ставшая классически безупречной благодаря своим высоким литературным достоинствам. Знаменательные и памятные даты, связанные с литературой, позволили вновь обратиться к именам российских и алтайских писателей и поэтов. Это книги признанных классиков, мэтров отечественной литературы, книги, которые читали и читают не одно поколение любителей чтения. Книги, которые стоит читать.

Книжно-иллюстративная экспозиция стала своеобразным путеводителем по главным литературным датам наступающего года. Юбиляров представили как академические издания художественной литературы второй половины XX в., так и раритетные, уникальные книги, ставшие библиографической редкостью. Например, «Собрание сочинений А.П. Чехова

в 12 т.», 1929 года издания, под общей редакцией Луначарского (приложение к журналу «Огонёк» за 1929 г.); «М. Шолохов. Тихий Дон», Москва, Типография полиграфического комбината В.М. Молотова, 1941 год; «Горе от ума» 1890 года выпуска и другие.

Открытие выставки стало очередным поводом для разговора на тему: «Что следует читать? Почему очень важно читать? Есть ли у нас хорошие книги?». Здесь, на выставке, мы их представили - это золотой фонд русской классики, который столь велик, что не хватит жизни, чтобы его весь прочитать.

О роли чтения рассказал декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ Сергей Мансков. В своей увлекательной речи он выбрал прагматичный подход: привел данные исследований, согласно которым успешные люди в основном регулярно читают серьезную литературу. «Будете читать книги - и у вас все получится!» - таким секретом поделился с молодежной аудиторией интеллектуал, оратор, книголюб, кандидат филологических наук Сергей Мансков.

В конце встречи состоялась первая презентация самого обсуждаемого и креативного календаря от PUNK YOU. creative & branding - «Барнаул. Год литературы». Арт-директор агентства Данил Снитко рассказал о вариантах и идеях при изготовлении городского календаря. Выбрали наиболее интересную - изобразить писателей на улицах, названных их именем. Свой рассказ Данил закончил словами: «Чтобы быть крутым, надо читать книги!»

В январе, на зимних каникулах, юные читатели приняли участие во II Зимней Литературной олимпиаде по чтению «Книжные приключения на каникулах», которая прошла в библиотеке №16, расположенной в микрорайоне Восточный, и была посвящена творчеству Ганса Христиана Андерсена (210 лет со дня рождения). Участниками олимпиады стали 146 ребят в возрасте от 7 до 10 лет, в финал вышли 20 человек, которые показали наилучшие знания произведений датского сказочника. Мероприятие проходило в форме так любимой ребятам квест-игры. Всем участникам предстояло пройти испытания волшебных комнат, в которых их встречали герои сказок Андерсена и множество любопытных заданий. Литературная игра прошла в праздничной атмосфере. Подобные игры - путешествия по сказочным произведениям очень популярны и вызывают живой интерес не только у юных участников, но и у родителей, учителей, педагогов.

Невозможно переоценить значимость проведения конкурсов чтецов для приобщения детей и подростков к живому родному и звучащему русскому слову. В дни

В январе, на зимних каникулах, юные читатели приняли участие во II Зимней литературной олимпиаде по чтению «Книжные приключения на каникулах», которая прошла в библиотеке №16, расположенной в микрорайоне Восточный, и была посвящена творчеству Ганса Христиана Андерсена.

весенних каникул в Библиотечно-информационном центре (библиотека № 35) в Неделю детской и юношеской книги состоялась IV Городской конкурс юных чтецов «За пером Жар-птицы», посвященный 200-летию со дня рождения П.П. Ершова. В торжественной обстановке прошли финальные слушания. В отборочном туре приняли участие более 300 ребят. В финал вышли 22 лучших чтеца. Не всем удалось получить призы, но почувствовать атмосферу праздника и хорошего настроения смогли и участники конкурса, и родители юных чтецов. На праздничном мероприятии ребят ждала красочная книжно-иллюстративная выставка «Тайны старой сказки», театрализованное представление, весёлые конкурсы и викторины, а также кукольный спектакль, подготовленный сотрудниками детской библиотеки № 30.

В рамках Недели детской и юношеской книги в библиотеках города прошли литературные праздники, читательские марафоны, презентации новых книг, громкие чтения, конкурсы чтецов, мастерские радости, познавательные игры, встречи с детскими писателями и многое другое.

Особое внимание в библиотеках уделялось творческим встречам с детскими писателями. В Центральной детской библиотеке им. Чуковского и детской библиотеке № 30 состоялись встречи с Ольгой Викторовной Кан. В библиотеках звучали стихи в исполнении автора, а желающие смогли задать интересующие вопросы поэте. Детская библиотека № 22 пригласила своих юных читателей на встречу с поэтессой Валентиной Крюковой, автором таких замечательных книг, как «Новый день»,

«Солнечный зайчик», «Детская площадка». Валентина Александровна Новичихина побывала с интересными выступлениями о своём творчестве в библиотеке № 15 и библиотеке № 18.

Ярко и увлекательно прошли дни Чукковского в Центральной детской библиотеке. Они были посвящены 90-летию сказки «Доктор Айболит». Малыши познакомились с историей появления сказки, поучаствовали в литературных чтениях «У книжки будет голос мой». Несомненно, такие мероприятия увлекают и заставляют возвращаться в детство к любимым сказочным героям.

Нынешний год объединил две актуальные для российского сообщества темы - литературы и юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Как нельзя лучше они дополняют и обогащают друг друга, помогая создавать яркий, правдивый и очень значимый образ русского человека - человека созидателя, а когда необходимо - защитника.

Трагизм и величие, скорбь и радость, боль и память. Всё это - история Великой Отечественной войны, ставшей одной из наиболее сложных и одновременно ярких страниц в летописи нашей Родины. Эти страницы написаны сотнями, а может быть, тысячами людей - историками, писателями, очевидцами тех событий, а также исследователями документного наследия. Безусловно, в этом ряду особое место занимают свидетельства участников войны, перенесенные на страницы художественных книг, воплощенные в литературных образах и размышлениях.

В память о людях, кто сменил свой штык на перо по окончании войны, 14 апреля в Мемориальной библиотеке им. В.М. Башунова состоялся вечер памяти «Друзей моих прекрасные черты...» в рамках фестиваля «Барнаульская весна», приуроченного к Году литературы и юбилею Победы. Встреча была посвящена барнаульским писателям-фронтовикам, которые в годы

Год литературы в Централизованной библиотечной системе г. Барнаула - калейдоскоп ярких и праздничных событий для детей и взрослых. Наши читатели - это люди разного возраста: и совсем юные, и молодежь, и наши бабушки и дедушки.

войны сражались в рядах защитников Отечества, а в мирное время ярко заявили о себе на литературном поприще. Среди тех, о ком шла речь на вечере, - М.Ф. Борисов, Н.Г. Дворцов, П.Н. Старцев, Л.И. Квин, В.С. Шевченко, М.И. Юдалевич, А.В. Гусев. На разных этапах жизненного пути для этих людей наш город стал родным, пожалуй, знаковым. Именно здесь они обрели известность, здесь увидело свет большинство произведений, ставших, говоря современным языком, настоящими бестселлерами, любимыми книгами для нескольких поколений. Многие писатели остались в памяти барнаульцев и как общественные деятели, и как наставники молодых авторов, а некоторые стали исследователями-краеведами, вписавшими в летопись Барнаула многие страницы.

Своими воспоминаниями о коллегах-фронтовиках поделились писатели следующего за фронтовым поколения: А. Кирилин, С. Вторушин, В. Коржов, В. Новичихина. Каждый из них по-доброму, с уважением рассказал о сохранившихся в памяти эпизодах прошлого, связанного с ветеранами: рабочих моментах и встречах в неформальной обстановке, учебе в литературных объединениях, возглавляемых М.И. Юдалевичем, Л.И. Квином, В.С. Шевченко. Выступавшие на вечере памяти, затрагивавшие самые разные стороны жизни и творчества этих мэтров, были едины в обобщающей оценке - все алтайские писатели - представители военного поколения были не просто интересными людьми, они были многогранными личностями, интеллигентными, интеллектуальными и очень требовательными к себе.

Особый трепет вызывают личные вещи известных людей, хранящиеся в домашних архивах и архивах учреждений. Пришедшим на вечер была предоставлена уникальная возможность познакомиться с фондом документов Л.И. Квина, сформированного ГМИЛИКА. О нем рассказала сотрудник музея С. Жулина. В нашей библиотеке в этот день можно было увидеть рукописи, первые издания ранних произведений писателя, рецензии и письменные принадлежности, которыми были написаны и исправлены многие страницы текстов. Эти вещи создали неповторимый эмоциональный настрой.

Интересные факты из прошлого озвучил журналист Е. Платунов, разыскавший документы, которые не были ранее представлены широкому кругу читателей.

На вечере присутствовали дети писателей: дочь Н. Дворцова Татьяна Николаевна Гущина и сын Л.И. Квина - Анатолий Львович Квин. Они поблагодарили за память об отцах и других участниках войны и призвали читать книги, написанные на основе пережитого, запечатлевшие ужасы войны, мужество людей. Как сказала Та-

тьяна Николаевна Гущина, главное достоинство людей военного поколения заключается в том, что они сумели сохранить в себе нравственную чистоту и жизнелюбие.

В том, что память о войне и ее героях жива, свидетельствует интерес барнаульских школьников к произведениям алтайских писателей-фронтовиков. В мероприятии приняли участие победители конкурса чтецов произведений алтайских писателей-фронтовиков «Литературная аллея славы», организованного библиотекой им. В.М. Башунова.

Выставка, организованная в рамках юбилейных мероприятий, дала возможность познакомиться с произведениями авторов, памяти которых был посвящен вечер. Среди экспонатов были настоящие раритеты - книги, вышедшие в свет в 40 - 50 -е годы и не переиздававшиеся позднее.

Грандиозным событием в жизни города стал парад костюмированных героев «Vivat, библиотека!», который состоялся впервые в парке культуры и отдыха Центрального района. Литературные герои пришли в парк, чтобы поздравить жителей города, любителей книги и изящного слова с Общероссийским днем библиотек. Сотрудники библиотек перевоплотились в книжных героев и погрузили посетителей в настоящую сказку. Окруженные гурьбой любопытных ребятишек, сотрудники устраивали испытания на ловкость и, конечно же, на знание литературных произведений. Так, библиотека №17 предстала Берендеевым царством, заведовали которым домовенок Кузя и Баба-яга. Приглашение в сказочную страну Лукоморье организовали библиотеки №11 и №18. Всюду проводились мастер-классы, где детей учили разным видам творчества - прямо ярмарка талантов!

Ведущими праздника были три библиотекаря из разных эпох - возвышенная и чуткая дама из Серебряного века, преданная большевичка 1930-х и представительница современности. Такие разные, но одинаково любящие книги, женщины рассуждали, а порой и спорили о профессии библиотекаря, о литературе.

Всем известно, что «классики - это вечные современники». Классическая литература никогда не теряет своей актуальности. И сегодня, как и раньше, барнаульцы читают Пушкина и открывают заново для себя великого поэта. Конкурс чтецов «Город читает Пушкина» уже не первый год радует любителей творчества великого поэта. В этом году в конкурсе приняли участие около 300 горожан разного возраста. Каждый участник конкурса говорил о своей любви к творчеству поэта. Торжественное награждение победителей III Городского конкурса чтецов «Город читает Пушкина» состоялось у памятника Александру Сергеевичу. В сквере была представлена выставка-приглашение «Мой Пушкин, каждую строкою я говорю с тобою...», разработанная сотрудниками библиотеки №10 им. А.С. Пушкина. В экспозиции были представлены редкие книги, раритетные издания произведений А.С. Пушкина, показаны биографические материалы. Данный конкурс занял достойное место в череде ярких культурных событий городской жизни.

Год литературы в Централизованной библиотечной системе г. Барнаула - калейдоскоп ярких и праздничных событий для детей и взрослых. Наши читатели - это люди разного возраста: и совсем юные, и молодежь, и наши бабушки и дедушки. Это студенты и ученые, рабочие и служащие, просто наши современники. И всем им нужны книги, а значит, и библиотеки. Вместе с ними мы наполняем каждый день интересным и познавательным чтением, новой литературой, которые дадут импульс к творческому развитию, душевным поискам и радости чтения. Однако год еще не закончился, а это значит, работа в этом направлении будет продолжена новыми встречами, литературными поединками, лирическими вернисажами и конкурсами.

Что бы почитать? Именно этим вопросом мы задаемся, когда приходим в библиотеку или книжный супермаркет. Выбрать вам. Когда фамилия автора на слуху, мы невольно, инстинктивно, отдаем предпочтение именно его книге. Но лучше, конечно, проконсультироваться с куратором библиотеки, какую книгу выбрать, а какую пропустить.

Год литературы продолжается. Предлагаем в этот год при встрече вместо дежурного «Как дела?» спрашивать друг друга: «Что ты читаешь?»

В Барнауле осуществлен по-настоящему большой околотературный проект - Поэтический баттл «ГОВОРИ». Благодаря Информационному каналу «Наши новости» и энтузиазму организаторов, город получил шоу, которого раньше просто не было.

ГОВОРИ!

Артемий Панченко, автор проекта

На стадии задумки баттл (то есть состязание, поединок в современном словоупотреблении) «ГОВОРИ» выглядел как статичный дуэльно-поэтический междусобойчик, в котором за минуту, отведенную на экране таймером, автор должен был совершить словесный выстрел в другого автора. Акцент был на мимику, артикуляцию, экспрессию и вообще на сам текст. Но уже на стадии съемок жеребьевки мы поняли, что все у нас будет по-другому. Наши поэты читали стихи друг другу глаза в глаза, а зрители и жюри решали, кто должен пройти в следующий тур. На самом деле сложно было реализовать изначальную задумку таким образом, чтобы она получилась нескучной, потому что наша команда состояла из абсолютно разных ребят. Ну и, действительно, где мы в Барнауле наберем 16 пишущих стихи актеров, которые бы изъявили желание поучаствовать в баттле и не слились к началу? И уже где-то к середине первого тура мы сами заметили, что такие одинаковые чтения могут быстро наскучить, поэтому стали думать, как бы разнообразить проект.

Второй тур снимался тоже в студии, но каждая дуэльная пара имела свою локацию в ней. Темой раунда стало «Обращение к себе», поэтому в центре декорации находилось зеркало, а участникам была дана воля в саморежиссуре - обыграть, как должно выглядеть на экране их «самобичевание». Сложнее всего было потом монтировать. Авторы были в кадре в двух ипостасях, которые вели поэтический диалог друг с другом, и нужно было правильно выбрать переходы и ракурсы, да еще чтобы и губы успевали за звуком. Потому что звук записывался всегда отдельно. Элементы динамики здесь заключались в том, что авторы входили в

кадр и выходили из него (вполне актерски причем, некоторым даже понадобилось несколько дублей для этого), и это был лишь небольшой толчок для разгона в третьем раунде.

А к третьему туру нам самим уже показалось, что стены студии слишком ограничили наш полет фантазии. К тому же снимать его мы начали как раз в день рождения великого Александра Сергеевича, и сам бог велел выйти в люди. Мы и вышли - как положено читать стихи людям, на табуреточке. Теперь-то я сам понимаю, что таким я видел проект где-то в глубине души изначально, потому что нет правды в статике. Чтобы создать что-то глобальное, нужно быть самому причастным к этому глобальному. В нашем случае - к городу. И город откликнулся. Во время съемок нас прохожие спрашивали: «О, вы тут своё «Говори»

снимаете?», а некоторые высовывались с балконов соседних зданий и просили читать погромче. И вот здесь, когда наши участники прикоснулись к глобальному, и почувствовался их актерско-литературный рост. А дальше пришла пора индивидуализировать каждого участника.

Четвертый тур состоял из битвы за 3-е место и самого финала. И чтобы зритель смог уже окончательно определиться, мы позволили финалистам выбрать собственную локацию в городе - любимое место. И выбор каждого оказался весьма удачным и показательным, кстати. Крыша дома, старый речпорт, Дом архитектора и двор детства - дух локаций идеально соответствовал духу стихотворений финала. Получились такие мини-клипы на стихи, и это, как я считаю, - новый тренд в культуре.

Подводя итоги, скажу, что с самого начала все, связанное с баттлом, бурлило эмоциями. Хорошими и плохими. Кто-то становился счастливым, кто-то обретал себя и избавлялся от комплексов, а кто-то болезненно реагировал на проигрыш или критиковал жюри почему зря. Но даже в этом есть свои плюсы, ведь стихи тоже пишутся о разном - должен быть баланс в мире. Победила в нашем проекте Катя Мергасова - доктор из кардиоцентра, пишущий стихи. Главный приз - авторский сборник стихов - она благородно решила разделить со всеми остальными участниками проекта. Мы уже вовсю верстаем, редактируем и скоро выпустим его в свет. Будет ли второй именно поэтический сезон, пока не знаю, но очень хотелось бы его сделать. Потому что к финалу появилась куча нереализованных

С самого начала все, связанное с баттлом, бурлило эмоциями. Хорошими и плохими. Кто-то становился счастливым, кто-то обретал себя и избавлялся от комплексов, а кто-то болезненно реагировал на проигрыш или критиковал жюри почему зря. Но даже в этом есть свои плюсы, ведь стихи тоже пишутся о разном - должен быть баланс в мире.

задумок, которые так и просятся наружу. Год литературы еще не закончился, у нас еще впереди осень, поэтому что-то точно будет. Тем более что поэтическим баттлом «ГОВОРИ» уже заинтересовались в других регионах.

Поэтому ждите продолжения!

Настоящая поэзия всегда мифологична. Поэт, создавая собственную реальность, становится Демиургом, дающим имена предметам и явлениям. Как это делал Адам и библейские пророки. Поэзия Елены Безруковой из этого ряда.

Сергей
Мансков

ПОЭТИКА ЕЛЕНА БЕЗРУКОВОЙ (Сборник «Книга ветра»)

Первый сборник «После таянья льда» вышел 2000 году под редакцией Башунова. Выбор редактора многое объясняет - Владимир Мефодьевич активный поборник классического стиха, восходящего к пушкинским традициям. Традиционная поэзия, приверженцем которой был редактор двух первых книг Безруковой, безусловно, принадлежит к пророческому и сакральному типу словесности. Сама Елена Безрукова писала: «Для меня Владимир Мефодьевич был очень органичен миру, где существуют явления Пушкина и Басе, именно так (Безрукова, 2010: 20). Проба пера «После таянья льда» удалась, но поэзия в этом маленьком сборнике исключительно женского свойства: детство, любовь, поиск своего места в мире. Первая книга во многом ученическая: идет поиск бытийной концепции, выставляются «арматуры» будущего целостного художественного мира, осуществляется апробация формы. Здесь и акцентный стих, и классическая строфика с безупречно точной рифмой, и удивительная музыкальность. 36 страниц, 28 стихотворений. Но уже в этих текстах просматривается векторное движение к космизму, который станет главной мировоззренческой чертой у зрелой Безруковой с ее пристальным вниманием в к микро- и макрокосму. Интересно, что в отличие от старшей коллеги по цеху Натальи Николенковой в творческой лаборатории начинающей поэтессы нет топонимов, нет ономастики - все очень широко и всеохватно. Формируется некий бинарный поэтический миф, развивающийся в остальных книгах. Финальные строки последнего стихотворения сборника звучат как декларация: «...Если мы одиноки - то попросту мы повзросле-

ли. И пора выходить на большой и неведомый путь» (Безрукова, 2000: 35).

Следующие сборники идут с «олимпийской периодичностью» - один в четыре года. В 2004 году выходит «Набросок», после этого в 2008-м - «Ре». Небольшие книжки выходят в барнаульских издательствах, хотя в первое десятилетие XX века Елена Безрукова публикуется в «Сибирских огнях», «Роман-журнале» и других столичных изданиях.

В некотором смысле итоговой книгой становится вышедший в 2015 году в Санкт-Петербургской серии «Библиотека российской поэзии» сборник «Книга ветра».

Уже название сборника вполне вписывает находящиеся внутри творения в традицию: принятая во многих культурах «Книга дней», «Книга травы» А. Тарковского, библейская «Книга книг». «Книга ветра» - тоже своего рода попытка построения собственного художественного бытия, которое вырастает на мифологическом и культурном фундаменте.

Мир этого сборника двоичен. Для лирической героини принципиально наличие границ между внешними пространствами, между внутренним и внешним, между временными пластинами. Она находится все время у какой-то черты. Ограниченность идет и по вертикали, и по горизонтали. Именно по этой причине очень много линейных символов: нить, черта, край, граница, порог. Именно по этой причине создается пограничная предметность: переходя черту, где гаснет свет...; продольный штрих; карандашный отточный штрих; и дорожную нить провела; линия, вектор, градусника шкала; где голоса как нитки порваны; ниточку безумья твоего; и понесет на ниточке по свету; мандельштамовы

нити распутывать и мотать в перезрелый клубок; дорога, мы на твоей растяжке. Делимитация мира декларируется: Когда в миру благословенном Нам стало страшно без границ (Безрукова, 2015, 94). Излюбленный образ нити, восходящий к классической мифологии Ариадны и Тезея, становится многозначным. С одной стороны, нить разделяет миры и личности, с другой - сохраняет культурную инертность, которая восходит к ситуации выхода из лабиринта. Но в мире Е. Безруковой этот выход оригинален - чтобы преодолеть внешнюю делимитацию, необходимо уйти в себя и через микрокосм выйти к неким сакральным тайнам Бытия. Движение внутрь связано с протяженностью. Формируются устойчивые прагматические парадигмы: вены-реки, сердце - центр, мир - тело - книга, течение - река - речь. Внутренний мир подвижен и направлен к поиску смысла. И здесь одним из самых частотных и важных соматических составляющих становится движение крови, традиционно тождественной в мифологическом контексте душе.

Перемещение во времени в этой же плоскости связано с пространством детства - безусловной аксиологической ценности для Е. Безруковой. Причем «детский текст» формируется двумя пластами: собственными воспоминаниями и нынешним детством сына. Два этих пласта органично соединяются с мотивами «детства - творения», где лирическая героиня - аналог ребенка, дающего имена предметам.

Пограничность мира во многом подчеркивается художественным цветосимволизмом. В ранних сборниках минимально представлены полихромные тона. Мир бинарен и черно-бел. В «Книге ветра» появляются зеленый и голубой цвета, но они все равно находятся на периферии мира, так как главное здесь наличие света. А монохромные цвета измеряются именно по насыщенности светом. Граница часто носит световой характер: Свечной огонь мне капает в глаза, Как будто между нами нет границы (Безрукова, 2004: 22).

Все эти в общем-то обычные для русской поэзии уровни и образы восходят к неорационалистской поэтике. Сама поэтесса неоднократно подчеркивала влияние Арсения Тарковского. Стихотворение «И странное свечение во мне...» имеет эпиграф из этого «последнего поэта Серебряного века» (термин В. Агеносова). Елена Безрукова активно продолжает Арсения Тарковского, используя его образную систему и темы. Но это не эпигонство, это - продолжение традиции с выходом на новый концептуальный уровень. Квинтэссенцией поэтической лексики, синтаксиса, мотивов, приемов Арсения Тарковского, переосмысленных и транслированных в собственную художественную систему, стало стихотворение

«Протяжное сплетение корней»:

*Протяжное сплетение корней,
Ветвей, и проводов, и рек, и бродов...
Я в бронхи мира вплетена, верней -
Я воздух в их подземных переходах.*

*Еще не жизнь, а только кровотоков.
Еще не плод, но музыка над садом.
Услышь, как распускается листок,
Заранее пронизан листопадом!*

*Скрипичным вздохом, выпавшим из рук,
Замри в огромном небе и не стелуй:
Вот-вот смычок в тебя проденет звук
И понесет по ниточке по свету*
(Безрукова, 2015: 137).

Интертекстуальные отношения формируются на разных уровнях, начиная от аллюзивного и кончая прямым цитированием. «Словарь», «Я учился траве, раскрывая тетрадь...», «Превращение», «После войны» - вот главный претекст лирики Е. Безруковой. Но если лирический герой Арсения Александровича был протестичен и пантеистичен, растворяясь и сливаясь с миром - ему не нужно говорить, чтобы внешний мир его понял, то уход в микромир лирической героини создает интереснейшую и оригинальную систему способов восприятия мира. Пожалуй, внутренний соматизм - главная оригинальная черта поэтики Е. Безруковой. И здесь часто весьма ограниченная в других случаях женственность становится космической: И выйдут сроки, и нахлынут ноты, Горячие, соленые на вкус... (Безрукова, 2004: 15). Внутри лирической героини удивительным образом соединяются собственные телесные ощущения, ощущения гармонии (или отсутствия гармонии мира) и мир творения. В двух строках музыка мира, которую можно почувствовать на вкус, ощутить температуру и, главное, - понять суть. Телесность в художественном мире становится неким мерилем: Неспроста так больно глаза горят, Будто в них по острой звезде упало... По ту сторону зренья - такие снега, Что я, падая в них, утопаю в пояс... Я несла в животе голос горькой звезды... Есть в этой системе и парадоксы, и неологизмы, но не они создают особый взгляд на мир. Через зрение, ольфакторный код, тактильность, вкус и что-то еще, выдуманное самой поэтессой, мы понимаем устройство Бытия. А это главная задача любого творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Безрукова Елена. После таянья льда. Стихи. Барнаул, «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. - 36 с.
Безрукова Елена. Набросок. Стихотворения. Барнаул, 2004. Библиотека журнала «Алтай». - 112 с.
Безрукова Елена. Ре. Барнаул, 2008. - 64 с.
Безрукова Елена. Таинственный праздник // Отблеск твой мою память колыхает. Воспоминания о поэте Владимире Башунове. Барнаул, 2010. - 176 с.
Безрукова Елена. Книга ветра. СПб, 2015. - 144 с.
Тарковский Арсений. Белый день. М., 1997. - 384 с.

Мир этого сборника двоичен. Для лирической героини принципиально наличие границ между внешними пространствами, между внутренним и внешним, между временными пластами. Она находится все время у какой-то черты.

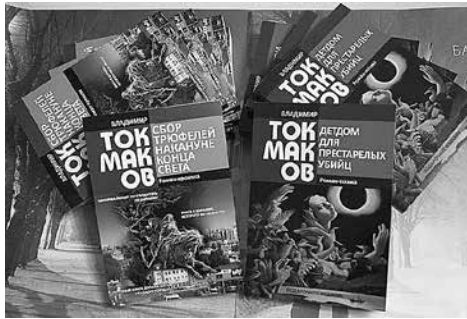
Сегодняшний обзор касается книг, которые вышли у гостей Шукшинских дней сравнительно недавно, а в некоторых случаях – буквально только что. Приглашенные писатели читали из них стихи и прозу, они дарили эти книги публике. Кому не досталось, могут взять в библиотеке. Если захотят после мнения наших рецензентов.

Иван Акаев,
Алексей
Никифоров

ЧТО ПРИВЕЗЕНО НА ПИКЕТ?

ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ.

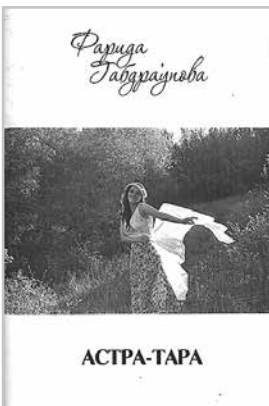
ДЕТДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ УБИЙЦ. БАРНАУЛ, 2015

Владимир Токмаков переиздал свой старый роман «Детдом для престарелых убийц». С одной стороны, это срез легендарных девяностых (текст снабжен современными ему критическими рецепциями, литературной полемикой «по поводу», мемуарами «Авангардисты»), с другой – автору хотелось собрать под одной обложкой как можно больше неизданных вещей (ма-

лая проза «Самогон», раритетный поэтический сборник «Боязнь темноты», полемика о Шукшинской премии алтайских диссидентов-подписантов). «Книгу сейчас издать – целая проблема», – оправдывает пестроту издания критический реалист. Есть и психологический мотив: в третьей редакции романа-поэмы сняты некоторые умолчания и маски: главный герой живет в Барнауле и работает в газете «Вечерний Барнаул».

Дебютная проза эта не потускнела со временем. Первую толстую книгу Владимир писал, как Олеша свою «Зависть», – с бесчисленными вариантами, писал коротко, остроумно, пятнами. Он и сам понимает, что это дневниковая и хроникальная вещь, сшитая на белую нитку. Не так важны перемещения героя, история его болезни. Важно своеволие, желание по-достоевски ударить молотком капризную реальность: незадачливый журналист Глеб Борисович и главный протагонист искренне ее ненавидят.

ФАРИДА ГАБДРАУПОВА. АСТРА-ТАРА. БАРНАУЛ, 2015

Пятая книга Фариды Габдрауповой посвящена романтической любви. Стихи просто брызжут юностью. Куда бы ни пришла поэтесса – всюду видит она прекрасных принцев и мифологических персонажей, с горделивым огнем в ресницах и стройным станом. Темы... Ну какие темы? Женское кокетство, «сломался каблук», «сегодня я выгляжу на все сто», «скоро ноябрь». Болтовня ни о чем, но с поистине мандельштамовской пластикой, нервным, скрипичным интонированием. Кому-то эти стихи покажутся смешны и нелепы, кого-то поразят в самое сердце, если «не следить контекст». Жаль, конечно, что корректором выступила сама Фарида – все-таки слово «внучик» пишется через «е», хоть и рифмуется с «лучик».

*Тем, кто знал тебя юношей светлым,
Я завидую завистью темной.
Рот набухший бутон, в голове ветер
И волос воронье волны!*

ЕВГЕНИЯ ТКАЛИЧ.

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА. БАРНАУЛ, 2014, С. 80

Евгения Ткалич взялась на нашем литполе словно ниоткуда. Может, переехала на Алтай, а может — вплоть до пенсионного возраста сидела в дебрях литстудий. Но теперь студии, как известно, закрыли, а их воспитанники пустились в самостоятельное поэзоплавание. И публикуют, например, такое.

Бессмыслен поиск.

И случайны встречи.

И нет пророков в наших палестинах.

И не воздастся —

Некому и нечем.

И немые вопиющие в пустыне.

Из предыдущего абзаца вы поняли, что мнение рецензента об этих стихах не слишком высоко. Но есть здесь и то, что приятно отличает книжку от десятков аналогичных собраний. Кстати, помимо сравнительно высокой поэтической культуры — ее я тоже отмечу. Это попытка повествовательного стиха. Такой стих позволяет уйти от дутого пафоса и трескучих банальностей. Уйти, да, но не более — дойти до неких высот у Ткалич не получается. Поэма «Наследство» попросту косноязычна и беспомощна, а вот история в стихах «Жильцам первых этажей» даже неплоха.

МАРИЯ ВАТУТИНА. НЕБО В АЛМАЗАХ. МОСКВА, 2015, С. 87

Мария Ватутина — представитель нового мейнстрима в женской поэзии. Стихи ее, как и полагается, переполнены эмоциями и переживаниями, но, в отличие от Фариды открывать их все и сразу она не спешит. Рецепт таков — подваливать в топку по полешку, топить, завлекать читателя, чтобы потом, в финале, выдать настоящий пожар страстей. При выступлении это работает на публику с большим эффектом.

При этом в стихах Марии множество реальных женского быта и быта вообще, здесь хватает намеренных прозаизмов и вполне себе циничных оборотов среди высокого штиля. Вполне по-женски и по-современному. Марина Цветаева, пропущенная через фильтр Бродского, — как и у законода-

тельницы мод такого стиля Веры Полозковой:

*голосовали колесовали,
а ты колесил.
эники-беники все говорят,
нет сил.
а я-то вижу господь тебя
еще не погасил.*

При этом (видимо, потому что пишет Ватутина гораздо дольше Полозковой) Цветаева порой берет верх, и тогда появляется нечто в манере Фариды и многих-многих других поэтесс.

*Нет мне уже не стать моложе,
Сироточке,
Но ожил вдруг лоскутик кожи
На родничке.*

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ. МУЗЕЙ ИМЕНИ ДАНТЕ. МОСКВА, 2013, С. 416

Это единственная из обозреваемых книг, изданная в «настоящем» издательстве, да еще и престижном — ЭКСМО. Да и Шульпяков, помимо неких литрегалей, еще и медийная персона. Вернее, был таковой, пока его программу на канале «Культура» не закрыли. Программа была неплохой, стихи тоже у Глеба по-своему неплохи, проза — сильно на любителя. История полуудачника (ну, правда, он гораздо ниже по статусу, чем у успешного Шульпякова) в романе накладывается на исторические параллели, древние истории и современные приключения. Есть еще история Большой Любви. Короче, все как доктор прописал, а чего-то не выходит.

Приведу цитату для порядка (как раз о Big Love): «В шкафу его рубашки висели теперь рядом с ее платьями. Просыпались и укладывались они тоже вместе. Ужинали, смотрели телевизор. Все это тривиальные вещи, но, испытанные впервые, они навсегда остаются в памяти. Ни забыть, ни вытравить их невозможно. Вот и его память зачем-то хранила Анину вечно расхристанную зубную щетку. Каким шампунем она пользовалась. Как постоянно забывала закрутить на тюбике крышку и та вечно закатывалась. Желтую губку и бирку на пизжаме. Перед его глазами чашка, из которой она пила кофе. Недокуренная сигарета со следами кофе или помады. В каком порядке стояла в коридоре обувь. Вот Анин зонтик с рисунком английского флага, вот ложка для обуви. Плетеные тапки со смятыми задниками». Сами видите — то, да не то.

Впрочем, мне известны ценители шульпяковской прозы. Даже пылкие. Бывает.

В Выставочном зале Союза художников в июне - июле проходили персональные выставки, объединенные общим названием «Откройте дверь в наш мир».

Дмитрий
Золотарев

ПРАЗДНИКИ ЖИВОПИСИ

Героями вернисажей стали 3 художника: Николай Клековкин (1955), Лидия Селезнева (1960), Петр Кудинов (1950). У художников в разные годы в Барнауле проходили персональные выставки. Вместе их собрали юбилейные даты. Без всяких преувеличений и натяжек они все – лучшие современные алтайские живописцы. Каждая из представленных персональных выставок – это настоящий шедевр. А три таких мощных вернисажа, собранные вместе, – это исключительное по воздействию и впечатлению художественное событие.

Общее название выставки, как нельзя лучше характеризует проект: мир искусства вобрал три личности, исповедующие культ высокой живописи. Художники с собственными творческими манерами, с жанровыми пристрастиями очень тонко, душевно и правдиво раскрывают зрителю образы зримого, знакомого нам окружающего мира. Эти живописцы не только активно пишут пейзажи (особенно Николай Клековкин и Лидия Селезнева), но и успешно проявляют себя в других жанрах изобразительного искусства. Сближает всех художников трепетное и любовное отношение к природе Алтая.

Николай Клековкин известен как первостатейный пейзажист. В молодости он испытал сильное влияние знаменитого алтайского художника Александра Ботева. В некоторых работах Клековкина влияние «школы Ботева» заметно до сих пор. Впрочем, этот художник уже нашел свой, самостоятельный путь в искусстве, что вовсе не означает отказ от дальнейших поисков. Широкую известность принесли художнику не его картины, а грандиозное по замыслу и исполнению, уникальное так называемое «Царь-блюдо» (его изготовление заняло около года). Художник обессмертил в своих полотнах малоизвестное село Майорка. Открытием стала его камерная очень тщательно исполненная графика с деревенскими сюжетами.

Лидия Селезнева выставляется персонально в Союзе художников во второй раз, первая ее «персоналка» проходила 5 лет назад. Для художницы важен интерес к крупноформатной, тематической картине, что в нынешних обстоятельствах является абсолютно уникальным случаем. Основными темами полотен художница выбрала костюмированные женские образы в деревенской одежде начала XX века и образы современниц. Лидия Селезнева демонстрирует избирательный колористический подход к вы-

бранным «живописным диалогам», работает в разных палитрах. В первом случае колорит строится на активных, звучных цветовых пятнах, мощной, корпусной манере письма (ее «старинная» живопись сильно напомнила нам живопись художника Ильбека Хайрулинова). Другая колористическая манера художницы, которая хорошо себя проявила и в пейзажах, как правило, подобрана из очень красивых зелено-голубых холодных оттенков, исполнена быстрыми, тонкими мазками. Столь различные полотна с цветовыми сполохами и нюансированными гаммами отлично дополняют друг друга в единой экспозиции. А ее картина из серебряной серии «Мой Алтай» стала своеобразным эпиграфом ко всей выставке.

У живописца Петра Кудинова, деревенского жителя, как и у его выставочных соратников, тоже «свой Алтай». Его живопись, понимание роли картины, роли пейзажа значительно отличаются. Для его стиля характерны обобщенность рисунка, понимание масштаба, упрощенная роль композиции: все свидетельствует о монументальном начале его искусства. Наиболее близки Петру Кудинову художники «Бубнового вальса». Художник обратил на себя внимание еще раньше на краевых выставках, где он демонстрировал несколько угловатые пейзажи, напоминающие картины с животными немецкого экспрессиониста Франка Марка. Впрочем, экспрессионистические черты носят только внешний характер. Его работы по-алтайски «почвенны», с запахом сена и трав, ощущением беспредельного окружающего пространства, вкусом домашнего парного молока. Петр Кудинов вступил в ряды профессиональных художников всего несколько лет назад. Его принятие в члены СХ принесло свои положительные плоды: он как художник стал эволюционировать. Художника привлекают жанровые работы с модернистской стилистикой. На наш взгляд, полученные результаты весьма достойные. И уж точно намного убедительнее работ тех же Александра Андрусенко или Бралгина-сына.

На редкость удачная выставка, такого гармоничного союза художников просто не припоминается. Нет лишних споров, слов, ненужных конфликтов. В очередной раз зритель мог убедиться, что настоящая, искренняя, родниковая живопись на Алтае жива. Три «гения места», три достойнейших представителя изобразительного искусства – Николай Клековкин, Лидия Селезнева, Петр Кудинов – подарили настоящий праздник живописи.

